

Сверчков

7489

Д. С В Е Р Ч К О В

КЕРЕНСКИЙ

◆ П Р И Б О Й ◆

9357/R

Д. Ф. СВЕРЧКОВ

КЕРЕНСКИЙ

2-е издание

(1927)

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО • ПРИБОЙ •
ЛЕНИНГРАД

47576

ГОС. ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНЕИ
ГЕОРГИЯ СОКОЛОВА
НА КРАСН. КОМАНДИРОВ 29
ЛЕНИНГРАД

1927

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Бурные события, через которые прошла Россия в 1917 и последующих годах, вынесли на поверхность и сделали известным почти во всех государствах мира имя адвоката Александра Федоровича Керенского.

В последние годы это имя погрузилось в область забвения.

Но в 1917 году фигура Керенского представлялась многому множеству российских обывателей, на которых неожиданно свалилась революция, героической, перед Керенским млели в восторге все те, кто привык смотреть на исторические события, как на пьесу, разыгрываемую отдельным лицом или руководимую одним «героем», кто не замечал единственного героя революционной борьбы — рабочего класса, а сосредоточивал свое внимание на выносимых наверх волнами отдельных личностях, забывая о том, что в бурю выше всего поднимается ветром и всякий сор...

Грянула Октябрьская революция, сорвавшая величавую тогу «диктатора» с прикрывавшегося ею фигура. Керенский позорно бежал с исторической арены для того, чтобы никогда на нее не возвратиться. Но славно было еще его имя. Те, кто бывал в 1918 и 1919 годах на азиатских рынках, на ближне-восточных биржах Турции, Румынии и т. д., кто вращался среди спекулянтов и проходимцев, «делавших деньги» на гражданской войне, рассказывали, как популярны были там два имени: Керенский и Романов, вылетавшие тысячи раз в день из осипших от непрерывного крика глоток биржевых маклеров, перекупщиков валюты и им подоб-

ных. Там спекулировали на «керенках» и «романовках», в ожидании успехов деникинского наступления и в уверенности, что «восстановленная» Россия оплатит эти векселя звонкою монетою.

Что же представлял собою адвокат, заблиставший такой яркой звездой на русском небосклоне в течение нескольких месяцев 1917 года?

Д. С.

1. Революционер с... шестилетнего возраста.

Александр Федорович Керенский родился 22 апреля 1881 г. в Симбирске. Услужливые газетчики писали в 1917 году, что «первый вздох Александра Федоровича почти совпал с последним вздохом великих народовольцев Софьи Перовской, Андрея Желябова, Тимофея Михайлова, Кибальчича и Рысакова, задушенных по приказанию Александра III на Семеновской площади». Нужно быть газетным лакеем, чтобы не краснеть за такое сопоставление! Казнь героев-народовольцев произошла 3 апреля, и если их можно сравнивать хотя в чем-нибудь с Керенским, то разве в том, что, не имея тени скромности, величия и стремления к самопожертвованию, какими отличались первые четверо из великих пионеров революции, он кончил предательством, запятнавшим память пятого из них...

Отец А. Ф. Керенского был директором Симбирской гимназии.

Сам А. Ф. Керенский, рассказывая в апогее своей славы о своем детстве, указывал на очень сильное впечатление, которое произвело на него, имевшего тогда от роду всего 6 лет (!), известие о казни Александра Ильича Ульянова (брата В. И. Ленина), по делу 1 марта 1887 г. (покушение на Александра III). Впечатление от этой казни, как он говорил, предопределило (с шестилетнего возраста!) будущий склад его характера и убеждений...

В 1889 году отец А. Ф. Керенского был переведен из Симбирска в Ташкент. В 1899 году А. Ф. Керенский окончил Ташкентскую гимназию и поступил на юридический факультет Петербургского университета, кото-

рый благополучно окончил в 1904 году, ничем не участвуя в широко развившемся в эту эпоху студенческом движении, переживавшем в эти годы лучший период своего подъема.

В анналы департамента полиции имя А. Ф. Керенского попадает впервые в связи с коллективным заявлением-протестом, поданным общественными деятелями Петербурга министру внутренних дел по поводу ареста депутации с М. Горьким во главе, бывшей у министра накануне расстрела рабочих 9 января 1905 года. Среди 217 подписей под этим заявлением департамент полиции отметил подпись «А. Керенский» и открыл на это имя «текущий счет».

Революция 1905 года совсем не захватила Керенского. Участники событий этого времени не могут припомнить его имени даже в связи с безобидными выступлениями либералов на организуемых ими банкетах. Однако, 23 декабря 1905 года Керенского арестуют, при чем департамент полиции обвиняет его в принадлежности к боевым дружинам партии социалистов-революционеров на том основании, что у него по обыску обнаружено «значительное количество переписки и воззваний преступного содержания, заряженный револьвер, рукописи и переписка о Союзе союзов» (либеральном объединении буржуазных союзов, организовавшемся в 1905 году и не имевшем ничего общего с революционными партиями).

Предъявленное к Керенскому на этих основаниях обвинение, конечно, не могло иметь особо неприятных для него последствий, и 5 апреля 1906 г. он был освобожден из-под стражи.

В июне 1906 г. Керенский вновь был обыскан и привлечен к делу, вследствие полученных департаментом полиции сведений о сношениях его с членом боевого комитета (?) партии социалистов-революционеров С. Г. Клитчоглу. По обыску у Керенского было обнаружено: 1) кожаный портфель с гектографированными воззваниями от имени центрального комитета организации «Вооруженное восстание» и экземпляры прокламаций к интеллигенции от имени той же организации (организация «Вооруженное восстание» явилась созданием кучки интеллигенции, настроенной революционно,

но не примыкавшей ни к одной из партий. Организация эта ставила целью вызвать вооруженное восстание, не имея никаких других программ и задач. Она погибла естественной смертью, не успевши расцвести, в том же 1906 году, вызвав недоумение своим возникновением и забытая даже по имени через несколько дней после исчезновения. Д. С.), разные другие воззвания, многочисленные рукописи и заметки, 2) картонная коробка с бумагой для гектографа (?), 3) 8 экземпляров программы партии социалистов-революционеров, 4) разные нелегальные издания, 5) тетрадь со стихотворениями преступного содержания и разные записки, относящиеся к критике разных правительственных мероприятий, и 6) револьвер с патронами. Эти «улики» повлекли за собой опять прекращение дела о Керенском 21 сентября 1906 г.

Дальше все сведения о Керенском по данным департамента полиции прекращаются до 1912 года, когда он был выбран депутатом IV Государственной Думы.

Период до 1912 г. Керенский занят был адвокатской практикой, выступая иногда защитником по политическим процессам.

2. Керенский — депутат IV Государственной Думы.

Партия социалистов-революционеров бойкотировала выборы в Государственную Думу, но не запрещала отдельным членам партии проходить на их собственный риск на выборах. На этом основании центральный комитет «трудовой группы», ставивший своей задачей объединение всех народнических течений, решил наряду с трудовиками проводить в Думу и отдельных социалистов-революционеров при условии вхождения их в Думе в фракцию трудовиков¹.

Керенский прошел выборщиком в Думу по г. Вольску Саратовской губернии и, «благодаря сложившимся обстоятельствам» (как говорит центральный комитет трудовой группы), был выбран депутатом от Саратовской губернии.

---

¹ «А. Ф. Керенский», изд. ЦК трудовой группы, 1917 г., стр. 7.

В Думе Керенский стал лидером трудовой группы и в течение всех 5 лет старался объединить все народнические течения — от правых до левых — в целях борьбы с самодержавием. Нечего говорить, что такое объединение неизбежно понижало размах этой борьбы в уступку правым элементам.

Отчеты Думы полны речами Керенского, произносившимися с подъемом, красивыми по форме, но всегда очень неглубокими по содержанию. Перерывы между сессиями Думы Керенский использовал для объездов провинции с рядом лекций на жгучие темы политической жизни того времени.

Останавливаться на его речах в Думе значило бы заполнять целые страницы настоящего очерка без особой надобности. Приведу выдержки лишь из некоторых его выступлений, характеризующих, как понимал революцию этот прославленный член партии социалистов-революционеров даже тогда, когда революция стояла на пороге Государственной Думы и уже стучалась в ее двери.

16 декабря 1916 года — за два с половиной месяца до переворота — А. Ф. Керенский выступил в Государственной Думе и сказал:

«Господа, теперь вы сами видите, что все слова, которые можно сказать о власти, которыми можно заклеить власть, преступную перед государством, все сказаны. Мы слышали здесь из уст не левых людей, не русских либералов, а из уст октябристов и консерваторов заявление, что „власть губит страну“, что „она является предательской“, что „дальнейшее ее существование грозит крахом государству“. Но какие же выводы сделаны из этих слов? Если сегодня представитель октябристов С. И. Шидловский говорил нам: „я не революционер, я отрицаю революционный метод“, то, ведь, господа, Шидловский сегодня уподобился тому герою Мольера, который с недоумением в один прекрасный день узнал, что он „говорит прозой“. Ведь процесс, в котором участвует С. И. Шидловский, это и есть революционный... Вы, господа, до сих пор под словом „революция“ понимаете какие-то действия антигосударственные, разрушающие государство, когда вся мировая история говорит,

что революция была методом и единственным средством спасения государства. Это и есть напряженнейший момент борьбы с правительством, губящим страну. Революционный процесс — объективный процесс... И раз навсегда догадайтесь, господа герои из Мольера, что вы участвуете в таком процессе истории России, который называется процессом революционным...»¹.

Гр. В. В—й, написавший невыносимо льстивый панегирик Керенскому, приводит в своей брошюрке эти слова из его речи с целью доказать, каким блестящим пониманием смысла надвигающейся революции был полон Керенский еще за два с лишним месяца до ее наступления. Но он не заметил, что нельзя было привести более убийственной характеристики Керенского, как либерала, не понимающего ни аза в революции, чем цитированное место из его речи. В самом деле, что в ней говорится? /

Только что в Думе произнесли резкие речи против распутинской системы управления Россией даже представители октябристов (партия Гучкова и крупных промышленников). В чем был смысл их пожеланий? Они хотели видеть правительство, составленное из заслуживающих доверия Государственной Думе лиц, они хотели, чтобы министрами были не ставленники Распутина, а представители партии октябристов — может-быть, с прибавкой одного-двух «кадетов» правого милюковского толка. И вот Керенский поднимается на трибуну и начинает убеждать их, что в этом и состоит революция!.. что, предъявляя правительству — даже не требование! — а пожелание о вручении министерских порфелей представителям помещичьей Думы, избранной на основании столыпинского закона 3 июня 1907 г., устранившего почти совсем от участия в Думе рабочих и крестьян и отдавшего Думу в руки черносотенных помещиков и промышленников, — они являются революционерами!.. Интересное понятие о революции у члена партии социалистов-революционеров!!

«Если власть пользуется законным аппаратом государственного управления только для того, чтобы насилловать страну, чтобы вести ее к гибели, — говорил

¹ В. В—й, «А. Ф. Керенский», Петроград, 1917 г., стр. 17.

дальше Керенский, — обязанность граждан этому закону не подчиняться» . . .

Это — чистейшая тактика «пассивного сопротивления», служившая всегда основой как будто не для партии социалистов-революционеров, а для профессора П. Н. Милюкова и его кадетской свиты . . .

15 февраля 1917 года Керенский вновь говорит в Государственной Думе:

« . . . Хаос (в стране) на-лицо перед вами, и я спрашиваю вас, есть ли у вас сознание и чувство политической ответственности в этот исторический момент подчинить свои личные и классовые социальные интересы единству, единым интересам государства? Я вам скажу, этого сознания у вас еще нет» . . .

У Керенского, наоборот, была, как видно, уже тогда готовность подчинить интересы трудового населения, которое он, по его убеждению, представлял, интересам тогдашнего «государства», т.-е. другими словами — буржуазии.

Если хотя бегло проследить политическую деятельность Керенского за время его депутатства, то в ней нельзя обнаружить ровно никаких отличительных признаков от деятельности Милюкова, Родичева и других кадетов.

6 сентября 1914 г. Керенский устраивает в Петербургском Вольно-Экономическом Обществе собрание, прошедшее под его председательством. На собрании решено организовать «союз беспартийной радикальной интеллигенции».

Осенью того же 1914 г. Керенский предпринимает целый ряд поездок по провинции с целью создания объединения всех левых элементов, независимо от принадлежности к той или иной партии «для противодействия начавшемуся тогда под влиянием военных событий поправению общества».

В апреле 1915 г. в Москве Керенским был сделан доклад о необходимости организации русской интеллигенции во внепартийный союз. Идея организации, по словам Керенского, — освобождение от политического гнета. Такая идея может объединить различные круги интеллигенции на основе общих для всех них формул.

Летом 1915 г. Керенский пробует провести план объединения всех народнических течений и отстаивает мысль о необходимости созыва общего Всероссийского съезда социалистов-революционеров, трудовиков и народных социалистов, для чего объезжает юг России и Поволжье.

В течение всего 1915 и первой половины 1916 гг. Керенский ездит с докладами и пропагандирует эту мысль в разных городах всей России, при чем справки о его деятельности широкой волной льются в департамент полиции. Они опубликованы в 1917 г. центральным комитетом трудовой группы без опровержений, так что их можно считать правильными.

Был или не был Керенский до 1917 года членом партии социалистов-революционеров?

Я думаю, что социалисты-революционеры зачислили его в свою партию в 1917 году очень далеким задним числом, на самом же деле он, может-быть, оказал им кое-какие услуги, но в партии не состоял.

Департамент полиции, обеспокоенный агитацией Керенского, рассылает 6 января 1915 г. следующий секретный циркуляр за № 165377 начальникам губернских, областных и городских жандармских управлений, отделений по охранению общественной безопасности и порядка, гг. офицерам отдельного корпуса жандармов, ведающим розыском, отмечая принадлежность Керенского к трудовикам, а не к партии с.-р.

«По поступившим в департамент полиции агентурным сведениям, в деятельности членов трудовой группы Государственной Думы наблюдается в последнее время зарождение нового течения, выражающегося в стремлении к объединению всего левого элемента, независимо от принадлежности к той или иной партии, в целях противодействия имеющемуся в связи с настоящей войной поправению населения.

«По тем же сведениям, одним из наиболее ярких выразителей такого течения является член трудовой группы Государственной Думы присяжный поверенный Александр Федорович Керенский.

«Означенный Керенский, совершая частые поездки по России и имея во время этих поездок свидания с известными ему политически неблагонадежными лицами

разных интеллигентских профессий, в конфиденциальных беседах с ними высказывается о необходимости энергичной работы в целях сплочения левых элементов страны, каковая работа должна вестись на широких началах как легально, путем использования всякого рода кооперативов и благотворительно-просветительных обществ и в частности общественных организаций, вызванных войной, так и нелегально.

«В целях достижения наибольшего успеха в деле такого объединения левых элементов населения, в Петрограде, по словам Керенского, имеет быть организован руководящий комитет, дающий директивы местным комитетам, долженствующим быть созданными на местах в больших губернских городах.

«Сообщая об изложенном, департамент полиции просит вас принять меры к освещению отмеченной деятельности по объединению левого элемента населения и могущих создаться в вверенном вашему наблюдению районе для руководства таким объединением вышеуказанных организаций, с возбуждением против изобличенных в такой деятельности лиц формальных дознаний или переписок, в порядке охраны, а при обнаружении депутата Керенского на жительстве во вверенной вашему наблюдению местности установить за деятельностью его и сношениями совершенно секретное и наружное наблюдение и о переездах его уведомлять подлежащие розыскные органы.

«О полученных по сему результатах департамент полиции просит уведомить.

Директор Б р ю н д е - С е н т И п п о л и т .

Заведующий делопроизводством М. Б р о е ц к и й».

3. Керенский в феврале 1917 г.

Указом от 25 февраля 1917 г. Государственная Дума была распущена. На заседании совета старейшин¹ 27 февраля Керенскому пришлось горячо убеждать Шидловского и других «революционеров» не подчи-

¹ Так назывались собрания представителей фракций Государственной Думы.

няться этому указу и не расходиться. А в 1 час дня того же 27 февраля в Думу уже явились представители 25 000 восставших солдат, а за ними Таврический дворец был переполнен уже организовавшимися отрядами революционной армии и вооруженного народа.

В тот же день под давлением событий был организован «Временный Комитет Государственной Думы» под председательством тоже «революционера» — М. В. Родзянко¹, — «для поддёржания порядка в Петрограде и для сношения с различными учреждениями и лицами». В числе 12 членов Комитета в него попадает и Керенский.

Вечером того же дня организуется Временный Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов, товарищем председателя которого избирается А. Ф. Керенский.

Временный Комитет Государственной Думы организовал Временное Правительство под председательством князя Львова.

Члены Временного Комитета Государственной Думы, ровно как вся без исключения «кадетская» партия во главе с Милюковым, были чрезвычайно озабочены сохранением «преемственности власти». Во всех без исключения мемуарах, записках, воспоминаниях, статьях и рассуждениях, которыми наводнена заграничная белая русская литература после Октябрьской революции, гг. Милюков, Набоков, Шидловский и многое множество подобных им лиц, к сонму которых примкнули в этом отношении и сам Керенский и считавшийся когда-то даже большевиком б. министр юстиции П. Н. Малянтович, ставят во главу угла свои заботы в течение всего 1917 года о том, чтобы новая появившаяся после революции власть явилась бы вполне «законным и правомерным» преемником низверженного Николая II. Многие множество страниц посвящено ими рассуждениям о том, что Временное Правительство явилось действительно «законной» властью потому, что... Николай II своим указом, подписанным до отречения от престола, назначил князя Г. Е. Львова председателем совета министров! Многие множество бумаги истра-

¹ Председатель IV Государственной Думы, богатый помещик.

чено на то, чтобы доказать, в какое ужасное положение поставил Николай II господ Родзянко, Милюкова, Гучкова и компанию тем, что отказался от престола не только за себя, но и за своего сына, что он делать этого не имел никакого права, что он этим выбил все карты из рук почтенных буржуа, готовившихся без шума и беспорядка, а главное — без потери своих привилегий, капиталов и земли — стать во главе власти при регентстве Михаила, как опекуна несовершеннолетнего Алексея... Милюков чуть ли не этому одному приписывает крушение монархии!!!

Нам чрезвычайно трудно понять такую удивительную точку зрения. Если и после революции государственная власть путем преемственных «законных» распоряжений царя должна перейти к новым группировкам, если считать, что любое революционное временное правительство «законно» только в том случае, если оно назначено свергнутой властью, то в чем же заключается революция и чем она отличается тогда от любой смены министерства в рамках того же режима?

А между тем все эти «юридически мыслящие личности» обрушились и на Октябрьскую революцию и на переход власти к советам прежде всего потому, что т. Ленин не получил «законных» и «преемственных» прав на власть от А. Ф. Керенского, тогда как последний потому был свят и неприкосновенен, что его помазал на премьерство князь Львов, получивший, в свою очередь, таковое же помазание от Николая II. Одним словом, Авраам роди Исаака, Исаак роди Иакова, Иаков роди Иосифа и т. д., — только при соблюдении этого «планомерного» хода преемственности гг. Милюковы, а с ними и «светила» юридической мысли готовы признавать любую власть, каковой бы она по существу ни являлась.

Исписывая целые книги рассуждениями на эту тему, основанными на «совершенно непреложных» юридических истинах, эти ревнители преемственности совершенно почему-то не затрагивают вопроса о том, кто «помазал» на «верховное правительство» Россией Колчака, Деникина и прочих генералов, захвативших с оружием в руках совершенно без всякой преемственности власть в многочисленных областях России в 1918—1920 годах? А ведь среди самых ретивых поклонников

юриспруденции и всех относящихся к ней наук не возникло даже мысли о неподчинении по этой причине симпатичным им генералам...

Власть царя низвергнута. 26—28 февраля войска Петрограда перешли на сторону революции. Что делал в эти дни Керенский?

По всем материалам, написанным об этих днях, он метался между Думой и своей квартирой и отовсюду «собирал сведения» о происходящем на улицах столицы. А Родзянко, Гучков, Милюков и компания, к которым присоединился даже Шульгин¹, действовали. Путем непрерывных телеграфных сношений с командующими армиями они принимали все меры к тому, чтобы Николай отказался от престола в пользу Алексея, регентом при котором должен был состоять Михаил, и чтобы государственная власть была организована исключительно из помещичье-либеральных представителей в Государственной Думе.

Однако, с самого начала они хотели завербовать в свой состав «представителей демократии», конечно, из наиболее приемлемых для них самих. Предложение войти во Временный Комитет Государственной Думы было сделано Керенскому и Чхеидзе. Последний отказался, предпочитая председательство в организующемся Совете Рабочих Депутатов. Керенский согласился.

Без всякого ведома организовавшегося Временного Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов Родзянко снарядил в ставку к Николаю II экспедицию из Гучкова и Шульгина с целью вырвать у царя отречение в пользу сына. Экспедиция, как я уже говорил, увенчалась неполным успехом: Николай II отрекся не только за себя, но и за сына и передал престол Михаилу Александровичу. Правда, через несколько часов после подписания манифеста об этом он спохватился и написал новый, восстанавливающий права на престол для его сына, Алексея (об этом говорит генерал Деникин в своей книге «Очерки русской смуты»), но было уже поздно; первый манифест уже был опубликован, и от-

¹ Известный черносотенец, член Государственной Думы и редактор реакционной газеты «Киевлянин», впоследствии деятельный помощник Деникина.

меняющий его документ генерал Алексеев, которому Николай II отдал его для отправки по телеграфу, положил в карман себе на память...

Гучков и Шульгин, ликуя от выполненной миссии и от роли, которую им пришлось играть, вернулись в Петроград, при чем Гучков прямо из вагона пришел на митинг рабочих Варшавских ж.-д. мастерских Северо-Западной дороги и прочитал манифест, пригласив рабочих воскликнуть «ура» в честь его императорского величества нового государя Михаила Александровича. Это его приглашение повлекло за собой немедленный арест его рабочими и единодушное требование их расстрелять Гучкова тут же у мастерских... Кто-то выручил незадачливого оратора, который из этого эпизода понял, что дело с монархией обстоит не так просто, как ему казалось сначала...

Еще до поездки Гучкова и Шульгина Николай II пригласил к себе Родзянко. Однако, железнодорожники отказались пропустить его поезд к царю без разрешения Исполнительного Комитета. Родзянко вынужден был обратиться к Чхеидзе, вопрос обсуждался Исполнительным Комитетом в отсутствие Керенского, и просьба Родзянки была отклонена.

Роль, которую играл при этом эпизоде Керенский, чрезвычайно характерна. Вот как рассказывает о ней Н. Суханов («Записки о революции», т. I, стр. 245 и след., изд. 1922 г., Берлин):

«Вопрос о поездке Родзянки был решен очень быстро одним дружным натиском... Я говорил: Родзянку пускать к царю нельзя. Намерений руководящих групп буржуазии, „прогрессивного блока“, думского комитета, мы еще не знаем, и ручаться за них никто не может... Если на стороне царя есть какая-либо сила, то „революционная“ Государственная Дума, „ставшая на сторону народа“, непременно станет на сторону царя против революции. Что Дума и проч. этого жаждут, в этом не может быть сомнений. Весь вопрос в возможности этого. И нельзя создавать эту возможность образования контр-революционной силы под видом объединения царя с народом в лице „народного представительства“... И что было не под силу одному царю, то он легко может сделать при помощи Думы и

Родзянки: собрать и двинуть силы для водворения „порядка“ в Петербурге...».

Насколько справедливы и правильны были такие мысли, подтверждает ныне проф. П. Н. Милуков, который в своем I томе «История второй русской революции» (стр. 54, изд. София, 1921 г.) приводит свою речь уже после отречения Николая II во время переговоров с Михаилом Александровичем:

«... К тому же вне Петрограда есть полная возможность собрать военную силу, необходимую для защиты великого князя»...

Возвращаюсь к изложению Суханова.

«Было постановлено в поезде Родзянко отказать... Мы обратились к очередным делам... В это время в комнату влетел бледный, уже совершенно истрепанный Керенский. На его лице было отчаяние, как будто произошло что-то ужасное.

«— Что вы сделали? Как вы могли? — заговорил он прерывающимся трагическим шопотом. — Вы не дали поезда... Родзянко должен был ехать, чтобы заставить Николая подписать отречение, а вы сорвали это!! Вы сыграли на руку монархии, Романовым! Ответственность будет лежать на вас...»

«Керенский задыхался и, смертельно бледный, в обмороке или в полуобмороке упал в кресло. Побежали за водой, расстегнули ему воротник. Положили его на подставленные стулья, прыскали, тормошили, всячески приводили в чувство.

«... Керенский на второй день революции уже явился из правого крыла в левое прямым, хотя и бессознательным, орудием и рупором Милукова и Родзянки... (разрядка Н. Суханова).

«Очнувшись, Керенский произнес тут же длинную и бестолковую речь — не столько о поездке и об отречении, сколько о долге каждого перед революцией и о необходимости контакта между правым и левым крылами Таврического дворца. Он говорил нудно и раздраженно, подчеркивая не раз, что он, Керенский, пребывает в правом крыле для защиты интересов демократии, что он уследит за ними и обеспечит их, что он — достаточная гарантия, что при таких условиях недоверие к думскому комитету есть недоверие к нему,

Керенскому, что оно при таких условиях неуместно, опасно, преступно и т. д.».

Как характерен этот мелкий эпизод для Керенского, и не кажется ли он теперь, когда эпопея этого человечки прошла целиком у нас перед глазами, определяющим всю его личность, всю его фигуру?

4. Керенский — министр.

Вечером 1 марта Исполнительный Комитет Совета обсуждал вопрос о вхождении его представителей во Временное Правительство. Большинством 13 голосов против 7 или 8 постановили: в министерство Милюкова представителей демократии не посылать и участия в нем не требовать.

Ночью того же дня состоялось совместное заседание Комитета Государственной Думы и Исполнительного Комитета Совета по вопросу об организации власти. Меньшевистско-эсэровский Исполнительный Комитет договорился, в общем, о декларации, которую должно будет выпустить Временное Правительство. Разногласие вышло только с Милюковым, который ожесточенно отстаивал необходимость объявить Россию конституционной монархией с великим князем Михаилом во главе. Интересно, что потом тот же Милюков обрушивался все время на представителей левых партий и даже на Керенского за то, что они осмеливались — до решения Учредительного Собрания — говорить о России, как о республике.

Передаю слово опять Н. Суханову:

«Было около 4 часов утра, когда мы оставили комнату думского комитета... Из комнаты, где мы заседали, вышел Керенский и сообщил нам, что ему предлагают портфель министра юстиции. Не только предлагают, но убеждают и просят принять... Керенский спрашивал, как поступить...» Н. Суханов ответил, что следует категорически отказаться... «Но это не удовлетворило его... Его вопрос сводился не к тому, быть ему или не быть министром. Он хотел не совета. Цель его разговора была — узнать, поддержит ли его Совет в лице его руководителей, признает ли его своим, когда он будет министром. Он хотел поддержки...»

Он хотел быть и советским человеком и министром, но... больше министром...».

Керенский обращался с этим вопросом не к одному Суханову. Вот что говорит по этому поводу С. Мстиславский в своей книжке «Пять дней» (стр. 60, изд. Берлин, 1922 г.):

«Под вечер, проходя нижним правым коридором (Таврического) дворца, я встретил Керенского. Мы обменялись несколькими незначительными фразами, и я протянул уже руку для прощания, когда Керенский, словно вдруг внезапно решившись, оттянул меня в сторону, к самой стене, и сказал вполголоса быстро:

«— Мне предлагают войти в кабинет, который формирует Львов, министром юстиции. Больше социалистов в кабинете нет. Как по-вашему: итти или не итти?»

«Я пожал плечами:

«— Разве при таких решениях можно советовать... и советоваться?»

«Керенский дернулся всем телом и выпрямился.

«— Значит, и вы не знаете?—резко ударяя на „вы“, проговорил он сквозь зубы и, стукнув дверью, вошел в кабинет «Временного Правительства».

С таким же вопросом Керенский обращался и к офицеру, члену партии с.-р., В. Б. Станкевичу, который пишет («Воспоминания 1914—1919 гг.», стр. 70, Берлин, 1920 г.):

«... В один из первых дней, когда еще велись переговоры относительно составления правительства, Керенский, увидя меня около кабинета Родзянки, подошел ко мне и заявил: — Знаете ли, мне предлагают портфель министра юстиции. Брать или не брать? Вопрос был в той плоскости, что демократические партии вообще отказались от участия в правительстве, и Керенскому приходилось итти против настроений своих друзей.

«— Все равно, — ответил я, — возьмете или нет — все пропало.

«— Как все пропало? Ведь все идет превосходно.

«— Армия разлагается. Но, быть-может, вы еще спасете. Конечно, брать.

«И я поцеловал его».

Об этом же Керенский спрашивал присяжного поверенного Демьянова, инж. Макарьева и других.

Исполнительный Комитет Совета на запрос об этом же Керенского ответил ему категорическим отказом. Тем не менее 2 марта Керенский дал согласие Милюкову на принятие портфеля министра юстиции.

2 марта вечером состоялось заседание Совета Рабочих Депутатов. Во время прений, связанных с организацией Временного Правительства (Исполнительный Комитет докладывал Совету о принятых накануне решениях и состоявшихся переговорах с думским комитетом), в заседание Совета явился Керенский и попросил слова для внеочередного заявления. Слово было ему дано, и он произнес следующую истерическую речь, которой нельзя не отказать в чрезвычайной ловкости:

«Товарищи! Я должен сделать вам сообщение чрезвычайной важности. Товарищи, доверяете ли вы мне? (Возгласы: «Доверяем, доверяем!»). Я говорю, товарищи, от всей глубины моего сердца, я готов умереть, если это будет нужно... (В зале волнение. Керенского приветствуют рукоплесканиями, превращающимися в овацию). Товарищи, в настоящий момент образовалось Временное Правительство, в котором я занял пост министра. Товарищи, я должен был дать ответ в течение пяти минут и потому не имел возможности получить ваш мандат до решения моего вступления в состав Временного Правительства.

«Товарищи, в моих руках находились представители старой власти, и я не решился выпустить их из своих рук. (Бурные аплодисменты. Возгласы: «Правильно!»). Я принял сделанное мне предложение и вошел в состав Временного Правительства в качестве министра юстиции. Немедленно по вступлении на пост министра я приказал освободить всех политических заключенных и с особым почетом препроводить из Сибири сюда, к нам, наших товарищей депутатов членов социал-демократической фракции четвертой Думы и депутатов второй Думы. (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию). Освобождаются все политические заключенные, не исключая и террористов. Я занял пост министра юстиции до созыва Учредительного Собрания, которое должно будет, выражая волю народа, установить будущий государственный строй. До этого момента будет гарантирована свобода пропаганды и агит-

тации по поводу формы будущего государственного устройства России, не исключая и республики. (Аплодисменты). В виду того, товарищи, что я принял на себя обязанности министра юстиции до получения от вас на это полномочий, я слагаю с себя звание товарища председателя Совета Рабочих Депутатов. Но для меня жизнь без народа немыслима, и я вновь готов принять на себя это звание, если вы признаете это нужным. (Крики: «Просим, просим»). Товарищи, войдя в состав Временного Правительства, я остался тем же, кем был — республиканцем. В своей деятельности я должен опираться на волю народа. Я должен иметь в нем могучую поддержку. Могу ли я верить вам, как самому себе? (Бурные аплодисменты. Возгласы: «Верь, верь, товарищ!»). Я не могу жить без народа, и в тот момент, когда вы усомнитесь во мне, — убейте меня! Я заявлю Временному Правительству, что являюсь представителем демократии и что Временное Правительство должно считаться с теми мнениями, которые я буду отстаивать в качестве представителя народа, усилиями которого была свергнута старая власть. (Аплодисменты. Возгласы: «Да здравствует министр юстиции!»).

«Товарищи, время не ждет. Я призываю к организации, к дисциплине, прошу вас поддержать нас, ваших представителей, готовых умереть во имя интересов народа и отдавших ему всю свою жизнь. Я полагаю, что вы не осудите меня и дадите мне возможность осуществить все необходимые гарантии свободы до созыва Учредительного Собрания.

«Товарищи, позвольте мне вернуться к Временному Правительству и объявить ему, что я вхожу в его состав с вашего согласия, как ваш представитель». (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Возгласы: «Да здравствует Керенский!»).

Я цитирую эту речь по брошюре В. В.—й «А. Ф. Керенский» (стр. 28—29, изд. 1917 г.). Гр. В. В.—й, написавший до-нельзя льстивую книжку о «великом» человеке 1917 года, быть-может, несколько преувеличил указания в скобках на овации и проч., но все без исключения свидетели этого заседания Совета отмечают чрезвычайно ловкий ход Керенского, который этой речью,

произнесенной то замирающим шопотом, то захватывающими нотами с дрожью в голосе (еще бы, дело шло о получении так желанного министерского поста!) налету схватил от Совета одобрение вхождению своему в правительство вопреки состоявшемуся отказу Исполнительного Комитета...

Вся речь пропитана демагогией и расчетом. Перед рабочими и солдатами, опьяненными небывалым, исключительным успехом победы над самодержавным Николаем II и его сворой, было намеренно брошено «опасение» оставить арестованных представителей старого режима «в чужих руках» (на самом деле они были во власти Исполнительного Комитета), о возвращении с почетом из Сибири и тюрем политических заключенных, «не исключая и террористов» — последняя фраза особенно интересна в устах представителя партии социалистов-революционеров, который ею как будто бы сомневался в возможности освобождения их, а, с другой стороны, указывал на распространение амнистии на террористов, как на особенную для себя заслугу...

«Воистину, безгранично велика должна была быть „пасхальность“ настроения слушавших его, готовность их на всепрощение, если они простили эту постыдную расчетливую фразу, перекрывшую для меня — в один удар пульса—всю его страстную исповедь»,—говорит по этому поводу С. Мстиславский, товарищ Керенского по партии с.-р.

Керенский произнес эту речь и скрылся, не прося поставить на голосование одобрение вхождению его в министерство. Чхеидзе улыбался. Ставка сторонников вхождения в правительство Львова была выиграна.

В министерстве Львова Керенский был не один. Милюков указывает на Н. В. Некрасова и М. И. Терещенко, как на чрезвычайно близких Керенскому людей, игравших потом особую роль в правительствах Керенского и получивших в правительстве Львова портфели министра путей сообщения и министра финансов.

Керенский постоянно называл себя «заложником демократии в буржуазном правительстве». К сожалению, он ни разу не разъяснил, как именно надо понимать его роль «заложника»; заложников обыкновенно берет более сильная сторона в обеспечение того, что побе-

жденные ею элементы не будут предпринимать никаких враждебных действий против победителей... На этом обычном понятии «заложника» как-то не останавливались, хотя по существу дела Керенский во все время пребывания своего в правительстве, повидимому, понимал роль свою именно в этом смысле, несмотря на то, что «демократия» никак не могла считать себя побежденной Милюковым, Родзянко и компанией...

5. У великого князя Михаила Александровича.

Временное Правительство было создано. 2 марта петроградская конференция партии социалистов-революционеров санкционировала вступление Керенского в министерство Львова, как способ «необходимого контроля над деятельностью Временного Правительства со стороны трудящихся масс».

В думских кругах лихорадочно обсуждался вопрос о форме государственного устройства до Учредительного Собрания. Перед думским комитетом стоял «вопрос о династии».

На рассвете 3 марта министры уведомили ничего не подозревавшего Михаила Александровича об отречении Николая II в его пользу и предупредили, что через несколько часов посетят его.

Состоялось предварительное совещание членов Временного Правительства и думского комитета о том, что и как говорить великому князю.

«А. Ф. Керенский, — повествует Милюков в своей „Истории второй русской революции“ (стр. 53, ч. I, т. I), — еще накануне вечером в Совете Рабочих Депутатов объявил себя республиканцем и сообщил о своем особом положении в министерстве, как представителя демократии, и об особенном весе своих мнений. Правда, принятая на конференции петроградских социалистов-революционеров 2 марта резолюция говорила еще только о „подготовке Учредительного Собрания пропандой республиканского образа правления“ (разрядка Милюкова)... Но на утреннем совещании 3 марта его (Керенского) мнение о необходимости убедить великого князя отречься возымело решающее влияние. Н. В. Некрасов уже успел набросать и проект отречения.

На стороне обратного мнения, что надо сохранить конституционную монархию до Учредительного Собрания, оказался один П. Н. Милюков. После страстных споров было решено, что обе стороны мотивируют перед великим князем свои противоположные мнения и, не входя в дальнейшие прения, предоставят решение самому великому князю».

Таким образом, как выясняется, все министры, а в том числе и «заложник» Керенский решили передать вопрос о форме государственного устройства России на окончательное решение... Михаила Александровича!!.

«Около полудня, — повествует дальше Милюков, — у великого князя на Миллионной собрались члены правительства: кн. Г. Е. Львов, П. Н. Милюков, А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов, М. И. Терещенко, И. В. Годнев, В. Н. Львов и несколько позже приехавший А. И. Гучков, а также члены Временного Комитета: М. В. Родзянко, В. В. Шульгин, И. Н. Ефремов и М. А. Караулов. Необходимость отказа пространно мотивировал М. В. Родзянко, а после него — А. Ф. Керенский. После них П. Н. Милюков развил свое мнение, что сильная власть, необходимая для укрепления нового порядка, нуждается в опоре привычного для масс символа власти... что хотя и правы утверждающие, что принятие власти грозит риском для личной безопасности самого великого князя и самих министров, но на риск этот надо идти в интересах родины... Поддержал П. Н. Милюкова один А. И. Гучков. Обе стороны заявили, что в случае решения (со стороны великого князя), несогласного с их мнением, они не будут оказывать препятствия и поддержат правительство, хотя участвовать в нем не будут».

Таким образом, — как заявляет Милюков, — «противная ему сторона», т.-е. в том числе и А. Ф. Керенский, заявили, что, в случае решения Михаила Александровича усесться на престол, они не будут оказывать препятствия и поддержат правительство...

Очень интересно заявление, рисующее цену «республиканцу» Керенскому, каковым он заявил себя накануне в Совете. Впрочем, эта позиция его не противоречила нисколько резолюциям петроградской конференции партии социалистов-революционеров, ко-

торая, как отмечает с удовлетворением Милюков, не высказалась за республику, а говорила лишь о пропаганде республиканского образа правления, но такая пропаганда, конечно, могла осуществляться и в рамках монархической конституционной России...

«По окончании речей, — повествует далее Милюков, — великий князь, все время молчавший, попросил себе несколько времени на размышление. Выйдя в другую комнату, он пригласил к себе М. В. Родзянко, чтобы побеседовать с ним наедине. Выйдя после этой беседы к ожидавшим его депутатам, он сообщил им довольно твердо, что его окончательный выбор склонился на сторону мнения, защищавшегося председателем Государственной Думы. Тогда А. Ф. Керенский патетически заявил: — Ваше высочество, вы — благородный человек, ваш поступок оценит история, он высоко патриотичен и обнаруживает вашу любовь к родине».

Гов. Демьян Бедный писал в «Известиях» 4 марта:

Что Николай лишился места,
Мы знали все без манифеста,
Но все ж, чтоб не было неясности,
Предать необходимо гласности
Для «кандидатов» всех ответ:
Что «места» — также больше нет.

6. Первое Временное Правительство (2 марта—6 мая 1917 г.).

6 марта Временное Правительство опубликовало программу своей деятельности. В ней говорилось о «доведении войны до победного конца» и заявлялось, что правительство «будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно исполнит заключенные с союзниками соглашения».

Отношение к войне явилось первым поводом для конфликта между правительством и Советом, который — робкими шагами — стремился к «демократическому миру», основывая свои стремления на том, что армия больше воевать фактически не могла. Эта неспособность армии к дальнейшим военным действиям вытекала не только из учета всех фактов, произведенного революционными партиями. Ее подтвердили впоследствии

и «авторитеты» из совсем другого лагеря. Тот же самый профессор Милюков, который в качестве министра иностранных дел Временного Правительства вдесятеро усилил свои призывы захвата Константинополя и проливов и с пеной у рта повсюду толковал о необходимости наступления на фронте для поддержки союзников, впоследствии писал (П. Н. М и л ю к о в, «История второй русской революции», т. I, вып. I, София 1921 г., стр. 133):

«Справедливость требует отметить, что развал в армии не был исключительно явлением послереволюционного времени. И нежелание воевать, и падение дисциплины, и подозрительное отношение к офицерству, и дезертирство в тыл, — все эти явления замечались еще до революции, как продукт общей усталости, плохой обстановки жизни и недостаточного питания — на почве темноты масс и недостаточной авторитетности командного состава».

Тогда, в марте 1917 г., профессор Милюков был полон «патриотизма».

Керенский беспомощно болтался между советской и правительственной милюковской точкой зрения на войну, то голосуя с «циммервальдцами», то подписывая декларацию Милюкова, пока не перешел окончательно в лагерь «ура-патриотов».

4 марта неожиданно появилось сообщение о назначении верховным главнокомандующим... великого князя Николая Николаевича... Десятимиллионная армия отдавалась вновь в руки одного из Романовых...

Под энергичным натиском Совета вступить в командование армией Николаю Николаевичу не пришлось.

Отношение к Романовым со стороны «социалиста-революционера» и «республиканца» Керенского очень интересно.

6 марта генерал Алексеев заявил от имени Николая II Временному Правительству о том, что царская семья желает эмигрировать за границу. Временное Правительство немедленно согласилось на это и начало переговоры с английским правительством. Выпустить Николая II за границу значило, как ясно каждому, открыть целую эпоху новой борьбы за престол, дать возможность контр-революции сорганизоваться, объединиться

с иностранными защитниками Российской монархии и подвергнуть нашу страну многолетним бедствиям.

Это понятно каждому, но не Керенскому, который 7 марта в Москве говорил об отъезде Николая II с семьей за границу, как о деле решенном и не вызывающем никаких сомнений.

«Сейчас Николай II в моих руках, руках генерал-прокурора. И я скажу вам, товарищи, русская революция прошла бескровно, и я не хочу, не позволю омрачить ее. Маратом русской революции я никогда не буду... В самом непродолжительном времени Николай II под моим личным наблюдением будет отвезен в гавань и оттуда на пароходе отправится в Англию».

Так говорил «заложник» демократии, но не так думали рабочие. 6 марта Исполнительный Комитет постановил Николая II за границу не пускать, а арестовать его в Царском Селе. Николай II, свободно проживавший в Ставке, был арестован и отвезен в царскосельский дворец.

В правительстве Милюкова Керенский, как министр юстиции, занимался разработкой и проведением новых начал по судебному ведомству, старался держать себя «демократически» — жал руки швейцарам и проч., при чем проделывал это не естественно, как следовало бы, а показным театральным образом, но главное внимание его было обращено на другое. Уже с первых дней он старался подготовить почву к главенству в правительстве.

С половины марта Керенский едет по России, посещает фронт. В газетах появляются многочисленные сообщения и телеграммы о том, где он был, что говорил. Но больше всего он обращает внимание на военные дела. Повидимому, план сделаться военным и морским министром у него был в это время окончательно уже выработан. Приведу некоторые из газетных сообщений, особенно характерных в этом смысле:

«Среда 22 марта 1917 г. В беседе с сотрудниками газет только-что вернувшийся с фронта министр юстиции А. Ф. Керенский поделился своими впечатлениями от этой поездки:

«Прежде всего, — говорит министр, — необходимо омолодить командный состав во всей армии... Нам

придется выдержать серьезный экзамен на фронте... продовольственный вопрос... дезертирство...» и т. д.
12 апреля 1917 г. газеты писали:

«А. Ф. Керенский, вернувшись из Ревеля, заявляет, что состояние обороны находится на должной высоте. Все суда в полной боевой готовности. Работа флота напряженная и энергичная...».

Военным и морским министром в это время был Гучков, который по всем этим вопросам или молчал или не отличался многословием. А министр юстиции информировал страну о состоянии армии и флота, о необходимых мероприятиях по морскому и военному министерству!.. И все как будто бы считали, что это вполне нормально, а Керенский приучал к мысли, что адвокат и штатский — вопреки всем привычным старым традициям (которые особенно сильны были в военной среде) — может с успехом заниматься военными и морскими делами.

22 марта в газетах Керенский заявлял:

«В настоящее время в верхах армии, в генералитете нельзя уже встретить какого-либо противодействия новому порядку»...

Что это был за «генералитет»? 7 марта в Совете т. Стеклов поднял справедливый шум по поводу приказа, изданного генералом Алексеевым на фронте. Ген. Алексеев, узнав, что на фронт едет делегация в 50 человек и именем нового правительства обезоруживает жандармов (какой ужас) и получив справку от Временного Правительства о том, что оно такой депутации не посылало, пришел к заключению, что он имеет дело «с чисто революционными разнузданными шайками, которые стремятся разоружить жандармов на железных дорогах», и приказал: «при появлении где-либо подобных (т.-е. разоружающих жандармов) самозванных делегаций, таковые желательно не расценивать, а стараться захватить их и по возможности тут же назначать полевой суд, приговоры которого немедленно приводить в исполнение».

Чрезвычайно интересный штрих для характеристики генерала, о полном доверии к которому Керенский говорил в течение целых месяцев своего премьерства! Генерал счел заслуживающим смертной казни факт

разоружения жандармов. И его не убрали немедленно, не привели к покорности революции, а оставили во главе армии и носились с ним чуть не до самой Октябрьской революции!

Приказ генерала Алексеева вызвал в Исполнительном Комитете Совета искренний смех. Конечно, он не имел никаких последствий...

Генерал Алексеев был не один. 10 марта был получен другой приказ генерала Радко-Дмитриева, который грозил военно-полевым судом за упущения по части чиновничества и отдания чести... Конечно, он собирался расстреливать за неотдавание чести во имя... народа и свободы!!!

Милюков вел свою линию. Доступ русских газет, в которых писалось о смысле и целях русской революции, за границу был прекращен. Европа питалась исключительно правительственными сообщениями, составленными в ура-патриотическом духе. В этом Милюкову оказали деятельное содействие все правительства Запада. В частности не получил никакого распространения за границей манифест Совета 14 марта о целях войны. Керенский не только не препятствовал этому, но со своей стороны принимал все меры, чтобы поддержать авторитет Милюкова от имени «демократии». В середине марта он заявил публично о необходимости «интернационализировать» Константинополь. В Ставке он, обращаясь к войскам, говорил даже то, о чем думали, но молчали представители буржуазии. Подчеркивая «общую решимость продолжать войну до победы», Керенский говорил, что «лишь после победы можно будет созвать Учредительное Собрание». Там же он обратился к генералу Алексееву (вместо воздействия на него за вышеприведенный нелепый приказ) с такими словами:

«Позвольте мне, в знак братского приветствия армии, поцеловать вас, как верховного ее представителя и передать родной армии привет от Государственной Думы». Он уже забыл, вероятно, что является представителем не Думы, а Совета!!! (Суханов. «Записки о революции», кн. 2, стр. 286—287, Берлин, 1922 г.).

Но напрасно Суханов и другие интернационалисты старались провести в Исполнительном Комитете фор-

мальное постановление о том, что Керенский не является представителем Совета в правительстве, ибо он принял портфель министра вопреки постановлению Исполнительного Комитета... Чхеидзе и компания, руководившие в то время Советом, не видели в поведении Керенского ничего компрометирующего «демократию»...

Из постановлений Временного Правительства, за которые несет полную ответственность и Керенский, ибо одни из них были им подписаны, а другие не были опротестованы, интересны следующие:

Милюков составил «международно-контрольные» списки тех из русских эмигрантов-революционеров, возвращение коих в Россию с точки зрения его было нежелательно, и сообщил эти списки как русским консулам за границей, так и правительствам Запада. На основании таких списков получили отказ в выдаче пропусков в Россию т. В. И. Ленин и многое множество представителей большевиков. Им пришлось обращаться к помощи швейцарских социалистов, которые организовали их возвращение в Россию через Германию. Какой грязью обливали их в течение месяцев именно те, кто отрезал им все другие пути!!

Временное Правительство не удосужилось рассмотреть вопрос об увеличении пайка для солдатских жен и об уравнивании в правах гражданских жен с «законными» (последнее было обязанностью как раз министерства Керенского). Но 12 апреля правительство вынесло постановление о назначении бывшим царским министрам... пенсии «в размере не свыше 7 000 рублей в год»...

Некто Б. Кошко пишет:

«Вообще заседания Временного Правительства нередко принимали анекдотический характер. В то время, когда Россия, затаив дыхание, трепетно ждала разрешения давно назревших вопросов, правительство теряло целые заседания на споры вроде следующего: надлежит ли ему, как главе церкви, ехать в Исаакиевский собор, на пасхальную заутреню, или, в виду отделения церкви от государства, делать этого не следует? Надлежит ли посылать повестку о налоге в Царское Село отрекшемуся императору и если да, то адресовать

ли ее просто на имя гражданина Романова? и т. д. и т. д.»¹.

Таких примеров можно привести многое множество.

Долготерпение трудовых масс истощилось, когда Временным Правительством была опубликована нота, посланная союзникам и разъясняющая цели войны. В полном противоречии с манифестом Совета к народам мира от 14 марта, эта нота от 18 апреля заявляла, что цели России в войне остаются прежними, какими они были и при царе, что революция ничего не изменила и проч. и проч. Нота эта была подписана в числе других и Керенским...

Посылка этой ноты явилась причиной первого кризиса власти, замены правительства к.-д. с «заложником» — правительством коалиционным уже без Милюкова и Гучкова.

Керенский получил долгожданный портфель военного и морского министра.

7. Чем объяснить?

Уже прочитав предыдущие главы, всякий, вероятно, скажет: «Да как же это такой фигляр, как Керенский, стал во главе движения? Неужели так слепы и глухи были тогдашние лидеры Совета и партий, что не могли сразу оценить пустоту этого истеричного адвоката?».

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, надо учесть тогдашнее настроение различных слоев населения.

Крупная промышленная и земельная буржуазия объединилась, поскольку она сумела это сделать, вокруг Милюкова и Гучкова. Она считала, что с низвержением царя все «потрясения» окончены. Дальнейшей ее программой было: победоносное окончание войны, сохранение договоров с союзниками и создание Российского государства по типу если не Англии (попытка провозгласить конституционным царем Михаила провалилась), то хотя бы «демократической» Франции, с первенствующей ролью промышленных, помещичьих

¹ Статья о Г. Е. Львове Б. Кошко в «Вечернем Времени» № 279, Париж, 25 марта 1925 г.

и торговых кругов. Однако, она косилась на крестьянство и рабочий класс и, одною рукою собираясь выкинуть для их успокоения «кус» в виде рабочего дня, похожего снаружи на восьмичасовой, и передачи некоторых частновладельческих земель — за «справедливый выкуп», уплачиваемый помещикам, — другою рукой искала среди «демократии» лиц, которые—безразлично, сознательно или бессознательно — согласились бы поддержать ее планы в Совете и в рабочих массах.

Мелкая буржуазия в огромном большинстве примыкала к партии социалистов-революционеров и окружавшим ее группировкам: народным социалистам, трудовикам и проч.

Широкие рабочие массы еще не отслоились по настроению от мелкой буржуазии. В начале революции в их среде имели значительное распространение «циммервальдские» настроения, но они поддавали постепенно под влияние Чхеидзе, Церетели, Дана и компании, сумевших вывернуть циммервальдизм наизнанку. Им вдалбливали, что прекратить войну нельзя, что правительство под давлением Совета делает все, что для этого необходимо, что оно находится «под контролем» Совета и проч.

Меньшевики и социалисты-революционеры были убеждены, что революция является буржуазной и что поэтому ставить какие-либо вопросы глубоких социальных изменений в стране значит губить все дело, что спасение именно в соглашении с буржуазией, которой необходимо помочь организовать власть и удержать ее в своих руках.

Если учесть все сказанное, если прибавить к этому, что лучшие представители революционных партий не могли попасть в помещичью Государственную Думу, волею судеб очутившуюся в центре революции в февральские дни, что наиболее яркими фигурами на левом думском безрыбьи были бесталанные Чхеидзе и Керенский, что настроение этих двоих лидеров тогдашнего движения являлось как раз соответствующим господствовавшим мелкобуржуазным течениям, что рабочий класс был сбит с толку тем, что люди, которых он считал выразителями своих интересов и защитниками своей программы, оказались воодушевленными теми же ло-

зунгами необходимости соглашения с буржуазией, которые проповедывал Керенский, — станет понятным, что более характерного выразителя этой неразберихи во мнениях, чем Керенский, эпоха выдвинуть и не могла.

Однако, с развитием событий понимание действительности стало все более и более проникать в сознание рабочих масс. Первый кризис правительства явился результатом слишком откровенной империалистической политики Милюкова-Гучкова. Под влиянием соглашательских вождей Совет удовлетворился введением в новый состав правительства большего количества социалистов, которые, как он думал, лучше смогут противодействовать попыткам милюковского толка, голоса же, высказывавшиеся против коалиции, были в ничтожном меньшинстве.

Тов. В. И. Ленин, приехавший 3 апреля из-за границы и со ступеньки вагона уже начавший агитацию за прекращение войны, не был еще понят массой, но, выступая ежедневно на многочисленных митингах и собраниях, глубоко вбивал в голову слушателей свои острые и ясные мысли, не смущаясь широкой волной клеветы, нападок и обвинений, которые сыпали на него враги и недоумки революции, и твердо и неуклонно шел к цели, ясно и неизбежно рисовавшейся ему уже тогда в виде советской власти.

Массы верили Керенскому, Чхеидзе, Церетели, Дану, Чернову. Тем с большим озлоблением они прогнали их прочь, когда увидели воочию их обман.

8. Керенский — военный и морской министр.

Керенский — военный и морской министр. Он отказался опубликовать свою программу. «Определенная программа у меня имеется, — заявил он журналистам, — но я предпочитаю не говорить о ней... Я уезжаю на фронт и, я уверен, буду иметь полное основание рассеять тот пессимизм, который сейчас очень распространен даже среди некоторых начальствующих лиц».

Словом, «я уезжаю», — а там вы увидите сами, что я буду делать.

14 мая Керенский издает приказ по армии — о наступлении.

«Не для захватов и насилий, а во имя спасения свободной России, — говорит Керенский солдатам, — вы пойдете туда, куда поведут вас вожжи и правительство... Вы понесете на концах штыков ваших мир, правду и справедливость. Вы пойдете вперед стройными рядами, скованные дисциплиной долга и беззаветной любви к революции и родине».

Увы, ныне из записок бывшего французского посла Палеолога известно, что подготовка к наступлению, а равно и самое наступление 18 июня были при ка за ны Керенскому союзниками, что «на концах штыков» наши войска должны были понести — заведомо для Керенского — не «мир, правду и справедливость», а все те же аппетиты англо-французской буржуазии...

Имея в кармане этот приказ союзников, Керенский говорит повсюду: в окопах, на судах, на парадах, на съездах, в театрах, в городских думах, в советах, в Гельсингфорсе, в Киеве, в Риге, в Двинске, в Одессе, в Севастополе: «... Кто смеет думать, что мы взяли власть для того, чтобы проводить свои планы на чужой крови?.. Ни одна капля крови свободных русских граждан не прольется ради посторонних целей...».

Да, Керенский не проводил «свои планы на чужой крови», а старался провести чужие планы на русской крови...

18 июня началось наступление русской армии, окончившееся через несколько дней полнейшей неудачей...

Коалиционное правительство составлено. В него вошли 6 министров-«социалистов». Председателем остался князь Г. Е. Львов. Этим сохранялась «преемственность власти» от самого Николая II, о чем так заботились Милюков с компанией. Исполнительный Комитет Совета гарантировал «полную и безусловную» поддержку коалиционному правительству.

В чем же заключалась деятельность этого правительства? Чем характеризуется его пребывание у власти?

Земельный вопрос министром земледелия, знаменитым Черновым, был разрешен так: самым основным вопросом он признал «вопрос о сохранении земельного

запаса, распоряжение которым будет принадлежать Учредительному Собранию», и «проектировал» проведение через Временное Правительство законоположения, касающегося купли и продажи земли.

Пока лидер партии с.-р. Чернов «проектировал» проведение такого «законоположения» — его товарищ по партии и по министерству, Переверзев, распорядился о том, чтобы никаких ограничений земельным сделкам на местах не чинили... Другой лидер той же злополучной партии с.-р. Авксентьев разъяснил, что «приказ Переверзева был издан им частным образом (!)», а что сейчас Временное Правительство «издает декрет, запрещающий навсегда мобилизацию земельной собственности»... Сказал, — и солгал, ибо правительство, в котором посты министра земледелия и министра юстиции занимали члены партии социалистов-революционеров, считавшейся защитницей крестьянства, так и не издали никакого декрета о запрещении земельных сделок...¹.

После Февральской революции стихийно были выгнаны все губернаторы и заменены «комиссарами Временного Правительства». Однако, прежние вице-губернаторы продолжали и при коалиционном правительстве состоять на службе и получать жалованье. Земские начальники, насажденные царем в каждом уезде, чтобы приводить крестьян в подчинение помещикам и охранять права последних, только законом о местном суде от 9 мая были лишены судебных функций, но... остались во всех прочих правах на своих местах и в количестве многих тысяч продолжали получать жалованье... Само собой разумеется, что при коалиционном правительстве, заслужившем полного и безусловного доверия Чхеидзе и его «демократии», были полностью сохранены... чины и ордена, что газеты пестрели титулами действительных статских и тайных советников, что по военно-санитарному ведомству (министерство Керенского!) было объявлено, что только «женщины не подлежат награждению чинами и орденами!!».

Быть-может, кто-нибудь подумает, что коалиционное

¹ Суханов, «Записки о революции», т. I, стр. 103, Берлин. 1922 г.

правительство поспешило издать закон об отмене словных ограничений? Он жестоко ошибется. Обратясь к истории, он узнает, что еще первое Временное Правительство Милюкова разработало проект об уничтожении сословий (но «не успело» его принять), но что коалиционное правительство «полного доверия» 13 мая «приостановило» движение этого проекта и... оставило сословия со всеми привилегиями для дворянства и с ограничениями для крестьян и рабочих.

«Приостановление» проекта об отмене сословий коалиционное правительство мотивировало тем, что для проведения проекта в жизнь «потребовался бы огромный труд по пересмотру всех 16 томов свода законов, так как во всех томах имеются упоминания о сословиях»!

Крмое вице-губернаторов и земских начальников, при коалиционном правительстве продолжали существовать и Государственный Совет и Государственная Дума. Члены их получали «законом присвоенное содержание». На царский Государственный Совет декретом от 21 мая были даже возложены некоторые обязанности!

«Социалист» Переверзев, заняв пост министра юстиции, поспешил восстановить статью 129 царского уголовного уложения, применявшуюся жандармами для борьбы с революционерами. Она понадобилась для борьбы с большевиками. Ею вводилась — по старинке! — 3-летняя тюрьма за устный или печатный призыв к неповиновению или противодействию закону, постановлению или распоряжению власти, а для солдат это наказание повышалось до каторжных работ.

«Верховная комиссия» для расследования преступлений главных деятелей старого режима действовала вяло и за все время сумела провести только один процесс б. военного министра генерала Сухомлинова, обвинявшегося в измене и в получении взяток. Она кое-как работала при Милюкове, но ее деятельность свелась на-нет при «социалисте» и друге Керенского, Переверзеве. Этот министр-социалист щедро прекращал дела и освобождал из тюрьмы гнуснейших деятелей царских застенков, вроде жандармского ротмистра и погромщика Собещанского.

Думаю, этих примеров довольно, чтобы характеризовать «коалицию». Перейду к деятельности Керенского.

Я уже говорил о том, что наступление 18 июня, по словам французского посла Палеолога, было потребовано союзниками. По этому поводу также имеется авторитетная ссылка генерала Лукомского, бывшего тогда начальником штаба верховного главнокомандующего. Лукомский пишет (Ген. А. С. Лукомский, «Воспоминания», т. I, стр. 162, Берлин, 1922 г.):

«Союзники настаивали на начале активных действий на нашем фронте.

«...Наступление было намечено на всех фронтах. Наиболее сильный удар намечался на Юго-Западном фронте. Дабы подбодрить войска и влить в них „революционный порыв“¹, Керенский отправился на Юго-Западный фронт».

После сильной артиллерийской подготовки 18 июня началось наступление.

«...Прорыв фронта германцами несколько севернее участка, где нами наносился главный удар, повлек за собой паническое отступление почти по всему Юго-Западному фронту. Только применением суровых мер и массовыми расстрелами дезертиров удалось в конце-концов остановить врага. Но при отступлении были потеряны большие артиллерийские склады и значительное количество артиллерии... Временное Правительство убедилось, что одними уговорами ничего не поделаешь...».

Поездка Керенского по прифронтовым районам была описана в газетах, как сплошной триумф.

Вот как повествовало о ней «Русское Слово»:

«Могилев, 20 мая. Прибывшего Керенского встретили приветствиями представители целого ряда военных и рабочих организаций. В приветствии одного представителя военной организации указывалось на ту огромную, титаническую работу, которую выполняет сейчас министр.

¹ Кавычки Лукомского.

«— Если рок сделает необходимым ваш уход с поста военного министра, то мы, военные, проклянем этот рок. Мы хотим вас, мы хотим работать с вами.

«Затем говорил приветствие крестьянин. Он уверял, что крестьяне отдадут и уже отдают хлеб армии.

«— Мы надеемся, что и капиталисты отдадут родине свой капитал... — прибавил он».

Характерно, что даже в лакействующих перед Керенским газетах проскакивали такие ядовитые для Керенского и «министров-социалистов» надежды... Что на это ответил Керенский, — неизвестно. Вероятно, ничего...

На митинге социалистов-революционеров в Киеве 19 мая Керенский, конечно, произнес большую речь, из которой крайне любопытны следующие слова:

«— Многое, на что я хотел бы отвечать, как с.-р., мне приходится выслушивать молча, как министру...».

В других газетах эти любопытные слова были переданы так:

«— Было бы великой ошибкой, если бы я воспользовался властью во имя партийных интересов, поэтому мне многое приходится выслушивать молча, не возражая...».

После неудачи наступления Керенский вернулся в Петроград.

Чем он занимался, как военный и морской министр?

Об этом интересно рассказывает его товарищ по партии, назначенный им верховным военным комиссаром, Станкевич («Воспоминания 1914—1919 гг.», стр. 144, Берлин, 1920):

«Все время министерству приходилось выдерживать напор странных, а подчас и подозрительных лиц. Все считали своим долгом спасать армию, и очень многие хотели на этом поживиться. Какой-то офицер предлагал устроить заговор против Совета и, собрав на Дворцовой площади солдат, желающих идти на фронт, произвести переворот. Баткин с карманами, полными ассигнациями, показывая эти ассигнации своим собеседникам, рассказывал о своих успехах на митингах. Капитан Муравьев таинственно нашептывал о необходимости ударных батальонов, составленных из юнкеров. Представители различных общественных организаций тре-

бовали субсидий для просветительной деятельности на фронте... Так трудно было отгородить от этого Керенского, что невольно отрывало от более существенных дел».

Станкевичу не приходит в голову, что Керенский должен был немедленно арестовать лиц, которые предлагали ему, например, заговор против Совета, а не мирно беседовать с ними...

«Но главная трудность, — продолжает Станкевич, — была в том, что не было определенной программы деятельности. Формально, словесно вопрос ставился о необходимости строить «новую», «революционную» армию. По существу же, поскольку главной задачей ставилось продолжение войны на фронте, в основу деятельности мог быть положен лишь чрезвычайный консерватизм, цепкое, упорное отстаивание всего старого и, пожалуй, лишь выдвижение новых лиц».

Такая двуединая политика привела неизбежно к полной деморализации не только военного министерства, но и всего правительства, о чем очень красочно повествует генерал Деникин, заслуживший полного доверия «демократии» Керенского, — ведь Деникин был назначен верховным главнокомандующим Временным «революционным» Правительством после генерала Алексеева! Деникин дает уничтожающую характеристику не только правительства, но и руководителей Совета того времени:

«Отсюда — эти странные на вид противоречия: князь Львов, говоривший с трибуны: „Процесс великой революции еще не закончен, но каждый прожитый день укрепляет веру в неиссякаемые творческие силы русского народа, в его государственный разум; в величие его души...“. И тот же Львов — в беседе с Алексеевым, горько жалующийся на невозможные условия работы Временного Правительства, создаваемые все более растущей в Совете и стране демагогией. Керенский — идеолог солдатских комитетов с трибуны и Керенский — в своем вагоне нервно бросающий адъютанту: „Гоните вы эти проклятые комитеты в шею!...“».

«Чхеидзе и Скобелев — в заседании с правительством и главнокомандующими, горячо отстаивающие полную демократизацию армии, и они же — в перерыве заседания в частном разговоре за стаканом чаю

признающие необходимость суровой военной дисциплины и свое бессилие провести идею ее через Совет» (Ген. Деникин, «Очерки русской смуты», стр. 75, т. I, ч. I, Париж).

Конечно, при таких условиях «главнокомандующие» и в ус не дули, читая приказы Временного Правительства и резолюции Совета. Ведь там, «в частном разговоре за стаканом чаю», внутренняя подоплека этих распоряжений и приказов была расшифрована и Львовым и Чхеидзе, равно как и их настоящие точки зрения...

Борьбу классов внутри России нельзя было остановить резолюциями и постановлениями соглашательского толка, она не затихла от образования коалиционного правительства, долженствовавшего «примирить» все противоречия на принципе «государственности», она не смягчалась от уговариваний Керенского вкупе с социалистами-революционерами и меньшевиками.

Милюков и Гучков вышли из состава правительства не для того, чтобы сидеть сложа руки или поддакивать классовым миротворцам. Они были гораздо дальновиднее Керенского, Чернова и Чхеидзе. Они ушли для того, чтобы сгруппировать вокруг себя все недовольное «демократической» властью, они начали организацию контр-революции.

С другой стороны, крестьянство не могло удовлетвориться откладыванием разрешения аграрного вопроса в неизвестное будущее, рабочие не могли помириться с возложением на них и на трудовое население тягот войны, хотя бы такое возложение делалось архи-демократическими руками. В результате произошли события 3—5 июля 1917 года.

Кризис правительства начался 2 июля, вследствие несогласия буржуазных министров с актом об украинской автономии.

Керенский был на Западном фронте, у генерала Деникина. Князь Львов, сообщая ему о противоправительственной демонстрации петроградских рабочих, начавшейся 3 июля, «вызывал его немедленно в Петроград — как пишет генерал Деникин (Там же, стр. 118), но предупреждал, что не ручается за безопасность его жизни...».

Какой поворот! Любимейший министр, сначала «заложник», а потом — полноправный представитель «демократии», которого на руках носили по всем зданиям, где только он ни выступал, и вдруг!.. кто же? — либерал и представитель буржуазии Львов, помазанный на премьерство самим Николаем II, не ручается за безопасность его жизни!

Керенский благоразумно переждал острый момент вне Петрограда...

18 июня в «Правде» была напечатана следующая статья: «Долой десять министров-капиталистов! Вся власть Советам! Это говорим мы. Это скажет вместе с нами, мы уверены, громадное большинство петроградских рабочих и петроградского гарнизона. Ну, а вы, господа? Что скажете вы по важнейшему из всех вопросов? Вы выдвигаете лозунг: „полное доверие“, но... только Советам, а не Временному Правительству. А куда же девалось полное доверие Временному Правительству, господа? Этого лозунга не найти ни в „Рабочей Газете“¹, ни в „Известиях“, ни в „Деле Народа“²... Почему прилипает у вас язык к гортани?.. Дело сводится к следующему: в широчайших кругах петроградских рабочих и солдат коалиционное министерство за месяц-полтора скомпрометировало себя безнадежно... Наиболее чуткие из вас не могут не заметить того, что итти теперь к петроградским рабочим и солдатам с лозунгом „доверие Временному Правительству“ — значит вызвать недоверие к себе самим».

Главу о коалиционном правительстве 6 мая — 7 июля проф. П. Н. Милюков озаглавил в своей книге «История второй русской революции» следующим образом: «Социалисты защищают буржуазную революцию от социалистической».

Вполне правильное название. Дело только в том, что их «защитой» не остались довольны ни рабочие ни буржуазия. Рабочие поняли, что «защита» — это парламентский термин, по-русски же надо было бы сказать прямо: «предательство», буржуазия же желала по-

¹ Орган меньшевиков.

² Орган с.-р.

пробовать сама «защитить» свое бытие и свои капиталы.

Заключительным аккордом деятельности коалиционного правительства было издание приказа об аресте т. Ленина и других большевиков «за участие в восстании 3—5 июля».

9. Правительство реакции под председательством Керенского.

П. Н. Милюков в своей «Истории второй русской революции» (т. I, вып. 2, стр. 9) так характеризует деятельность Керенского в правительстве: «Личная роль Керенского в первом министерстве в качестве „заложника демократии“ сводилась к парализованию всех попыток власти быть властью и всех ее усилий воспрепятствовать процессу организации „революционной демократии“ под партийным политическим флагом. Во втором правительстве А. Ф. Керенский принял на себя положительную и в высшей степени ответственную роль возродителя боевой мощи армии на основе революционного энтузиазма и „революционной дисциплины“. Конкретная задача поставила его лицом к лицу с необходимостью принятия конкретных мер, не укладывавшихся в кодекс „непротивления“. А это привело его к полному противоречию с партийными единомышленниками и с самим собою. Из этого внутреннего противоречия ему так и не удается высвободиться, когда ход событий выдвигает его на пост главного носителя высшей власти. Постепенно противоречие становится все более заметным и для окружающих. Вместе с тем все более выдвигается личный элемент поведения этого общественного деятеля. Всею силой перегибая революционную колесницу в сторону твердой власти, основанной на реальной поддержке (со стороны буржуазии, конечно. Д. С.), но не решаясь порвать и с утопией, которая тянула эту колесницу в бездну, Керенский, чем дальше, тем больше становился единственным связующим звеном между флангами, утратившими взаимное понимание, при центре, продолжавшем терять поддержку массы. Политическая позиция, вначале понятная и даже неизбежная, все более превращалась

в одинокую позу, выдерживать которую становилось трудно для актера, а наблюдать со стороны — невыносимо для зрителя. И дальнейшее пребывание в этой позе объяснялось уже не порывом общественного служения, а влечением личного вкуса»...

Этой характеристике, данной Милюковым, нельзя отказать в меткости. Он раньше других своих единомышленников понял, что с Керенским многого не сделаешь, и ушел в сторону, сделавшись центром сначала правой оппозиции, а потом и прямого заговора. Другие сотоварищи Милюкова еще долго толклись возле ничемного адвоката, боясь открыто идти против Советов и надеясь все-таки использовать Керенского, как ширму для Корнилова.

Новое правительство — под председательством Керенского — заблестало и новыми именами. Министром внутренних дел стал один из лидеров меньшевизма — Церетели; министром земледелия остался — Чернов. Казалось бы, тут-то и должна проявиться демократичность новой власти: три главнейших портфеля принадлежали представителям эс-эров и меньшевиков: Керенский — руководитель и председатель, Церетели — организатор и законодатель в области внутреннего устройства, а лидер и теоретик партии эс-эров — знаменитый В. М. Чернов — должен был попытаться свои силы в практическом проведении в жизнь аграрной программы, над которой он работал столько лет.

Новое правительство начало с декларации. Оно обещало действовать «с энергией и решительностью» на оба фронта, против «анархии» и против контр-революции. В области аграрного вопроса Чернов заявил, что земельные мероприятия «по прежнему определяются убеждением, что в основу... должна быть положена мысль о переходе земли (слово «всей», имевшееся в декларациях прежних правительств, исчезло!!) — в руки трудящихся... и «организованная деятельность земельных комитетов...», «не решающих основного вопроса о праве собственности на землю!!!».

Где взять красок, чтоб достаточно ярко обрисовать творца «революционной» земельной программы партии социалистов-революционеров неподражаемого В. М. Чер-

нова, боровшегося всю жизнь против частной собственности на землю и... отказавшегося от провозглашения ее отмены, как только он получил портфель министра земледелия в правительстве его товарища по партии с.-р.!!

«Мы от него кровопролития ждали, а он... чирика съел!» — вспоминается бессмертный Щедрин.

Что-то пролепетала декларация и насчет войны, обещающая созвать союзную конференцию «в кратчайший срок» и пригласить туда — на-ряду с представителями дипломатии также и представителей русской демократии. С каким трудом пришлось потом министру иностранных дел Терещенко выпутываться из этого — конечно, неосуществленного — обещания!

Новое правительство продолжало аресты. Церетели ловил большевиков и сажал в тюрьмы. Керенский при помощи многочисленных добровольцев из офицерской и юнкерской среды уничтожал «крамолу» в войсках, разоружал и расформировывал полки и батальоны. Был арестован целый ряд большевиков во главе с т. Каменевым. Был произведен набег на заводы, — в особенности свора Керенского отличилась при взятии Сестрорецкого завода, где «победители» бесчинствовали и насильничали.

Все эти действия нового Временного Правительства настолько воодушевили соглашательский ЦИК Советов, что он принял резолюцию главы меньшевиков Дана, в которой объявил: «1) страна и революция в опасности, 2) Временное Правительство объявляется правительством спасения революции, 3) за ним признаются неограниченные полномочия для восстановления организации и дисциплины в армии, решительной борьбы со всякими проявлениями контр-революции и анархии» (под «анархией» давно уже разумелась борьба рабочих и крестьян против капиталистов и помещиков).

Керенский торжествовал.

13 июля было опубликовано постановление о введении смертной казни на фронте.

На два дня раньше — 11 июля — министр внутренних дел Церетели расклеил по улицам объявление: «в предотвращение событий 3—5 июля» — о запрещении уличных собраний и шествий, об аресте всех лиц, «прямо

или косвенно» участвовавших в событиях 3—5 июля, и о подавлении всеми мерами — вплоть до применения вооруженной силы — всяких призывов к насилию и попыток к мятежным выступлениям.

14 июля были закрыты все большевистские газеты и восстановлена «военная цензура».

Получив от соглашательского ЦИК'а Советов неограниченные полномочия и титул «спасителя революции», Керенский решил, что настала пора осуществить свои заветнейшие мечтания. И он резко повернул направо и начал подготовку корниловщины.

В этом своем очерке я использовал белогвардейские мемуары, появившиеся в большом количестве за границей в период 1920—1924 гг. Ныне господа Милуков, Деникин, Лукомский и пр. и пр. раскрыли все скобки, рассказали обо всех переговорах, которые они вели с Керенским в 1917 г., сдёрнули завесу с тех кулис, за которыми готовилась корниловщина.

В 1917 году широкие массы рабочего класса и крестьянства ничего об этом не знали. Не знали, но угадывали...

ЦИК Советов с Даном, Церетели, Чхеидзе, Черновым и Авксентьевым был в руках у Керенского. От них он получил резолюцию неограниченного доверия. И он повернулся к ним спиной и стал искать опоры у кадетской буржуазии.

Комитет Государственной Думы под председательством Родзянко не только существовал наряду с самой Государственной Думой, но и выразил 12 июля свой протест по поводу того, что правительство было организовано без его участия, и даже «слагал с себя ответственность (!) за последствия».

Министр И. В. Годнев обратился к правительству с предложением выслушать представителей всех общественных слоев, не представленных в Советах, в том числе и Государственной Думе, и для этого созвать особое совещание. Керенский и Пешехонов немедленно поддержали это предложение, и отсюда родилось знаменитое Государственное Совещание в Москве, о котором речь будет впереди.

На следующий день Керенский сделал официальный визит Временному Комитету Государственной Думы и

отдельно председателю Госуд. Думы — Родзянко и советовался с ними о будущем Государственном Совете. Родзянко ответил, что правительство должно предварительно сформироваться при участии Временного Комитета Государственной Думы. Это пожелание Родзянко немедленно было исполнено. 13 июля на заседании министров было решено, что все министры вручат А. Ф. Керенскому свои портфели, чтобы дать ему возможность вступить в новые переговоры с общественными деятелями о пополнении и изменении состава Временного Правительства.

«Так как главным препятствием для переговоров с несоциалистическими партиями было то, что эти последние вовсе не желали признать зависимость правительства от Советов, то А. Ф. Керенский стал на новую точку зрения. Он заявил, что будет подбирать членов кабинета индивидуально, независимо от их партийной принадлежности, и они не будут считаться официально делегированными и ответственными перед своими партиями, как это было при первой коалиции. Так как это освобождало и министров-социалистов от формальной ответственности перед их партийными организациями, то ЦК партии народной свободы (к.-д.) охотно разрешил своим членам, к которым А. Ф. Керенский лично обратился, — В. Д. Набокову, Н. И. Кишкину и Н. И. Астрову — вступить в прямые сношения с министром-председателем. В то же время А. Ф. Керенский завел сношения и с представителями торгово-промышленного класса, от имени которого выдвигалась в Петрограде кандидатура Н. Н. Кутлера, в Москве — С. Н. Третьякова» (Миллюков, там же, стр. 24).

Дальше Миллюков повествует, что 14 июля были начаты переговоры Керенского с ЦК кадетской партии, при чем было достигнуто полное соглашение на следующих пунктах: «1) чтобы все члены правительства... были ответственны исключительно перед своей совестью...; 2) чтобы правительство ставило исключительной целью охрану завоевания революции, не предпринимая никаких шагов, грозящих вспышками гражданской войны, а потому осуществление всех социальных реформ... должно быть отложено до Учре-

дительного Собрания; 3) чтобы в вопросах войны и мира был соблюден принцип полного единения с союзниками; 4) . . . воссоздание мощи армии; 5) решительная борьба с противогосударственными элементами . . . ; 6) восстановление правильной деятельности государственного суда . . . ; 7) чтобы выборы в Учредительное Собрание были произведены с соблюдением всех гарантий, необходимых для выражения подлинной народной воли, с предоставлением заведывания производством выборов правильно избранным органам местного самоуправления и учреждениям, образованным при их участии . . . ».

Здесь, что ни строчка — то предательство интересов трудового населения. Опять восстанавливался (пунктом 3-м) лозунг войны до победного конца, объявлялась (пункт 5) решительная борьба с Советами и революционными партиями («противогосударственные элементы»), откладывалось до Учредительного Собрания осуществление всех социальных реформ — в том числе, и прежде всего, земельный вопрос, — а срок созыва Учредительного Собрания тонул в неизвестном, весьма отдаленном будущем. Ведь по милюковским же статьям мы знаем, что подразумевалось под «соблюдением всех гарантий, необходимых для выражения подлинной народной воли». По расшифровке это надо было понимать — после окончания войны (так как в военной обстановке нет гарантии и проч.), а, кроме того, ставилась задача сначала организовать «правильно избранные» органы местного самоуправления, потом «учреждения», образованные при участии этих самоуправлений и т. д. и т. д.

Но кроме всего этого Милюков и его партия требовали удаления из состава правительства Чернова, «как министра, проводившего свою политику по вопросу громадной важности (читай — земельному. Д. С.) — в полном противоречии с основными положениями программы к.-д.» (Милюков, стр. 26).

Бедный Чернов! Он прошамкал в приведенной мною выше декларации несколько ничего незначащих слов, отказался декларировать отмену частной собственности на землю, всеми силами не хотел раздражать Милюкова, и — оказался виноват в том, что, отказавшись от аграр-

ной программы партии с.-р., не проводил программу партии помещиков, не говорил о выкупе земли и т. д.!!

Керенский 15 июля согласился со всеми пунктами, кроме удаления Чернова. Керенский отказался и от партии и от Советов, обещал согнуть в бараний рог большевиков, установить в вопросах войны полное единение с союзниками, не возражал даже против земельной программы к.-д., но не соглашался пожертвовать Черновым. Тут восстал Церетели и подал протест и прошение об отставке. Переговоры внешне приостановились, но за кулисами продолжались...

Однако, что же делать? Спаситель революции Керенский бесповоротно убежден, что спасение в принятии программы Милюкова. А шедший на его поводу, выразивший ему абсолютное доверие и облекший его неограниченной властью меньшевистско-эсэровский ЦИК Советов путается под ногами, Церетели грозит отставкой.

18 июля Керенский переселился в покои Зимнего дворца, чтобы там — в царских комнатах, так много говорящих о заманчивом самодержавии — обдумать вопрос. И он нашел решение. Он совершил тройной удар.

20 июля им был смещен с должности главнокомандующий Брусилов и на его место назначен генерал Корнилов. Это первое.

В тот же день Чернов подал в отставку, «чтобы реабилитироваться» в тех обвинениях, которые на него возводила милюковская газета «Речь». Предлог этой отставки был настолько не серьезен, что даже соглашательский Совет ахнул, когда Чернов довел до его сведения об этом решении. Кислая физиономия Чернова явно показывала, что его изнасиловали. Любопытно было бы прочесть протокол заседания ЦК эсэровской партии, на котором Керенский убедил своих друзей выдать Чернова Милюкову! Это — второе. А третье — 21 июля Керенский сам вышел в отставку, сложил с себя власть и уехал в Финляндию. Разбирайтесь-де теперь, как знаете.

Во главе армии — Корнилов, возле которого Керенский посадил своих друзей Савинкова и Филоненко. Чернова выгнал. А сам уехал. За Керенским вышли

в отставку и все буржуазные министры: Некрасов, Терещенко, Годнев, В. Н. Львов, Ефремов...

Конечно, соглашательский ЦИК охватила паника. Конечно, дело революции оказалось в опасности, раз ушел ее «спаситель». Большевики и с.-р. внесли резолюцию, которая и была принята. Ею заявлялось о полном доверии А. Ф. Керенскому, и ему поручалось составление нового коалиционного кабинета с привлечением всех партий... Керенский играл наверняка.

10. Еще одна коалиция.

Вольт удался. С утра 22 июля Керенский был опять в Петрограде, теперь уже называя себя «полномочным главою страны и правительства», и выпустил прокламацию о том, что «приемлет на себя тяжкий долг, возложенный на него совещанием партий» (в Зимнем дворце).

В ночь на 23 июля были арестованы гг. Троцкий и Луначарский. В этот же день новый главнокомандующий генерал Корнилов послал Керенскому телеграмму, в которой требовал полного невмешательства в его оперативные распоряжения и в назначении командного состава, распространения смертной казни на тыл, и заявил, что он считает себя ответственным за свои действия только перед своей совестью и перед «всеим народом»...

Новое правительство было сформировано из представителей меньшевиков, с.-р., кадетов и промышленников. В него вошли — кроме других — Авксентьев — министром внутренних дел, Прокопович — министром торговли и промышленности, Зарудный — юстиции и... Чернов — министром земледелия.

Позвольте! Но ведь он только-что уходил, чтобы «реабилитироваться»? Ничего не значит! Очевидно, произошла закулисная «реабилитация». На какой почве? Пока тайники ЦК партии с.-р. хранят этот секрет. Однако, Милюков, говоря о Керенском и его поведении в эти дни, произносит знаменательные слова, могущие быть отнесенными не только к Керенскому, но и к другим лидерам партии социалистов-революционеров:

«... Из двух русских социалистических течений он (Керенский) принадлежал к тому, которое издавна

стояло ближе к русской крестьянской действительности и было более гибко в своей доктрине и уже потому более способно на компромисс¹» (стр. 38).

Не могу удержаться, чтоб не процитировать дальше относящиеся к Керенскому красочные строки Милюкова: «В этом течении он был недавним членом и принадлежал к правому крылу... Керенский с самого момента своего вступления в первое Временное Правительство обнаружил готовность рисковать разрывом с своей партией...², поэтому теперь, когда такое решение было объективно необходимо, — Керенский был незаменим...» (стр. 38—39).

Керенский принял программу Милюкова, а кадеты согласились «реабилитировать» Чернова. Некрасов объявил об этом в печати и даже «пожелал особо пожать руку Чернову в знак симпатии». Терещенко тоже опубликовал очень вежливую фразу по адресу Чернова. Ефремов и сам Керенский «с удовлетворением» сделали доклад правительству о злостности слухов, распространившихся в печати и обществе по поводу Чернова, и правительство не признало заслуживающим удовлетворения его прошение об отставке... Словом, все вошло в норму и устроилось ко всеобщему благополучию.

Новый кабинет считался «социалистическим», ибо на 4 кадетов и 3 представителей «неизвестных» программ (Некрасов, Терещенко и Ефремов) приходилось 5 эс-эров, 4 социал-демократа и 2 народных социалиста. Но что это были за «социалисты»? Вот их имена, не требующие пояснений: Керенский, Савинков, Лебедев, Авксентьев, Чернов, Скобелев, Прокопович, Никитин, Бернацкий, Пешехонов и Зарудный... Из них чем-нибудь отличался от кадет разве только один Скобелев...

Давши слово — держись! Керенский хорошо помнит эту поговорку. Он чувствует себя на вершине власти. 1 августа он обменивается телеграммами с королем Британской империи Георгом. Посылая друг другу приветствия, оба венценосца — аристократический и «демократический» — говорят о судьбе «их народов», обе-

¹ Т.-е. на предательство. Д. С.

² Т.-е. в своей угодливости буржуазии оставлял далеко за флагом всех своих товарищей по партии. Д. С.

щают друг другу отправлять их на фронт «до конца». Третий пункт договора с Милюковым выполнен.

В выполнении пункта первого пришел на помощь меньшевистско-эсэровский ЦИК. Он принял резолюцию о полной и безусловной поддержке нового правительства. Но как быть со Стокгольмской конференцией, на которую ЦИК Советов давно пригласил социалистов всех стран, чтобы договориться о ликвидации войны? Керенский послал «весьма высокопоставленным лицам¹ из числа правителей Англии и Франции» телеграмму, в которой выражал свое отрицательное отношение к Стокгольмской конференции!..

Затем правительством был принят «финансовый план», открыто ограждавший неприкосновенность военных сверх-прибылей промышленников.

Правительство, состоявшее в большинстве из «социалистов», не забыло, конечно, и о рабочем классе. С большой торжественностью было опубликовано постановление об ограничении ночной работы женщин и детей... между... 10 и 4 часами ночи!! Его обещали ввести в действие с 1 октября. Разве это не демократизм? Разве это не социализм?

Почувствовав себя самодержцем, Керенский не забыл о своем предшественнике. Он несколько раз посещал Николая II, беседовал с ним и даже сказал кому-то, что Николай II совсем не так глуп, как о нем думали. Керенский организовал переправу Николая с семьей из Царского Села в Тобольск. Зачем? Официально это объяснялось происками монархических групп. Я предполагаю, что это делалось для охраны царской семьи от возможных случайностей во время подготавливавшегося Керенским вместе с генералом Корниловым заговора.

Как бы то ни было, Керенский лично довез Романовых до поезда, поддержал под руку Николая II, когда тот взбирался на вагонную ступеньку, и отправил с наилучшими пожеланиями.

Неужели же — встает вопрос — рабочий класс молчал, видя вокруг сплошное предательство и провока-

¹ Так дипломатично говорит Н. Суханов в своих «Записках о революции», книга 5, стр. 133, Берлин, 1923.

цию? Как он терпел таких вождей, как Чхеидзе, Церетели, Дан, как мог позволить Керенскому выступать от имени демократии? Как мог мириться с положением, при котором большевики сидели в тюрьме, Ленина и Зиновьева разыскивали ищейки Керенского для ареста, а Пуришкевич разгуливал на свободе?

Нет, рабочие Петрограда не были слепы. Они все это видели и чувствовали. Встреченные оружием на улицах Петрограда 3—5 июля, они поняли, что «парламентским путем» ничего не сделаешь, и готовились к бою.

11. Контр-революция готовится.

Милюков и Гучков ушли из первого правительства не персонально, не как отдельные лица. Они поняли, что ничего не сделаешь без решительных мер противодействия рабочему классу. Будучи умнее Дана, Церетели и Чернова, они принимали меры к тому, чтобы Временное Правительство при всех комбинациях не теряло одного качества: не мешало организовывать контр-революцию. Они группировали вокруг себя генералов Корнилова, Лукомского, Деникина, Каледина, Дутова, — всех тех, имена которых слишком хорошо знакомы России по эпохе гражданской войны 1918—1920 гг., они расширяли свою базу, они подыскивали организации, на которые можно опереться при перевороте; союз офицеров, военная лига, союз георгиевских кавалеров, союз казачьих войск и др. Они стремились использовать Керенского «до конца», чтобы шумом этого извергающего бесконечные речи фонтана заглушить свою, пока подпольную, кропотливую работу кротов, подрывающих революцию.

Центром заговора была Ставка.

Вот описание слагавшейся контр-революционной организации, как его дает компетентный генерал Деникин («Очерки русской смуты», том 2, Париж, стр. 27—28):

«В конце июня в Петрограде образовалась, в числе многих других, политическая группа под названием „Республиканский центр“». Состав ее был немногочисленным и чрезвычайно пестрым: политическая программа весьма растяжима, и даже само наименование группы не выражало точно существа политических

взглядов... При приеме в организацию «никого не спрашивали, во что веруешь; достаточно было заявления о желании борьбы с большевизмом и о сохранении армии». Первоначально руководители «Республиканского центра» ставили себе целью «помощь Временному Правительству, создав для него общественную поддержку путем печати, собраний и проч.», но потом, убедившись в полном бессилии правительства, приступили к борьбе с ним, участвуя в подготовке переворота... Группа... обладала денежными средствами. Их давала крупная денежная буржуазия — «небольшая по числу, но очень влиятельная, довольно замкнутая и крайне эгоистичная в своих действиях и аппетитах». Эта буржуазия «подняла тревогу (в июльские дни), когда обнаружилась слабость Временного Правительства, и предложила («Республиканскому центру») первую денежную помощь, чтобы уберечь Россию от очевидной опасности большевизма». Лично представители этой банковской и торгово-промышленной знати стояли вне организации, опасаясь скомпрометировать себя в случае неудачи. Отсутствие партийной нетерпимости, деловая программа и — в особенности — известные средства дали возможность «Республиканскому центру» объединить много мелких, главным образом, военных петроградских организаций... К концу августа активных участников военной секции («Республиканского центра») числилось до 4 000 человек... Наконец, организующую работу вел главный комитет офицерского союза. С первых же дней существования комитета в составе его образовался тайный активный коллектив, к которому впоследствии примкнул весь состав комитета... Комитет этот поставил себе целью подготовить в армии почву и силу для введения военной диктатуры... завязывались оживленные сношения с советом союза казачьих войск, военными организациями и политическими партиями... первоначально неясные надежды, не облеченные ни в какие конкретные формы, как среди офицерства, так и среди либеральной демократии, в частности к.-д. партии, соединялись с именем ген. Алексеева... Позднее многими организациями делались определенные предложения адмиралу Колчаку... который принципиально не отказывался стать во главе

движения... Доверительные разговоры на эту тему вел с ним и лидер к.-д. партии (читай: Милюков. Д. С.)... Но, когда генерал Корнилов был назначен верховным главнокомандующим, все искания прекратились... В дни Московского Сопещения в вагоне верховного главнокомандующего произошел знаменательный разговор между ним и генералом Алексеевым:

«— Михаил Васильевич, придется опираться на офицерский союз — дело ваших рук. Становитесь вы во главе, если думаете, что так будет лучше.

«— Нет, Лавр Георгиевич, вам, будучи верховным, это сделать легче»...

Не могу не привести тут же рядом заявление Керенского, которое он сделал в своей книге «Дело Корнилова» (Москва, 1918). Он неосторожно признался, что «казацкии круги и некоторые общественные деятели» неоднократно предлагали ему — Керенскому — заменить бессильное правительство личной диктатурой...

В распоряжении этого самого «Республиканского центра», как говорит генерал Деникин («Очерки», т. II, стр. 29), был — в числе других — и знаменитый 3-й корпус под командой генерала Крымова, также являвшегося активным членом этой организации, при чем 3-й корпус считался особенно надежным.

Прошу получше запомнить это обстоятельство.

С другой стороны, рабочий класс и вообще все трудовое население, окончательно разуверившееся в Данах, Чхеидзе, Церетели и Черновых, стало все более и более интенсивно группироваться вокруг большевиков. Первым показателем этого явились выборы в городские думы. Большевики на выборах в августе получили в Петрограде 200 000 голосов. Теперь вся контр-революция группировалась вокруг Милюкова. Вся революция собралась под знаменем Ленина. А Чхеидзе, Церетели, Чернов и К^о? Они оставались все в большем и большем одиночестве, они уже представляли только самих себя и — упоенные «высоко-государственной» ролью подерживателей Керенского — не замечали этого...

Вчерашний член партии социалистов-революционеров, Керенский, ничем не отличался от Милюкова в своих политических убеждениях. Он использовал Советы, как ступеньку, как трамплин, с которого прыгнул

к власти. Дальше они ему были не нужны. Ведь революция — буржуазная, а, следовательно, будущее принадлежит Милюкову. Он был чрезвычайно недоволен Советом еще в марте 1917 г. Его ближайший единомышленник Станкевич пишет в своих «Воспоминаниях» (стр. 224, Берлин, 1920): «... Уже в одну из первых встреч со мною он в отчаянии жаловался, что „друзья“ слева сумели в несколько дней так испортить революцию... Он первый из деятелей революции понял необходимость организации твердой власти и для этого, преодолевая оппозицию своих партийных друзей и комитета, выбрал себе помощником Савинкова. Он сделал верховным главнокомандующим Корнилова, который... потерял кредит в революционных кругах после командования гарнизоном в Петрограде... Он видит сам детскую беспомощность комитета, он ненавидит Чернова. Но он понимает, что само Учредительное Собрание будет только большим всероссийским комитетом...».

Станкевич пишет о Керенском весьма сочувственно, но всякий, прочитавший его характеристику Керенского, неизбежно сделает из нее противоположные выводы.

«Он (Керенский) был демократ, — пишет Станкевич. — Он хотел... действовать не только для народа и во имя народа, но и согласно живой воле народа»...

А факты говорят противоположное. Зная о заговоре «Республиканского центра», зная о том, что союз офицеров играет в нем главную роль (генерал Деникин говорит, что Керенский установил даже надзор над ним, так как был в курсе его деятельности)¹, зная, что группировка контр-революционных сил происходит вокруг Корнилова, что последнему помогает Савинков, что идейным вдохновителем подготовляющегося переворота является Милюков, что наиболее преданной контр-революции армейской частью является 3-й корпус, Керенский «случайно» назначает Корнилова верховным главнокомандующим, «случайно» берет к себе в ближайшие помощники Савинкова, «случайно» заключает секретное соглашение с Милюковым, «случайно» вызывает в Петроград перед корниловскими днями именно

---

¹ Генерал Деникин. «Очерки русской смуты», т. II, стр. 28.

3-й корпус... слишком много как будто бы «случайностей» в короткий период реальной угрозы покушения на революцию...

12. Заговор Керенского и Корнилова.

Контр-революция стала организовываться с уходом из Временного Правительства Милюкова и Гучкова. Первые сведения о наличных ее силах мы имеем в цитированных уже мною «Очерках» генерала Деникина. В конце июня Милюкову и К^о уже удалось создать ей некоторый базис.

Впервые ясное указание относительно готовящейся контр-революции содержится в телеграмме ген. Корнилова, командовавшего тогда Юго-Западным фронтом, от 7 июля. В день своего назначения Корнилов потребовал у Временного Правительства введения военно-полевых судов и смертной казни на фронте и реорганизаций армии «на началах строгой дисциплины». Корнилов понимал, что прежде всего надо создать опору в виде повинующейся, не рассуждая, военной силы. «Если оно (правительство) не сумеет этого сделать, — писал Корнилов, — неизбежным ходом истории будут выдвинуты другие люди, которые... уничтожат завоевания революции и потому тоже не смогут дать счастья стране». Последняя фраза, конечно, прибавлена для того, «чтобы никто не угадал» («как в армянской загадке»). К этому же времени относится еще более откровенная телеграмма центрального комитета союза офицеров, полученная всеми членами Временного Правительства за подписью полковника Новосильцева. В этой телеграмме союз офицеров поддерживал требования генерала Корнилова, прибавив, что «в случае неутверждения предлагаемых мер, все члены Временного Правительства отвечают за это головой».

Телеграмма Корнилова была подписана и Савинковым.

12 июля, как я уже говорил, правительством Керенского была восстановлена смертная казнь на фронте и введены «военно-революционные суды».

16 июля в Ставке состоялось совещание по вопросу о восстановлении дисциплины в армии. Участвовали:

Керенский, Савинков, Брусилов, Деникин, Алексеев, Рузский и др. Ген. Деникин выступил с резкой речью против Временного Правительства. Он требовал: 1) признания своей ошибки и вины Временным Правительством, не понявшим и не оценившим порыва офицерства... 2) полной власти главнокомандующему, ответственному лишь перед Временным Правительством, и прекращения военного законодательства в Петрограде; 3) изъятия политики из армии; 4) отмены «декларации прав солдата» и упразднения комиссаров и комитетов... 5) создания в резерве начальников отборных законопослушных частей всех трех родов оружия, как опоры против военного бунта...; 6) введения военно-революционных судов и смертной казни для тыла — войск и гражданских лиц и т. п.

Керенский выслушал ретивого генерала, поддержанного всем совещанием, «фоном вызывающей иронии ответил, что готов подписать все меры, которых они требуют, но затем подаст в отставку и предоставит их мести солдат. Он получил сухой ответ, что отставка его пока еще преждевременна...» (М и л ю к о в. «История», т. I, вып. 2, стр. 67). Керенский поблагодарил Деникина и пожал ему руку.

На обратном пути из Ставки Керенский решил отставку Брусилова и замену его ген. Корниловым.

Из показаний верховного комиссара Филоненко, данных им следственной комиссии по делу Керенского, ясна обстановка, в которой состоялось назначение Корнилова.

«По окончании совещания, — показывал Филоненко, — Б. В. Савинков и я были приглашены в поезд министра-председателя. Савинков был вызван с Юго-Западного фронта в виду формирования нового кабинета, построенного на принципе утверждения сильной революционной власти... По пути, при энергичной поддержке М. И. Терещенко, мы несколько раз докладывали министру-председателю о необходимости образования сильной власти... В связи с этим А. Ф. Керенский пришел к выводу о желательности замены ген. Брусилова ген. Корниловым».

Савинков тут же был назначен на пост управляющего военным министерством.

Но что такое представляли собою Корнилов и Савинков, которых Керенский выбрал своими ближайшими помощниками в деле создания «сильной власти»? Вот что говорит о них весьма компетентный генерал Деникин¹:

«Верховное командование занимало отрицательную позицию как в отношении Совета, так и правительства... генерал Корнилов стремился явно вернуть власть в армии военным вождям и ввести на территории всей страны такие военно-судебные репрессии, которые острием своим в значительной степени были направлены против Советов и особенно их левого сектора... поэтому... борьба Советов против Корнилова являлась... борьбой их за самосохранение... Керенский не мог не понимать, что только меры сурового принуждения, предложенные Корниловым, могли еще, быть-может, спасти армию, освободить окончательно власть от советской зависимости и установить внутренний порядок. Несомненно, освобождение от Советов, произведенное чужими руками... представлялось ему (Керенскому) государственно полезным и желательным... Савинков порвал с партией и Советами. Он поддерживал резко и решительно мероприятия Корнилова, оказывая непрестанное и сильное давление на Керенского, которое, быть-может, увенчалось бы успехом, если бы вопрос касался только идеологии нового курса, а не угрожал Керенскому перспективой самоупражнения... Савинков мог идти с Керенским против Корнилова и с Корниловым против Керенского, холодно взвешивая соотношение сил и степень соответствия их той цели, которую он преследовал. Он называл эту цель — спасением родины. Другие считали ее личным стремлением его к власти. Последнего мнения придерживались и Корнилов и Керенский».

Не правда ли, красочно? Ближайшему доверенному Корнилова — Деникину, участвовавшему в заговоре с начала до конца, — и книги в руки в этом вопросе.

Предлагавшаяся Деникиным на совещании 16 июля программа отвергнута Керенским. Однако, она целиком повторена в ультимативной телеграмме, посланной Кор-

¹ «Очерки русской смуты», т. II, стр. 8, 9, 10.

ниловым Керенскому 17 июля, при чем Корнилов обусловливал принятие им должности главнокомандующего — согласием Временного Правительства на его программу. Савинков присоединился к Корнилову.

24 июля Корнилов принял должность главнокомандующего. Значит, Керенский согласился на его условия? Конечно, да. «Бюро печати» при Временном Правительстве успокаивало: «Сообщение некоторых газет, будто условия, поставленные ген. Корниловым Временному Правительству, целиком последним приняты, не соответствует действительности, но... соглашение между Временным Правительством и ген. Корниловым — достигнуто». Опять: «чтобы никто не угадал»...

Савинков был назначен управляющим военным министерством.

А руководимый Чхеидзе, Церетели и К^о ЦИК Советов? Выразив полное доверие, он передал всю полноту власти Керенскому, который... готовился разгромить Советы и ликвидировать своих друзей: Чернова, Авксентьева, Церетели, Дана...

Как я уже говорил, заключенный с Корниловым и Савинковым договор требовал одобрения со стороны Милокова, и, по приезде из Ставки, Керенский вошел в переговоры с ЦК кадетской партии... о темпе проведения корниловской программы — не больше! Милоков требовал «немедленно!» Керенский еще не чувствовал твердой почвы под ногами, еще опасался стать орудием в борьбе за власть со стороны тех, которых он хотел использовать для достижения единовластия... Милоков так и говорит: «Борьба шла тут, по существу, не столько между двумя программами „революции“ и „контр-революции“, сколько между двумя способами осуществить одну и ту же программу, в важности и неотложности которой для спасения нации обе стороны были согласны» («История», т. 1, вып. 2, стр. 98).

«Две стороны» — это Керенский и ЦК кадетской партии, целиком присоединившийся к Корнилову.

«Без утвердительного ответа на условия, поставленные ген. Корниловым, не может быть спасения родины», — говорил Родичев на съезде кадетской партии, и Милоков свидетельствует, что эти слова «выражали

убеждения, широко распространенные в слоях, противоположавших себя „революционной демократии“¹.

Керенский боялся одного: потерять власть. Угрозу своему положению при осуществлении договора с Корниловым и Милюковым он видел в Ставке. Прежде чем действовать, нужно себя обеспечить. Ведь речь идет о разгоне Временного Правительства и о разгроме Советов. А он является — министром-председателем разгоняемого правительства и представителем ЦИК Советов! Обе точки опоры сразу вылетают из-под ног. Как быть?

Его гениальный ум недолго колебался. Пример Николая II, в апартаментах которого он жил, был свеж в памяти. Надо стать во главе армии — тогда в руках Керенского останется именно та сила, которая подготавливала переворот, тогда он возглавит подозрительную ему Ставку. И он начинает действовать в этом направлении. В. Н. Львов — этот «посредник во всех событиях, связанных с Корниловым, и ближайший сплетник Ставки и милюковской компании», пишет в своих воспоминаниях, что приблизительно в это время Керенский, проходя мимо него, как-то быстро проговорил: «Теперь мне надо быть главнокомандующим»...

Такой шаг маскировал подозрения, естественно возникшие даже у слепого Чхеидзе при назначении Корнилова.

Но, вместе с тем, надо же позаботиться, чтобы заговорщики сохранили положение и свободу действий. И 1 августа Филоненко получил лично от Керенского строгие приказания оставить в покое генерала Лукомского, «являющегося не только преданным Временному Правительству человеком, но и главной действующей силой Ставки». Таинственное передвижение кавказской конной дивизии, в котором Филоненко предполагал признаки «заговора» против Корнилова (?!), оказалось известно Керенскому и производилось по его распоряжению «в целях охраны Ставки»... (Милюков, «История», стр. 100).

¹ Слои, противоположавшие себя «революционной демократии...» — удивительно дипломатично выражается безработный ныне профессор! Следовало просто сказать: контр-революционные. Д. С.

В своих показаниях комиссии по делу Корнилова Керенский разъяснил, что распоряжение об этом было сделано еще при Брусилове, после того как Могилевский Совет в июльские дни потребовал от ген. Брусилова «полного подчинения». «Выяснилось, что Ставка беззащитна против всякого озорства... поэтому мы с Брусиловым и решили усилить охрану в Ставке» (стр. 36).

Ген. Лукомский был, конечно, вполне «верный» и «надежный» человек. Ведь он оказался «главной действующей силой» при корниловском мятеже, а потом — в дни гражданской войны — был главным военным прокурором, а впоследствии и председателем денкинского правительства на юге России. Словом, вполне оправдал свою «преданность» революции. Его следовало «оставить в покое».

Итак, «триумvirат» наметился. Керенский, Корнилов и Савинков. Однако, Керенский не чувствовал своего положения прочным. Корнилов вел твердую линию на разгром Советов и установление военной диктатуры. У него была реальная поддержка. 31 июля он получил коллективное обращение с предложением своих услуг для переворота от следующих организаций: 1) Военная лига; 2) союз георгиевских кавалеров; 3) союз воинского долга; 4) союз «Честь родины»; 5) союз добровольцев народной обороны; 6) добровольческая дивизия; 7) батальон свободы; 8) союз спасения родины; 9) общество 1914 г.; 10) «Республиканский центр» (Ген. Деникин, «Очерки русской смуты», том II, стр. 27). «Кроме того, — прибавляет Деникин, — существовали организации полковые, районные и т. д.»

Кроме того — напомним я — существовали уже «корниловские ударные полки».

Словом — это была сила.

Перечисленные организации были за Корнилова, но против... Керенского. Как при этих условиях обеспечить за собою власть после переворота?

Керенский делал это двояко. С одной стороны, он 2 августа издает закон, предоставляющий органам судебной и административной власти арестовывать и высылать из пределов России участников заговоров... с другой, он приглашает ген. Корнилова в Петроград и пытается войти с ним в сделку. Корнилов приехал 3 ав-

густа «для защиты доклада о мерах к восстановлению
мощи армии, принятого Ставкой», т.-е. тех же своих
требований. В своих показаниях следственной комиссии
ген. Корнилов следующим образом излагает свои пере-
говоры с Керенским:

«Керенский впервые поинтересовался моим мнением,
следует ли ему оставаться для руководства государ-
ством? Смысл моего ответа заключался в том, что, по
моему мнению, влияние его в значительной мере пони-
зилось; но, тем не менее, я полагаю, что он, как при-
знанный вождь демократии, должен оставаться во главе
правительства и что другого положения я себе не пред-
ставляю».

Керенский в своей книге «Дело Корнилова» (стр. 51)
передает этот разговор в другой форме: «На самом деле
я всячески доказывал ему, что существующая коали-
ционная власть — единственно возможная комбинация
власти и что всякий другой путь губелен...».

Читая показания Корнилова и объяснения Керенского,
относящиеся к их разговору 3 августа, Милюков делает
следующий — вполне правильный — вывод: «Исправляя
Корнилова, Керенский придает разговору еще более
серьезный смысл. Выходит из его поправок, что между
министром-председателем и верховным главнокоман-
дующим с полной откровенностью велась беседа о шан-
сах на успех переворота с целью провозглашения дик-
татуры...» (М и л ю к о в, «История», стр. 101). «Я по-
мню еще, — пишет Керенский, — что на мой вопрос
о диктатуре Корнилов в раздумьи ответил: „Что же,
может-быть, и на это придется решиться“...».

Керенский, конечно, давал показания так, чтобы
скрыть правду, но и из его изложения все ясно: ве-
дется разговор о диктатуре. Керенский с Корниловым
настолько откровенен, что говорит обо всем, согла-
шается на его требования разогнать Советы и коми-
теты... Ведь будь Керенский таким «честным пред-
ставителем демократии», каким он себя выставляет, то что
он должен был бы сделать после того как Корнилов
заявил ему, что «может-быть, и на диктатуру придется
решиться». Он должен был бы немедленно сместить
его, арестовать, обратиться к Совету, к населению...
Ничего подобного Керенский, конечно, не сделал, а, на-

оборот, не только оставил Корнилова верховным главнокомандующим, но — по его собственному заявлению, — принял все меры, чтобы выставить Корнилова на Государственном Совещании в самом выгодном свете.

Корнилов привез в Петроград записку со своими требованиями (смертная казнь, разгон Советов и комитетов и пр.). Был ли Керенский согласен на все эти меры? Да; он сам в своих показаниях говорит следующее:

«Там (в записке) был изложен ряд мер, вполне приемлемых, но в такой редакции и в такой аргументации, что оглашение ее привело бы к обратным результатам. Во всяком случае был бы взрыв, и при опубликовании ее сохранить Корнилова главнокомандующим было бы невозможно».

Все дело, значит, только в редакции и аргументации записки! Вся задача — провести требования Корнилова без особого шума, оставив их существо — целиком, но завернув их в приемлемую для «демократии» фразеологию! Вся цель — забота о сохранении Корнилова, заведомого заговорщика, главнокомандующим!

«Я просил Савинкова, — продолжает Керенский, — устроить так, чтобы эта записка не читалась во Временном Правительстве. Было решено, что эта записка будет переработана с военным министром... чтобы сделать ее приемлемой для Ставки, для общественного мнения и для меня».

Бесподобно! Савинков взялся — по уговору с Керенским и Корниловым — переработать записку так, чтобы остальные олухи из Временного Правительства ничего не поняли, чтобы втереть очки «общественному мнению» (в лице Чхеидзе, Дана и К^о) и чтобы сделать ее «приемлемой для Керенского». Последнее неподражаемо! Да ведь Керенский был согласен со всеми ее пунктами! Ничего не значит! Он был согласен с ней, как заговорщик. А как «глава государства», как «демократ» и как «социалист» — он требовал, чтобы она была причислена а-ля Чхеидзе и Чернов!!

Корнилов согласился наперед на ту редакцию, которую придадут его докладу Савинков и Филоненко, и 4 августа выехал обратно в Ставку. Однако, предупредил, что приедет через неделю.

Переговоры Керенского с Корниловым не остались без отклика в печати. Крайне глухие и противоречивые сообщения о них не могли не взволновать рабочий класс. Заволновался и Совет, несмотря на успокоения со стороны Церетели, Дана, Чхеидзе и К°. Для того, чтобы окончательно втереть очки «демократии», Савинков пустил слух о предстоящей в ближайшие дни отставке Корнилова. Но оказалось, что он втер очки не тем, кому хотел. Рабочий класс не успокоился, а Ставка и заговорщические организации приняли сообщение Савинкова за чистую монету и засыпали Временное Правительство резолюциями и постановлениями. 6 августа — совет союза казачьих войск, 7-го — союз офицеров армии и флота, 8-го — союз георгиевских кавалеров довели до сведения правительства, военного министра и печати, что «ген. Корнилов не может быть смещен, как истинный народный вождь и — по мнению большинства населения (вот уже кто стал говорить от имени «большинства населения»!!!) — единственный генерал, могущий возродить боевую мощь армии и вывести страну из тяжелого положения». «Совет союза казачьих войск» твердо и громко заявлял о полном и всемерном подчинении своему «вождю-герою» и «считал нравственным долгом заявить Временному Правительству и народу, что он снимает с себя ответственность за поведение казачьих войск на фронте и в тылу при смене ген. Корнилова». Союз офицеров изъявлял готовность «всемерно поддерживать его (Корнилова) законные требования до последней капли крови». Союз георгиевских кавалеров постановил «твердо заявить Временному Правительству, что, если... ген. Корнилов будет смещен, союз георгиевских кавалеров немедленно отдаст боевой клич всем георгиевским кавалерам о выступлении совместно с казачеством». Потом каждая из этих организаций присоединилась к резолюциям других...

С другой стороны, поднятая левыми кругами кампания против Корнилова перепугала этого генерала настолько, что он отказался приехать в Петроград. После уговоров Савинкова он прибыл с целым отрядом текинцев, проехал под их эскортом во дворец и выставил у входа в свое помещение... пулеметы!!

«Впереди ехал автомобиль с пулеметами,—рассказывал Керенский («Дело Корнилова», стр. 53), — и сзади автомобиль с пулеметами. Текинцы внесли два мешка с пулеметами и положили в вестибюле. Затем взяли, когда стали уезжать. Впереди опять — автомобиль с пулеметами и сзади автомобиль с пулеметами. Так и уехали».

«Русское Слово» писало об этой панике. «Настроение в Ставке в связи с отъездом ген. Корнилова было весьма нервное, особенно усилившееся в связи с неопределенными слухами, шедшими из Петрограда, о готовящемся будто бы покушении на верховного главнокомандующего. Этим и объясняется, что во время поездки ген. Корнилова были приняты меры предосторожности... Ближе к Петрограду тревожное настроение усилилось, хотя никаких видимых причин к тому не было».

Перепугался и Керенский. Он увидел, что рабочий класс по своему настроению сильно отличается от Чхеидзе, Церетели, Дана и Чернова. Испуг Керенского повлек за собой его отказ подписать переделанный Савинковым доклад Корнилова. Савинков подал в отставку, заявив, что тогда доклад будет защищать сам Корнилов. А Корнилов отказывался приехать в Петроград!

«Мы, — говорил Филоненко, — рассчитывали на Лавра Георгиевича (Корнилова), как на каменную гору; на том докладе, который нами здесь приготовлен и который мы имеем предложить ему на подпись, и на обещании его приехать мы основали план решительного боя. Нужно было во что бы то ни стало уговорить Корнилова изменить свое решение» (т.е. приехать).

За уговоры взялся Савинков. Но напрасно он говорил Корнилову по прямому проводу: «... завтра решится вопрос, будет ли эта политика (Временного Правительства) изменена безболезненно или нет»...

Распинался и Филоненко: «Если завтра Б. В. (Савинков) и я уйдем, то вы, оставшись на поле деятельности, не имея нас рядом, будете роковым и неизбежным образом возбуждать подозрение даже в широких кругах, и тогда дело без ужасного столкновения не обойдется... наша политическая

окраска. — для вас тот щит в бою, который так же необходим, как и меч»... «Позвольте вам напомнить, что мы (с Савинковым) разделили уже однажды с вами великую ответственность за начало той политики, которой завершения... мы ожидаем завтра»...

Корнилов приехал 10 августа с пулеметами. Но что делать напуганному Керенскому? Он пытался воротить Корнилова с дороги, послав ему телеграмму, что Временное Правительство его не вызывало, однако, такой «тонкий намек» не подействовал. Тогда Керенский решил не допустить оглашения составленного Савинковым доклада. Керенский придрался к тому, что в новом докладе требования были увеличены, — говорилось уже о необходимости милитаризации всех фабрик, заводов и железных дорог (Савинков правильно понял, что для успеха переворота надо прежде всего согнуть в бараний рог рабочих). После длинных переговоров Савинков согласился прочитать доклад в «частном совещании» Некрасова, Терещенко и Керенского. Пришли к заключению, что в заседании Временного Правительства будет прочитан первый доклад Корнилова — до «приспособления его для демократии» Савинковым, который так удачно «приспособил» его, что первая редакция показалась уже не такой страшной.

Однако, перепуганный Керенский, согласившись обсудить доклад Корнилова во Временном Правительстве, все больше и больше оттягивал это обсуждение.

13. Заговор расширяется...

Что же делали круги Милюкова для обеспечения успеха переворота?

Они не дремали. Вокруг «конституционно-демократической» партии тесно сплотились все отбросы царизма.

8 августа в Москве собралось «малое» совещание общественных деятелей. Состав этого совещания — по определению докладчика организационного комитета (не подлежавшего, конечно, разгону вместе с другими комитетами по программе Керенского-Корнилова) — князя Е. Н. Трубецкого, был «г л у б о к о беспартийный». В числе 300 членов совещания были «самые

разнообразные» политические группы, — от кооператора Чайнова до помещика кн. Кропоткина, занимавшего в Государственной Думе одно из крайних правых мест.

«Общей мыслью и общим чувством, — пишет Милюков (стр. 112), — было создание сильной и национальной власти, которая спасет единство России». Эта положительная программа определяла и отрицательную борьбу с влиянием Советов на правительство. Во имя того и другого классовые интересы торговли и промышленности объединились с «людьми государственной мысли» и с «водителями славной русской армии». Соединение этих трех элементов — торгово-промышленников, профессорской и писательской интеллигенции и выдающихся военных авторитетов (Алексеев, Брусилов, Каледин, Юденич) — составляло самую характерную черту совещания. Председательствовал М. В. Родзянко. Совещание послало телеграмму ген. Корнилову, в которой заявляло, что «всякие покушения на подрыв его авторитета в армии и России считает преступными и присоединяет свой голос к голосу офицеров, георгиевских кавалеров и казачества». «В грозный час тяжелого испытания,—говорилось в телеграмме,—вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верой». В длиннейшей резолюции совещание повторило все требования Корнилова.

А 11 августа министр Кокошкин предъявил ультиматум Керенскому. «Он заявил мне, — повествует Керенский, — что сейчас же выйдет в отставку, если не будет сегодня же принята программа Корнилова». «Заявление Кокошкина произвело на меня ошеломляющее впечатление, — пишет дальше Керенский, — но сейчас мне радостно вспомнить то страстное горение глубокой любви к родине, которое чувствовалось в тайниках души моего противника».

Давления со стороны кадета Кокошкина Керенский выдержать уже не мог, и во Временном Правительстве доклад Корнилова был оглашен, и «соглашение между членами правительства по вопросу о корниловских „требованиях“ с грехом пополам состоялось»¹.

¹ Милюков, стр. 111.

А на фронте в это время происходило следующее:

«Германцы на Северном фронте перешли в наступление, переправились через Двину, прорвали наш фронт, и появилась угроза не только Риге и Ревелю, но и Петрограду, — пишет ген. Лукомский («Воспоминания», т. I, стр. 222 — 223, Берлин 1922 г.). — С большим трудом удалось создать новый фронт — против прорванного германцами участка, но чувствовалось, что если германцы сосредоточат против Северного фронта новые силы, положение может стать катастрофическим... 6 или 7 августа ген.-квартирмейстер Романовский доложил мне, что ген. Корнилов просит меня отдать распоряжение о сосредоточении в районе Невель — Ново-Сокольники — Великие Луки 3-го конного корпуса с туземной дивизией (кавалерийской) (прошу вспомнить, что это был самый надежный корпус заговорщиков, как я указывал выше. Д. С.). Эти части находились в резерве Румынского фронта...

«— Но почему же в районе Невель — Ново-Сокольники — Великие Луки? — спросил я ген. Романовского.

«— Я не знаю, передаю вам точно приказание верховного главнокомандующего.

«... Мне все это показалось несколько странным; странно, почему это приказание было отдано не непосредственно, а через ген.-квартирмейстера; непонятно было, почему выбран указанный район сосредоточения.

«... Я пошел к ген. Корнилову... попросил его объяснить, почему выбран для конницы указанный район сосредоточения.

«Ген. Корнилов мне ответил, что он хочет сосредоточить конницу не специально за Северным фронтом, а в таком районе, откуда легко было бы, в случае надобности, перебросить ее на Северный фронт или на Западный...

«Я сказал, что вряд ли есть основание опасаться за Западный фронт, где имеются достаточные резервы, и было бы лучше сосредоточить конницу в окрестностях Пскова.

«Но Корнилов остался при своем решении.

«— Я, конечно, сейчас же отдал необходимые распоряжения, но у меня получается, Лавр Георгиевич, впечатление, что вы что-то не договариваете. Выбран-

ный вами район для сосредоточения конницы очень хорош на случай, если бы ее надо было бросить на Петроград или на Москву, но, на мой взгляд, он менее удачен, если речь идет лишь об усилении Северного фронта...

«Генерал Корнилов несколько секунд подумал и затем ответил:

«— Вы правы. У меня есть некоторые соображения, относительно которых я с вами еще не говорил. Прошу вас сейчас же отдать распоряжение о перемещении конницы и срочно вызовите сюда командира 3-го конного корпуса ген. Крымова, а мы с вами подробно поговорим после моего возвращения из Петрограда».

Святая простота! Ген Лукомский, — конечно, вопреки своему желанию, — ясно доказывает, что Корнилов, ради разгрома Советов, заведомо пошел на сдачу Риги и на создание угрозы Петрограду со стороны германцев. Сам Лукомский говорит, что положение на Северном фронте, после прорыва его германцами, грозило стать катастрофическим, сам — как стратег — он понимает, что для обеспечения фронта надо было расположить подкрепления в районе Пскова, и сам же исполняет распоряжения Корнилова о переброске 3-го корпуса не против германцев, а против... Петрограда. Северный фронт остался без защиты, в результате чего через неделю была сдана Рига. Какой вой против... Советов поднялся по поводу ее сдачи со стороны кадетской и черносотенной печати и сторонников загора! Конечно, в падении Риги обвинялись «комитеты», Советы и... большевики!!

Знал ли обо всем этом Керенский? Компетентный ответ дает ген. Деникин в своей «Истории»¹.

«О подготовительных мерах, предпринимаемых кругами, близкими к Ставке, знали и Керенский и Савинков... В особенности Керенский, — он этого и не скрывает. Держа в своих руках нити организации уже в конце июля, он в течение августа месяца имел возможность прекратить их деятельность путем разрушения их руководящих органов и остановки движения частей на Северный фронт, если считал его опасным. Но лично для него эти меры имели бы смысл... если бы он ре-

¹ Том II, стр. 43.

шительно повернул от Корнилова к Советам... Если события, предшествовавшие корниловскому выступлению, определять по терминологии Керенского словом **з а г о в о р**, то на протяжении августа месяца в чрезвычайно сложной и переплетающейся обстановке внутренней политики таких „заговоров“ история отметит несколько. Корнилов (с Крымовым), Керенский и Савинков — против власти... Советов в те дни, когда министр-председатель решился принять корниловские законопроекты и недвусмысленное назначение 3-го конного корпуса и тем вступил на путь открытой борьбы не только с большевизмом, но и с... Советами. Корнилов (с Крымовым) и Савинков — против Керенского, когда последний колебался, брал обратно свои обещания. Наконец, Корнилов и Крымов против Советов и Керенского, когда не было никакой надежды на соглашение. В этой последней комбинации не находилось места Савинкову, которому плохо верил Корнилов и вовсе не верил Крымов. Только поэтому Савинков и оказался на противоположном берегу...».

Доказательство того, что Керенский знал о приготовлениях Корнилова к походу на Петроград, имеется в показаниях самого Керенского.

В корниловские дни 3-й конный корпус ген. Крымова из района своего расположения — Невель — Ново-Сокольники — Великие Луки — двинут был на Петроград. Кто его вызвал откуда?—К е р е н с к и й и С а в и н к о в (К е р е н с к и й, «Дело Корнилова», стр. 86—90). Но ведь 3-й корпус находился в тылу румынской армии! Как же Керенский мог его вызвать в Петроград, если бы не знал, что он заблаговременно сосредоточен на подступах к столице?

14. Государственное Совещание.

14 августа в Москве открылось «Государственное Совещание», собранное для того, чтобы услышать «голос мест». Прежде всего в этот день был услышан голос московских рабочих, которые, правильно учтя значение этого Совещания, как нового этапа контр-революции, объявили забастовку. Членам Совещания пришлось пробираться с вокзалов пешком, так как трамваи бастовали.

На Совещание собрались все четыре Государственные Думы, представители торгово-промышленного капитала, духовенства, кооперации, всяких комитетов, советов, партий. Большевики отказались принять в нем участие.

Керенский, явившись с обычной для него помпой, открыл Совещание большой речью, которую Милюков характеризует так:

«... Молодой человек с измученным, бледным лицом в позе актера. Выражением глаз, которые он фиксировал на воображаемом противнике, напряженной игрой рук, интонациями голоса, который то и дело целыми периодами повышался до крика и падал до трагического шопота, размеренностью фраз и рассчитанными паузами, этот человек хотел как будто кого-то утратить и на всех произвести впечатление силы и власти в старом стиле. В действительности он возбуждал только жалость... Основным тоном речи, вместо тона достоинства и уверенности, под влиянием последних дней оказался тон плохо скрытого страха, который оратор как бы хотел подавить в самом себе повышенными тонами угрозы»¹.

Речь Керенского была насыщена самоупоеанием властью, пафосом провинциального актера и угрозами «кровью и железом» налево — по адресу отсутствовавших большевиков, и направо — по адресу своих союзников — корниловцев.

Я не буду останавливаться на Московском Совещании, ибо оно было лишь ширмой. На нем — в речах Корнилова, Каледина, Милюкова, Алексева и других — были резко предъявлены все те же требования, выставленные ген. Корниловым. Промышленники и торговцы, конечно, еще раз громко присоединились к ним. А Церетели, как представитель «Советов», не нашел другого ответа, как пожать руку их представителю — Бубликову, знаменуя этим укрепление союза, заключенного «социалистами» с буржуазией «во имя спасения России».

---

¹ П. Н. Милюков, «История второй русской революции», т. I, вып. 2, стр. 127—128.

Корнилову было запрещено являться на Совещание, ибо на нем он имел намерение огласить свой доклад Временному Правительству и потребовать немедленного осуществления намеченных в нем мероприятий, а это — в виду нерешительности Керенского — приобрело характер апелляции на министра-председателя к «населению»... Но Корнилов приехал, — опять с текинцами и пулеметами, — с вокзала демонстративно отправился к Иверской часовне... Закулисными переговорами удалось уговорить Корнилова ограничиться докладом о положении армии.

На вокзале Корнилова встретили овациями. Офицеры понесли его на руках.

Родичев (член ЦК кадетской партии) в приветственной речи говорил Корнилову:

«— Вы теперь символ нашего единства. На вере в вас мы сходимся все, вся Москва. И верим, что во главе обновленной русской армии вы поведете Русь к торжеству над врагом и что клич — да здравствует генерал Корнилов! — теперь клич надежды — сделается возгласом народного торжества... Спасите Россию, и благодарный народ увенчает вас!...»

Это не были слова. Для «увенчания» генерала Корнилова в Москву были направлены снятые Ставкой с фронта войска. «Во время Московского Совещания в Москву был вызван 7-ой Оренбургский казачий полк... помимо командующего Московским округом. В то же время из Финляндии приближался корпус кн. Долгорукова к Петрограду, но был остановлен командующим войсками ген. Васильковским... Оренбургский полк мы успели остановить в Можайске... Офицер являлся предупредить меня так же, как Львов, о том, что мне грозит неминуемая гибель в связи с событиями... именно захватом заговорщиками власти...» (Керенский, «Дело Корнилова», стр. 68).

Всеми этими фактами, доказывающими, что комбинация Керенский — Корнилов — Савинков находится под большим вопросом, а комбинация из одного Корнилова близка к осуществлению, Керенский был до такой степени напуган, что дошел в своей заключительной речи до крайней степени истерии.

Он опять начал говорить о «железе и крови», перед которыми не остановится правительство при подавлении заговоров «справа и слева», и в конце речи заявил, что он «вырвет цветы из своего сердца, растопчет их, запрет сердце на ключ, а ключ бросит далеко в пропасть»... На какую-то даму из ложи эта мелодекламация произвела такое потрясающее впечатление, что она взвизгнула: «Не надо! Не надо!» — и разразилась рыданиями. Кто-то бросился целовать Керенскому руки...

Эта часть его речи была вычеркнута из стенограммы. Конечно, ей больше места в каком-нибудь сочинении по психопатологии...

Главное происходило за кулисами Совещания. Там состоялось примирение Керенского с Корниловым и был выработан дальнейший план действий. Он заключался в следующем: под предлогом угрожающего в конце августа выступления большевиков, Петроград будет объявлен на военном положении с подчинением всех войск Петроградского округа ген. Корнилову, в Петроград будет двинут 3-й конный корпус под командой ген. Крымова. «Я убежден, — говорил Корнилов Лукомскому, — что он не задумается, в случае, если это понадобится, перевешать весь состав Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» (Лукомский, т. I, стр. 228).

15. Выступление Корнилова.

17 августа 1917 г. — по настойчивому представлению Корнилова — Керенский отклонил отставку Савинкова и согласился на разработку закона о смертной казни в тылу.

20 августа Керенский — по докладу Савинкова — «согласился на объявление Петрограда и его окрестностей на военном положении и на прибытие в Петроград военного корпуса для реального осуществления этого положения, т.-е. для борьбы с большевиками» (Савинков, «К делу Корнилова»).

«Как видно из протокола о пребывании в ставке управляющего военным министерством Савинкова, — пишет Деникин (т. II, стр. 21—22), — день объявления военного положения приурочивался к подходу к сто-

лице конного корпуса, при чем все собеседники, как чины ставки, так и Савинков, и полковник Барановский (начальник военного кабинета Керенского) пришли к заключению, что если на почве предстоящих событий, кроме выступления большевиков, выступят и члены Совета, то придется действовать и против них», при чем «действия должны быть самые решительные и беспощадные».

18 августа Совет принял — по предложению фракции с.-р., т.-е. товарищей Керенского по партии — резолюцию о полной отмене смертной казни.

Введение новых законов неизбежно должно было вызвать взрыв среди Советов.

В. Н. Львов приводит в № 120 «Последних Новостей» 1920 г. любопытнейший разговор, который он имел с Керенским по этому поводу:

«— Негодование (против Совета) перельется через край и выразится в резне . . .»

«— Вот и отлично! — воскликнул Керенский, вскочив и потирая руки. — Мы скажем, что не могли сдерживать общественного негодования, умоем руки и снимем с себя ответственность . . .».

Утром 21 августа германцы заняли Ригу. Изложенная мною обстановка заставляет не сомневаться в том, что падение Риги входило в расчеты Керенского — Корнилова и компании. Создавая угрозу германского нашествия на Петроград, эти люди рассчитывали вызвать панику и дезорганизацию революционных масс.

24 августа Савинков приехал в Ставку, сообщил Корнилову проекты законов, составленных на основании корниловской записки, «прохождение которых в правительстве обеспечено», сказал о решении Керенского объявить Петроград и его окрестности на военном положении и просил от имени правительства к концу августа подтянуть к Петрограду 3-й конный корпус.

«Это обстоятельство, — пишет Деникин, — знаменующее выход правительства, в частности Керенского, на путь, предуказанный Корниловым, вызывает несомненно искренний ответ Корнилова:

«— Я готов всемерно поддержать Керенского, если это нужно для блага отечества» (стр. 38).

Машина пущена в ход.

Помимо того, что к Петрограду подтягивались войска (3-й корпус, туземный корпус, Осетинская дивизия, Кубанская бригада, Донская дивизия, Корниловский полк), — готовилось восстание и изнутри.

«В половине августа, — рассказывает тот же Деникин, — началась тайная переброска офицеров из армии в Петроград (это все перед взятием Риги и во время угрожающего катастрофой, по свидетельству генерала Лукомского, германского наступления! С. Д.). Одни направлялись туда непосредственно по двум конспиративным адресам, другие — через Ставку, имея официальным назначением обучение бомбометанию... Тогда же на секретном заседании в Могилеве под председательством Крымова выяснился вопрос о вооруженном занятии Петрограда, распределялись роли между участниками... Киевской организации было указано по частям перебраться в Петроград, куда должны были собираться и могилевские „бомбометчики“...»

Однако, из внутренней организации ничего не вышло. По рассказам Деникина, собрания руководителей восстания происходили в ресторанах Аквариум и Вилла Родэ, и, в конце концов, доблестные корниловские «патриоты» предпочли «выступать» в кабаках с бутылкой шампанского и певичками, оплаченными из ассигнованных на переворот буржуазией денег, чем рисковать своей шкурой на улицах Петрограда. Деникин про их поведение выражается скромнее. Он говорит, что собрания заговорщиков превратились в «простые товарищеские пирушки»...

Все мотивировалось внешне — предстоящим выступлением большевиков. Однако, даже сам Керенский говорит («Дело Корнилова», стр. 75), что слухи об этом выступлении были несерьезны.

Разговоры о выступлении были только предлогом. Керенский заблаговременно постарался, насколько мог, предотвратить сопротивление корниловскому перевороту: полки, принимавшие участие в революционном выступлении против Временного Правительства 3—5 июля, были отправлены на фронт из Петрограда, «чтобы дать им возможность загладить свой поступок»... Словом, путь был по возможности расчищен.

«Решительный день — пишет Милюков («История второй русской революции», т. I, часть 2; стр. 171) — должен был наступить тогда, когда корпус генерала Крымова или авангард, состоявший из „дикой дивизии“, подойдет к окрестностям Петрограда. К этому времени находившиеся в Петрограде офицеры-заговорщики, заранее распределенные по группам, должны были исполнить заранее намеченную задачу: захват броневых автомобилей, арест Временного Правительства, аресты и казни наиболее влиятельных членов Совета Рабочих Депутатов и проч. и т. п.» (это «и проч. и т. п.» — звучит прямо великолепно! Д. С).

А повод для этого?

Выступление большевиков.

Но ведь они не собирались выступать!

Ничего не значит! «Между 28 августа и 2 сентября под видом большевиков должен был выступить я» — заявил уральский полковник — впоследствии печально известный атаман — Дутов В. Н. Львову на вопрос о том, что должно было случиться 28 августа 1917 года (Милюков, там же, стр. 171).

Молодец Керенский! Все предусмотрено, все взвешено, все распределено, статисты расставлены, актеры загримированы, товарищам своим по партии он дружески приготовил «аресты, казни и проч. и т. п.»... Пора поднять занавес и начать спектакль.

В дополнение ко всему этому Корнилов послал в Новочеркасск донскому атаману Каледину телеграмму, в которой приказал ему начать движение на Москву (Милюков, там же, стр. 192).

Утром 27 августа Савиновым была получена условная телеграмма от Корнилова: «Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 27 августа»...

А «Известия ЦИК», под редакцией прозорливого Дана, успокаивали: «Правительство хорошо видит козни и уже направляет удар на Могилев»...

Бедный Дан! Он вовсе не видел, что и ему «правительство» приготовило «и проч. и т. п.»!!..

Что же случилось в конце августа между Керенским и Корниловым, что нарушило их доброе согласие? — возникает вопрос.

Между ними было условлено, что перед самым разгромом Советов и завоеванием Петрограда Керенский и Савинков выедут в Ставку, где и будет образовано новое правительство. Был намечен и его состав, правда, в нескольких вариантах. Председателем «совета народной обороны» должен был стать Корнилов, министром-председателем — Керенский, членами: Савинков, генерал Алексеев, адмирал Колчак и Филоненко. Министрами намечались: Тахтамышев, Третьяков, Покровский, граф Игнатъев, Аладьин, князь Г. Е. Львов, Завойко. По другому варианту, министром-председателем должен был стать Корнилов, а Керенский — министром юстиции. «Крестными отцами» новой власти в Ставку к 29 августа были приглашены: Родзянко, Милюков, В. Маклаков, Рябушинский, Н. Львов, Сироткин, кн. Львов, Третьяков, Тесленко и др. (Деникин, стр. 42).

Однако, Керенский в Ставку поехать отказался. Причина его отказа заключалась в том, что близкие к Корнилову круги офицерства и казачества вовсе не были согласны укреплять на престоле власти болтливую марионетку и решили его . . . просто убить.

В. Н. Львов, разговаривая с Завойко (приближенный Корнилова) о составе будущего правительства, спросил:

«— Для чего вы поставили имя Керенского в кабинете, когда вы его ненавидите?».

Ответ был:

«— Керенский — знамя. Его надо оставить.

«— Корнилов гарантирует жизнь Керенскому?

«— Ах, как может верховный главнокомандующий гарантировать жизнь Керенскому?

«— Однако же, он это сказал?

«— Мало ли что он сказал. Разве Корнилов может поручиться за всякий шаг Керенского? Выйдет он из дому, — ну и убьют его.

«— Кто убьет?

«— Да хоть тот же самый Савинков! Почему я знаю?

«— Но ведь это же ужасно!

«— Ничего ужасного нет. Его смерть необходима, как вытяжка возбужденному чувству офицерства.

«— Так для чего же Корнилов зовет его в Ставку?

«— Корнилов хочет его спасти, да не может».

Сам Керенский писал («Дело Корнилова», стр. 50 и 122):

«... Целью отдельных заговорщических групп было „устранить“ меня, не останавливаясь перед самым крайним средством. Мне был известен случай, когда уже был брошен жребий, кому исполнить „приговор“, и только случай предотвратил дальнейшее...».

... «Когда при В. В. Вырубове я нарочно сказал В. Н. Львову, что переменяю решение и поеду в Ставку... тогда он, страшно волнуясь, схватился за грудь и говорить: „Спаси вас бог, ради бога, не ездите, потому что ваше дело там плохо“»...

Львов очень хорошо знал, что дело Керенского в Ставке плохо: ведь Львову было категорически приказано привезти Керенского в Ставку и, таким образом, помочь его убийству!

Керенский, не желая совсем служить «вытяжкой» возбужденному чувству офицерства (он наметил в роли такой «вытяжки» членов Совета и своих товарищей по партии с.-р.), отказался ехать в Ставку. Тогда к нему вторично был послан Львов.

Планы Керенского рухнули. Оставаясь в Петрограде, он рисковал стать в первую голову жертвой «арестов, казней и проч. и т. п.», для которых сам вызвал 3-й корпус под командой генерала Крымова, дикую дивизию и многие другие роды оружия такого же сорта. Отправляясь в Ставку, как было условлено с Корниловым, именно для того, чтобы избежать приготовленного в Петрограде «и проч. и т. п.», — он должен был стать «вытяжкой»... Пришлось избрать третий путь. Он вспомнил о существовании революционной демократии и Советов уже не в связи с их «ликвидацией» при помощи дикой дивизии, а для собственного самоохранения. Раз не выгорел заговор, — можно сделать из Корнилова трамплин, с которого прыгнуть к той же желанной цели — к единоличной диктатуре. Что простаки из ЦИК Советов ничего не поняли и ни на йоту не чувствовали судьбы, которую им приготовил Керенский, — он не сомневался ни капли. Они еще раз вручат — в минуту величайшей опасности контр-революции — судьбу России в его руки и назовут его спасителем отечества.

И Керенский принял приехавшего к нему Львова уже с целью собрать «улики» против Корнилова и начать дело о заговоре...

Львов передал Керенскому требование Корнилова приехать в Ставку и осуществить условленные меры.

Керенский посадил за портьерой в своем кабинете «свидетеля», который записывал их разговор. Потом вызвал к прямому проводу Корнилова, пригласив на телеграф и Львова, который не явился, но тем не менее Керенский разговаривал с Корниловым то от себя, то от имени Львова, сказав Корнилову, что у аппарата они оба.

Разговор носил такой характер, который только и может быть у двух заговорщиков, отлично понимающих, в чем дело, но, конечно, остерегающихся говорить совсем открыто.

Корнилов:

«— Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мною В. Н.—чу (Львову) с просьбой доложить вам, я вновь заявляю, что события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок».

«— Я, Владимир Николаевич (т.-е. это Керенский говорил от имени отсутствовавшего Львова. Д. С.), вас спрашиваю: то определенное решение нужно исполнить, о котором вы просили меня известить Александра Федоровича, только совершенно лично? Без этого подтверждения лично от вас А. Ф. колеблется мне вполне доверить».

«— Да, подтверждаю, что я просил вас передать А. Ф.—чу мою настойчивую просьбу приехать в Могилев».

«— Я, А. Ф., понимаю ваш ответ, как подтверждение слов, переданных мне В. Н. Сегодня этого сделать и выехать нельзя. Надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков?»

«— Настоятельно прошу, чтобы Б. В. (Савинков) приехал вместе с вами. Очень прошу не откладывать вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить вас».

«— Приезжать ли только в случае выступления, о котором идут слухи, или во всяком случае?»

«— Во всяком случае».

Конечно! Ведь выступление «большевиков» было для Корнилова обеспечено, ведь под видом большевиков готовился выступить атаман Дутов!

26 августа, поздно вечером после этого разговора, Крымов отправился к своему корпусу со следующим приказом Корнилова:

«1) в случае получения от меня или непосредственно на месте (сведений) о начале выступления большевиков, немедленно двигаться с корпусом на Петроград, занять город, обезоружить части петроградского гарнизона... обезоружить население Петрограда и разогнать Советы; 2) по окончании исполнения этой задачи генерал Крымов должен выделить бригаду с артиллерией в Ораниенбаум и по прибытии туда потребовать от кронштадтского гарнизона разоружения крепости и перехода на материк» (Деникин, т. II, стр. 53).

Совсем хорошо! Не говоря уже обо всем остальном, но — во время угрозы со стороны германцев Петрограду, о которой свидетельствуют те же «доблестные» генералы Деникин и Лукомский, — чему могла оказать препятствие — по словам опять-таки тех же самых Корнилова и Деникина — только Кронштадтская крепость — генерал Корнилов приказывает ее разоружить...

Впрочем, виноват, не один Корнилов. По авторитетному заявлению генерала Деникина (там же, стр. 53), «что касается ликвидации кронштадтского мятежного гнезда, то согласие на нее было дано министром-председателем еще 8 августа...».

Пусть теперь, когда «патриоты» — генералы, Милюков, Керенский и вся их компания, — документально разоблачили друг друга, когда вся картина снятия целых корпусов с угрожаемого германцами фронта, сдача Риги, создание опасности для Петрограда и приказ о разоружении его единственной защиты — Кронштадта — на-лицо, пусть теперь кто-нибудь скажет, что Корнилова, Алексеева, Лукомского, Крымова, Керенского, Савинкова и их единомышленников нельзя заподозреть в прямом содействии немецкому генеральному штабу! И пусть теперь кто-нибудь подберет дру-

гое название, кроме невероятной наглости, обвинению, которое эти самые предатели бросали в лицо большевикам, говоря о подкупе последних германцами!

Керенский проводит свой новый план. После разговора с Корниловым он созывает заседание правительства и требует постановления о предоставлении ему чрезвычайных диктаторских полномочий, при чем все министры принципиально соглашались подать прошения об отставке. Удовлетворенный этим, Керенский начинает действовать единолично.

В Ставке еще не знают об измене Керенского. Но утром 27 августа там получается телеграмма Керенского с предложением Корнилову сдать должность... генералу Лукомскому и выехать в Петроград.

Ставка была ошеломлена «неожиданной новостью».

А в Петрограде командующий округом генерал Васильковский, непосредственно подчиненный генералу Корнилову, «поставил столицу на военное положение, занял рабочие центры своими отрядами, назначил усиленные патрули и в особом воззвании обещал всеми средствами военной власти в самом зародыше подавлять все попытки вызвать в Петрограде волнения и беспорядки» (Суханов, т. V, стр. 211). Берегись теперь, атаман Дутов!!

26 августа Керенский — по настоянию Родзянко — поднял вдвое твердые цены на хлеб. В результате этого распоряжения вышел в отставку министр продовольствия Пешехонов.

Приказ Керенского об отставке Корнилова вызвал выход из Временного Правительства всех министров-кадетов: Кокошкина, Юренева, Карташева. К ним присоединился и... Чернов, который объяснил, что ушел «дабы облегчить образование нового правительства и не затруднять своим присутствием его солидарной работы»... Словом, не пропустил случая — в перерыве между цирковыми номерами — выступить в роли неизменного «рыжего»...

Генералу Корнилову, получившему телеграмму о своей отставке и вызове в Петроград, ничего не оставалось, как выступить открыто. Он разослал по всем учреждениям и по армии следующую телеграмму:

«Объявление Верховного Главнокомандующего.

«Русские люди!

«Великая родина наша умирает.

«Близок час кончины.

«Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное Правительство, под давлением большевистского большинства Советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри.

«Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в бога, в храмы, молитте господа бога об объявлении величайшего чуда, спасения Родной Земли. Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ — путем победы над врагами — до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни.

«Предать же Россию в руки ее исконного врага—германского племени — сделать русский народ рабами немцев, я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама Русской Земли.

«Русский народ! В твоих руках жизнь твоей Родины!

Генерал Корнилов.

27 августа 1917 г.»

В числе документов лицемерия, которые знает история, это воззвание должно занять видное место.

Кто действовал — вопреки давлению «большевистского» большинства Советов — в согласии с планами германского генерального штаба? Генерал Корнилов вместе с Керенским. Кто снимал с Северного фронта корпуса и дивизии «одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье»? Генерал Корнилов с согласия Керенского. Кто фактически предал Ригу и готовился предать Петроград «в руки

германского плéмени»? Генерал Корнилов. Кто соби-
рался одерживать «победы» над врагами — не внеш-
ними, а над петроградскими рабочими, кто готовился
ликвидировать Советы и расстрелять их руководителей?
Генерал Корнилов вместе с Керенским. И, когда все
провалилось из-за нежелания жалкого адвокатишки по-
ехать в Ставку, где его ожидала тоже «ликвидация»,—
предателю-генералу не осталось ничего, как истерически,
по примеру своего компаньона по заговору — кричать
всем, «кто верит в бога и храмы», чтобы молились о
ниспослании величайшего чуда — спасения «родной
земли»!

Прошло десять лет.

«Родная земля» — спасена. Но спасена она не теми,
кто «верит в бога и храмы», а рабочими и крестьянами.
Спасена не по призыву генерала Корнилова, а под ру-
ководством советской власти. Спасена потому, что
трудовое население России и соединившихся с нею Со-
ветских республик не пошло за генералом Корнило-
вым, Деникиным, Врангелем, Колчаком, Юденичем и им
подобными, старавшимися не за страх, а за совесть про-
дать все наши земли, богатства, заводы, фабрики, же-
лезные дороги — англичанам, французам, немцам, кому-
угодно, кто только соглашался помочь низвергнуть со-
ветскую власть...

16. Ликвидация Корниловщины.

Приведенное мною воззвание Корнилова было отве-
том на разосланное Керенским по радио обращение
«всем, всем, всем» о том, что Корнилов предъявил пра-
вительству требование передать власть в его руки, а Ке-
ренский приказал ему сдать должность. Ни слова о про-
двигающихся к Петрограду воинских частях! Ни слова
о корпусе генерала Крымова, дикой дивизии и предсто-
ящей попытке военного разгрома петроградского проле-
тариата и его организаций!

Причина этого умолчания понятна: ведь, говоря об
этом, Керенский должен был сказать, по чьему же именно
приказу Петроград очутился накануне осады, каким об-
разом «глава правительства проглядел реальную угрозу

военного разгрома и Совета и самого Временного Правительства? А, как мы уже знаем из документов, все это готовилось при деятельнейшем участии самого Керенского... Говорить об этом, — значило выдавать самого себя...

Впоследствии, в своих показаниях по делу Корнилова, Керенский поставил себе в заслугу, что в этот момент он вовсе не обратился в ЦИК Советов и к органам революционной демократии... И в то время, когда на Петроград надвигались полчища контр-революции, «Известия» великолепного меньшевистско-эсэровского ЦИК'а Советов писали об угрозе... выступления большевиков!!!

А Корнилов не дремал. 27 августа в войска, шедшие к Петрограду, на ст. Дно Багратиону была послана следующая телеграмма:

«Главковерх приказал комкорам 3 конного, начдивам 1 Уссурийской, Донской и Туземной дивизии высадиться между ст. Гатчина и Александровская и в конном строю двигаться к Петрограду в полном боевом порядке к Нарвской, Московской и Невской заставам. В случае обстоятельств, мешающих выполнению плана, главковерх приказал старшему генералу в чине принять на себя командование корпусами и дать бой войскам Временного Правительства». В ответ Багратион телеграфировал начальнику штаба верховного главнокомандующего: «27 августа 24 часа, погрузка дивизии и отправление эшелонов продолжают, 3 эшелона уже находятся в пути. Сейчас... получено распоряжение прекратить отправку эшелонов. Телеграмму эту не исполняю, продолжаю отправку эшелонов».

В этот же день Керенский телеграфировал в ставку: «Приказываю все эшелоны, следующие на Петроград и в его район, задерживать и направлять в пункты прежних стоянок». На этой телеграмме, полученной в Ставке, имеется надпись Корнилова: «Приказания этого не исполнять, двигать войска к Петрограду» (телеграммы эти заимствую из книги Веры Владимировой «Контр-революция в 1917 году»).

Корнилов получил телеграммы с извещением о поддержке его против Временного Правительства от генералов Деникина, Валуева, Щербачева, Ванновского, Эль-

снера, Селивачева, Черкасова и Каменского. С Корниловым выступили главнокомандующие всех фронтов. Деникин рассказывает, что многие иностранные военные представители являлись к Корнилову с пожеланием успеха...

Буржуазные круги и лидеры кадетской партии развили бешеное давление на Керенского в целях передачи им власти... генералу Алексееву, который-де бескровно уладит конфликт с Корниловым. Заседание совета министров под председательством Керенского обсуждало самым серьезным образом этот вопрос... В кабинете у Керенского толкались Милюков, ген. Алексеев, Кишкин...

Что же делал в это время соглашательский ЦИК? Как реагировал на грозную минуту опасности для революции?

Он занимался «кризисом власти». Как же! Из правительства ушли кадеты! В этом для Церетели, Дана, Чернова, Чхеидзе и компании был весь центр угрозы! Правда, о продвижении к Петрограду войск они и не подзревали.

Днем «бюро» ЦИК вынесло полное одобрение решениям Временного Правительства и мерам, принятым Керенским. Дело, вероятно, шло только об отставке Корнилова.

Ночью на 28 августа ЦИК узнал обо всем и... в первую очередь опять занялся вопросом о кризисе власти. Было постановлено большинством меньшевистско-эсэровских голосов:

«Предоставляя товарищу Керенскому формирование правительства, центральной задачей которого должна явиться борьба с заговором ген. Корнилова, ЦИК обещает правительству самую энергичную поддержку в этой борьбе».

Однако, ЦК и ПК большевиков уже вмешались в это дело с совсем другой — единственно правильной — стороны. Они обратились к населению с воззванием, в котором призывали солдат и рабочих дать вооруженный отпор помещичье-реакционной клике генерала Корнилова и клеймили поведение Временного Правительства. А ночью, 27 августа, состоялось заседание делегатов почти всех воинских частей, входивших в состав воен-

ной организации большевиков. Отозвался Кронштадт. На заводах состоялись тысячные митинги... В полках выносили резолюции о готовности к вооруженной борьбе...

Опасность разгрома революции была настолько очевидна, что ЦИК согласился на предложение создать «комитет для борьбы с контр-революцией», в который вошли и представители большевиков. В дальнейшем этот комитет принял название «военно-революционного». В этот комитет от большевиков вошли тт. Каменев, Рязанов и Невский. С ними же в контакт вступила уже организованная большевиками особая комиссия для организации обороны.

Военно-революционный комитет начал с обследования петроградских баз корниловского восстания: юнкерских училищ и офицерских организаций. Одновременно — по его приказу — железнодорожниками были разрушены все железнодорожные пути к Петрограду, чтобы помешать движению корниловских эшелонов. Были приняты меры к вооружению рабочих, начала создаваться красная гвардия, мобилизованы были все продовольственные органы, уменьшен — в виду грозящего кризиса — продовольственный паек до полфунта хлеба, произведен по ордеру военно-революционного комитета обыск в корниловском гнезде гостинице «Астория» — и арестовано 14 офицеров... Словом, фактическая власть перешла в руки военно-революционного комитета.

Что же делал в это время Керенский? Как готовился он к отпору корниловским отрядам?

«Я никогда не забуду, — писал Керенский, — мучительные долгие часы понедельника и особенно ночи на вторник. Какое давление мне приходилось испытывать в это время, сопротивляться и в то же время видеть против себя растущее смущение! Эта петербургская атмосфера крайней психической подавленности делала еще более непереносным сознание того, что безначалие на фронте, эксцессы внутри страны, потрясение транспорта могли каждую минуту вызвать непоправимые последствия для и без того скрипевшего государственного механизма. Ответственность лежала на мне в эти мучительно тянувшиеся дни поистине нечеловеческая. И я

с чувством удовлетворения вспоминаю, что не согнулся я тогда под ее тяжестью, с глубокой благодарностью вспоминаю тех, кто тогда просто по-человечески поддержал меня» (Цитирую по Суханову, т. V, стр. 299).

Действительно, в этот день и последующую ночь он сделал все, чтобы «задушить» контр-революцию: он пригласил в правительство Савинкова, Терещенко и Кишкина. Потом назначил Савинкова же генерал-губернатором Петрограда и его окрестностей. Он беседовал с Милюковым и генералом Алексеевым, и потом, в показаниях по делу Корнилова, заявил: «тогда, в 3 часа дня 28 августа, мне и в голову не приходило, что передо мной сидят единомышленники...». Словом, предпринял решительно все, чтобы раздавить Корнилова... за исключением только тех мер, которые нужно было предпринять...

На призыв большевиков и военно-революционного комитета о ликвидации корниловского наступления откликнулось все население. Мало того, по директивам большевиков и военно-революционного комитета действовали тысячи людей, никогда этих директив и не видевшие и ничего о них не слышавшие.

Продвижение корниловских войск к Петрограду было остановлено путем разборки железнодорожного пути. Среди них появилось множество солдат, по собственной инициативе начавших разяснять, с какой целью Корнилов послал войска на Петроград. К дикой дивизии ЦИК выслал делегацию черкесов и мусульман, которая, хотя не была допущена корниловскими офицерами к общению с дивизией, но успела сказать многим из своих соплеменников, чинов дивизии, о происходящем обмане, об отсутствии каких бы то ни было беспорядков в Петрограде, подавлять которые их везли... Среди «самых надежных» корниловских войск началось разложение.

К вечеру 28 августа пути к Петрограду были уже преграждены и войсками, находившимися в подчинении у военно-революционного комитета.

А утром 29 августа к Керенскому уже явилась депутация от корниловских казачьих полков с повинной...

Керенский ободрился и издал приказ об увольнении от должности с преданием суду за мятеж генералов Кор-

нилова, Деникина, Лукомского, Маркова и Кислякова и о смещении генерала Клембовского. А остальные, которые заявили о поддержке Корнилова и отказались повиноваться Временному Правительству? Им была (секретно) объявлена амнистия. Они ведь не большевики вроде т. Троцкого, который продолжал сидеть в тюрьме...

Перед Керенским стал серьезнейший вопрос: кого назначить в верховные главнокомандующие? Самым желательным кандидатом для него был генерал Алексеев. Ведь он чуть не согласился даже уступить ему портфель министра-председателя! Но как быть со Смольным? Там ведь теперь, пожалуй, даже Чхеидзе и Церетели станут протестовать...

Здесь пришла на помощь всегдашняя гениальность этого необычайного присяжного поверенного. Он назначил верховным главнокомандующим... самого себя, а начальником своего штаба — генерала Алексеева. Фактически — это было равносильно назначению Алексеева верховным, но поди-ка, подкопайся!..

Это решение, конечно, вызвало восторг Дана, который не упустил случая опубликовать в «Известиях», что «решение А. Ф. Керенского взять на себя командование армией является в настоящий момент, когда необходимо с корнем вырвать и подавить мятеж, организованный командным составом, решением вполне отвечающим интересам революционной демократии. Безусловно, это решение внесет успокоение в ряды солдатских масс, так как явится гарантией того, что никто из виновников этого мятежа не избежит заслуженной кары».

Неужели и ныне не краснеют, читая эти свои строки, те бывшие руководители соглашательского ЦИК'а, которые теперь документально знают, что их доверенное лицо — Керенский — только-что имел намерение внести вечное «успокоение» ЦИК'а и вождей Совета при помощи корниловского третьего корпуса и дикой дивизии?

Керенский стал «с корнем вырывать мятеж, организованный командным составом». Он начал... переговоры со Ставкой о сдаче, т.-е. не он сам, а генерал Алексеев по его поручению. Вы, может-быть, думаете, что

Керенский издал приказ об аресте мятежных генералов? Ничего подобного! Он приказал Алексееву «уговорить» их сдаться без всяких условий...

Алексеев начал переговоры, которые живо напоминают строчки из рассказа Тургенева «Певцы»:

«— Антропка-а-а! — кричал один деревенский мальчик другому на лугу, с упорным и слезливым отчаянием долго вытягивая последний слог.

«— Чего-о-о — с противоположного конца поляны, словно с другого света, принесся едва слышный ответ.

«— Иди-и сю-юда-а-а, чорт, леши-и-й!

«— Заче-е-ем? — ответил тот, спустя долгое время.

«— А затем, что тебя тятя высець хочи-и-ит, — поспешно прокричал первый голос.

«Второй голос более не откликнулся».

Генерал Алексеев принял назначение на должность начальника штаба верховного главнокомандующего, чтобы спасти Корнилова и компанию.

Генерал Деникин в своих «Очерках истории русской смуты» (т. II, стр. 64—65) так описывает настроение этого старого реакционера:

«29 августа ротмистр Шапрон — один из участников организации (корниловской. Д. С.) — застал его в крайне угнетенном состоянии. Старый генерал сидел в глубоком раздумьи, и из глаз его текли крупные слезы. Он сказал:

«— Только-что был Терещенко. Уговаривают меня принять должность начальника штаба при верховном — Керенском... Если не соглашусь, будет назначен Черемисов... Вы понимаете, что это значит? На другой же день корниловцев расстреляют. Мне противна предстоящая роль до глубины души, но что же делать? Неужели нельзя связаться с Крымовым и вызвать сюда хоть один полк? Ведь у вас тут есть организация... Отчего она бездействует? Найдите во что бы то ни стало С. и заставьте его приступить к действиям...». «Главного руководителя петроградской военной организации, полковника С., разыскивали долго и безуспешно. Он, как оказалось, из опасения преследования, скрылся в Финляндию, захватив с собой остатки денег организации, что-то около полутора-ста тысяч рублей...». «Ночь на 30-ое послужила решитель-

ным поворотным пунктом в ходе событий: генерал Алексеев, ради спасения жизни корниловцев, решился принять на свою седую голову бесчестие — стать начальником штаба у „главоверха“ Керенского»...

Итак, то доверенное лицо, которому Керенский поручил «ликвидацию мятежа, начало свои действия с того, что связалось с одним из членов петроградской корниловской организации и убеждало его начать восстание в Петрограде!!.. Великолепно! Предсказание «Известий» во главе с Даном начало осуществляться прежде, чем просохла краска статьи, в которой решение Керенского называлось «отвечающим интересам демократии...».

«— Антропка-а-а!!.. — кричал со слезами на глазах старый Алексеев.

«— Генерал Корнилов поручил мне передать следующее, — отвечал Лукомский: 1) если будет объявлено России, что создается сильное правительство, которое поведет страну по пути спасения и порядка, и на его решения не будут влиять различные безответственные организации, то ген. Корнилов немедленно примет меры к тому, чтобы успокоить те круги, которые шли за ним; 2) приостановить предание суду ген. Деникина и подчиненных ему лиц; 3) считаю недопустимыми аресты генералов; 4) немедленный приезд в Ставку ген. Алексеева; 5) ген. Корнилов требует, чтобы правительство прекратило немедленно дальнейшую рассылку приказов и телеграмм, позорящих его, Корнилова. С своей стороны ген. Корнилов обязуется не выпускать приказов войскам и воззваний к народу, кроме уже выпущенных»... (В. Владимирова, стр. 187).

Вы удивлены? Подождите удивляться.

«В ответ на это последовало распоряжение Керенского всем, всем, всем, что оперативные распоряжения генерала Корнилова, отдаваемые его именем, обязательны к исполнению»... (Там же).

Как? Отстраненного от должности с преданием суду генерала, подлежащего по подобранным Зарудным статьям закона расстрелу за мятеж на фронте? Да, да! Не удивляйтесь! Разве вы забыли, что дело идет не между противниками, а между вчерашними друзьями и

заговорщиками, из которых один пойман другим, но поймавший боится разоблачений? . . .

Конечно, Корнилов воспользовался предоставленным ему правом отдавать оперативные распоряжения, чтобы попробовать стянуть к Могилеву верные ему войска с целью продолжения заговора . . . Советам в Смоленске, Витебске, Минске и др. городах пришлось организовывать отряды для взятия Могилева, становившегося новой угрозой революции . . .

30 и 31 августа и 1 сентября генерал Алексеев все кричал по телеграфу: «Антропка-а-а!» Он говорил не только с чинами Корнилова, но вызывал к аппарату и других заговорщиков: председателя главного комитета союза офицеров и т. д., рекомендуя им «пока» полное спокойствие.

Такой образ действий вызвал решительный протест со стороны Советов и волнение в армии и городах. К Керенскому посыпались телеграммы с возмущением действиями ген. Алексеева. Тогда Керенский послал Вырубову (помощнику ген. Алексеева по гражданской части) 1 сентября следующую телеграмму:

«Необходимо сегодня же арестовать пять-шесть человек, о чем широко оповестить, в виду быстро распространяющегося слуха о нашем бездействии и даже некоторой сознательной мягкости. Слух этот вызывает разложение в войсках и массе. Убедительно прошу вас, чтобы нужное существо не вкладывалось бы в неприемлемые для демоса формы . . .» (В. Владимирова, стр. 193).

Последняя фраза требует расшифровки. Думаю, что перевести ее на русский язык можно только так: «убедительно прошу вас, чтобы проявления нашей мягкости и бездеятельности по отношению к заговорщикам не било в глаза демократии» . . . Думаю, что против такого перевода не сможет возражать даже сам Керенский, ибо другого толкования этим словам придать невозможно.

Но Алексеев вовсе не желал арестовывать своих друзей, и Керенскому пришлось поставить Алексееву ультиматум: если через два часа приказ об аресте не будет выполнен, то он, Керенский, будет считать Алексеева пленником Ставки и пошлет войска для его освобождения.

Это — тоже не помогло, и через два часа Керенский приказал послать Алексееву телеграмму, которую т. В. Владимиров правильно называет «слезной», словом, «слезограмму»:

«А. Ф. Керенский поставил генералу Алексееву срок 2 часа, который истек в 19 час. 10 мин., до сих пор ответа нет. Главковерх требует, чтобы генерал Корнилов и его участники были арестованы немедленно, ибо дальнейшее промедление грозит неисчислимыми бедствиями. Демократия взволнована свыше меры, и все грозит разразиться взрывом, последствия которого трудно предвидеть. Этот взрыв в форме выступления Советов и большевиков ожидается не только в Петербурге, но и в Москве и в других городах. В Омске арестован командующий войсками, и власть перешла к Советам. Обстановка такова, что дальше медлить нельзя, или промедление и гибель всего дела спасения родины, или немедленные действия и аресты указанных вам лиц. Тогда возможна еще борьба. Выбора нет. А. Ф. Керенский ожидает, что государственный разум подскажет генералу Алексееву решение, и он примет его немедленно: арестуйте генерала Корнилова и его соучастников. Я жду у аппарата вполне определенного ответа, единственно возможного, что лица, участвующие в восстании, будут арестованы... Для вас должны быть понятны те политические движения, которые возникли и возникают на почве обвинения власти в бездействии и попустительстве. Нельзя дольше так разговаривать. Надо решиться и действовать» (там же, стр. 193).

Слезограмма подействовала, и Корнилов с его компанией решил арестоваться. «Антропка» пришел... получив гарантии, что его сечь не будут...

В ставке Алексеев очень сурово отнесся к войскам, оставшимся на стороне Временного Правительства, и чрезвычайно благосклонно к корниловским — в особенности к командному составу последних.

Керенский получил от «революционной демократии» в лице Чхеидзе, Дана, Чернова и компании полномочия для «решительной» борьбы с контр-революцией. И воспользовался этими полномочиями беспощадно.

Он послал для производства следствия над взбунтовавшимися генералами комиссию во главе с прокурором

Шабловским. Следственная комиссия прежде всего отказалась от допроса... генерала Корнилова. По заявлению членов следственной комиссии «ей тяжело допрашивать Корнилова»... Сам Керенский пишет по поводу этой комиссии («Дело Корнилова», стр. 173): «Сознаюсь, я был раздражен... чрезвычайной беспристрастностью членов комиссии, которая переходила уже в явную склонность не видеть ничего преступного в деятельности лиц, привлеченных к ответственности по делу Корнилова»...

Словом, Керенский как будто бы жалуется на комиссию. Но жалоба эта не стоит многого. Ведь комиссию то назначал не кто иной, как Керенский!..

С другой стороны, мне хочется высказаться в защиту комиссии. Она вынуждена была иметь «явную склонность не видеть ничего преступного в деятельности лиц...». Ведь иначе ей пришлось бы начать с ареста самого Керенского!..

Арестованные генералы устроились чрезвычайно комфортабельно. Большую часть их выпустили, оставшихся перевели в Быхов. На вокзале они свободно разгуливали с офицерами Ставки, пришедшими их проводить. Забрали с собой массу вещей для «необходимого комфорта» в новом месте заключения. Захватили лучшего повара из гостиницы «Бристоль» (В. Владимирова, стр. 195).

Лукомский вспоминает (т. I, стр. 261):

«Внутри здания (в Быхове) мы пользовались полной свободой и ходили, когда захотели, один к другому... Из Ставки в Быхов был послан повар (еще один! Д. С.), и нас кормили вполне удовлетворительно. Сношение с внешним миром официально было воспрещено; но так как комендантом был назначен помощник командира Текинского полка, человек, вполне преданный Корнилову, — он докладывал о всех приезжавших в Быхов и желавших нас видеть, и к нам допускались все те, которых мы хотели видеть. Вследствие этого очень скоро наладилась прочная связь с Петроградом, Москвой и Могилевым, и мы были в курсе всего того, что происходит, и вели переписку с нужными нам лицами... Штаб верховного главнокомандующего также осведомлял нас по всем нас интересующим вопросам...».

— Позвольте, — скажут мне. — Но ведь «верховным главнокомандующим» в это время уже был Керенский! Неужели он посылал доклады «по всем интересующим вопросам» арестованным генералам?

На это я могу попросить только еще раз прочитать цитированные мною строки генерала Лукомского. Значит, да...

О, конечно, без тени краски стыда на лице Керенский говорил несколько дней спустя: «Корниловщина свое временно и до конца вскрыта мной...». Конечно, он заслуживал бесконечного доверия и полнейшей поддержки, за которую распинались Церетели и Чернов, и, конечно, нужно было бы быть только таким «ослепленным», как большевики, чтобы протестовать против этого и чтобы громко заявлять, что ликвидацию Корниловщины надо начать с Керенского!

Конечно, все арестованные генералы были, в конце концов, выпущены на свободу, при чем Ставка им заготовила и переслала необходимые документы, и, конечно, никакого суда над ними не было. Последняя — главная — группа их в 5 человек была освобождена Ставкой 27 октября, уже после Октябрьской революции в Петрограде.

17. Гениальность Керенского становится прямо невыносимой...

Керенский предался своему любимому занятию — формированию правительства. Дан в «Известиях» заявил, что задачей настоящего момента является вырвать с корнем мятеж и что Керенский в этом отношении вполне отвечает интересам революционной демократии. Керенский постарался с первых же своих шагов «подтвердить» эту точку зрения своего приятеля, оставшегося в живых вопреки всем намерениям Керенского.

Он начал переговоры о формировании правительства, прежде всего, как я уже сказал выше, с генералом Алексеевым и профессором Милюковым, т.-е. — неправда ли? — с заведомыми для всех «врагами» Корнилова.

На должность министра внутренних дел, обязанностью которого было бороться с заговорами против революции, Керенский наметил Кишкина, члена ЦК пар-

тии «народной свободы» (кадетской), всеми силами поддерживавшей Корнилова. «Затем — повествует Милюков («История», т. I, ч. 3, стр. 13) — ЦК партии народной свободы предложил ввести в кабинет представителей торгово-промышленного класса. Это требование тоже было принято Керенским, и он уполномочил Кишкина на переговоры в Москве с торгово-промышленным классом. Торгово-промышленная Москва наметила Смирнова на должность государственного контролера. Сам Керенский наметил себе гласного Бурышкина, но впоследствии эта кандидатура отпала, как nereкомендованная московским купечеством, и заменена была другим представителем торгово-промышленного класса в лице С. Н. Третьякова... Очень скоро обнаружилось, что, приглашая ген. Алексеева и Кишкина, поручая Кишкину обсудить еще более правые, уже чисто «буржуазные» кандидатуры, Керенский рассчитывал без хозяина... К сожалению, проф. Милюков не приводит фамилий тех лиц, которых даже он сам считает «еще более правыми» и «уже чисто буржуазными» и которых также считал необходимым видеть возле себя в правительстве Керенский. Интересные, вероятно, это были лица, если по сравнению с ними ген. Алексеев, Кишкин, Третьяков и т. п. казались чрезвычайно левыми и совсем пролетариями...

Тут уже заговорила даже Валаамова ослица, т.е. вечная опора Керенского в Совете — его друзья меньшевики и социалисты-революционеры. Они послали в Зимний к Керенскому таких своих столпов, как Гоца и Зензинова, с заявлением о том, что включение в кабинет к.-д. недопустимо. Правда, Гоц сделал и тут все, что мог. Он «разъяснил», что это требование Совета «не исключает возможности вступления отдельных представителей этой партии (т.е. к.-д.), отгородившихся от „милюковцев“... С этой стороны вступление Кишкина не вызвало бы особых затруднений» (Милюков, там же, стр. 16). «Керенский, сообразно с этим, продолжал вести переговоры с к.-д. и с промышленниками. Вечером 2-го сентября Н. М. Кишкин, С. А. Смирнов и П. А. Бурышкин выехали из Москвы в Петроград. Кишкин напечатал письмо в газеты, в котором заявлял, что «входит во Временное Правительство с одобрением ЦК партии на-

родной свободы», чтобы противодействовать «борьбе классов и партий» и содействовать единению. Однако же, утром 3 сентября, когда все трое приехали в Петроград, положение дел там совершенно изменилось» — повествует Милюков (там же).

Что же случилось? Случилось то, что Совет большинством 279 против 115 приняли по вопросу об организации власти резолюцию, предложенную... большевиками... В ней требовалось отстранение от власти не только к.-д., но и представителей всех цензовых элементов, создание власти из представителей революционного пролетариата и крестьянства, декретирование демократической республики, немедленная отмена частной собственности на землю, объявление тайных договоров недействительными и немедленное предложение всем народам воюющих государств заключить демократический мир... Появились первые признаки краха меньшевиков и эс-эров.

Что же делает Керенский? Как относится он к создавшейся угрозе ниспровержения всех его замыслов, разрушения его тесного союза с Кишкиным, Третьяковым, Бурышкиным и другими — «еще более правыми» и «уже чисто буржуазными» неизвестными лицами?

Мемуары контр-революционеров и опубликованные т. В. Владимировой документы проливают новый свет на события этого времени. Всякий из нас слышал и знает о заговоре Корнилова и о его выступлениях в конце августа. Но почти никто не знал до сих пор о подготовке Керенским уже единолично (вероятно, конечно, в компании с Кишкиным и «еще более правыми» элементами) — переворота на 2 сентября...

Совет — против Керенского. Гоц, Зензинов, Чернов, Церетели, Дан и компания — хотя и не расстались со своим «товарищем по партии», хотя и пытаются поддерживать его, но поддержка их перестает расцениваться больше ломаного гроша. На кого же опереться?

А третий корпус? Он еще существует! Он еще находится около Петрограда.

1 сентября Керенский закрыл большевистскую центральную газету «Рабочий» и газету интернационалистов «Новую Жизнь».

А затем . . . затем даю слово Краснову, который сообщает:

«Как ни странно это было, но за первой помощью Керенский обратился к тому самому 3-му конному корпусу, который шел арестовать его. 1 сентября к Пскову собрались Приморский, Драгунский и Уссурийский казачий полки и стали разгружаться и расходиться по деревням . . . Все остальные части были повернуты обратно и направлены на Псков, а 2 сентября в 3 часа за мною экстренно приехал адъютант начальника штаба фронта и повез меня в штаб. Мне передали шифрованную телеграмму от Верховного Главнокомандующего Керенского о том, что, в виду возможности высадки немцев в Финляндии и беспорядков там, необходимо сосредоточить 1-ю Донскую дивизию в районе Павловск — Царское, штаб в Царском, а Уссурийскую дивизию в Гатчино — Петергоф, штаб в Петергофе.

«Каждый из нас уже по самой дислокации корпуса понимал, что беспорядки в Финляндии и высадка немцев это тот фиговый листок, которым прикрывались настроения Смольного института и открытая пропаганда Ленина в войсках петроградского гарнизона.

«Я был в отчаянии. Только-что сделанная работа успокоения разрушалась. Кто поверит, что ожидается высадка немцев? — скажут: опять контр-революция, опять измена. Вся надежда была на подпись Керенского и на комиссаров. И действительно, Керенскому поверили, а Войтинскому и Станкевичу удалось уговорить полки, что приказ надо исполнить. Но, конечно, главное было то, что никто ни оружием ни словами не мешал нам в походе — большевики еще не были готовы. К 6-му сентября корпус сосредоточился на указанных ему местах.

«В революционном Петрограде и его воинских учреждениях я был в первый раз. 4 сентября я приехал со штабом в Царское Село и в час дня являлся Главнокомандующему Петроградским военным округом. Таким оказался мой старый знакомый по л.-гв. Измайловскому полку генерал-майор Теплов. Эта милейшая личность . . . любитель литературы, изящных искусств, поэзии . . . был схвачен Керенским и посажен на место Главнокомандующего . . . Теплов меня сейчас же принял. В его добрых глазах стояли слезы . . .

«— Какие указания я вам могу дать? — говорил Теплов.— Я здесь халиф на час. Скажу одно—идет борьба за власть. С одной стороны Керенский... — но подле него никого, — с другой — Совет Солдатских и Рабочих Депутатов, которым уже овладели большевики с Лениным и который становится все более и более популярным среди петроградского гарнизона. Вы вызваны для борьбы против него, а сможете ли вы бороться?.. Но помочь ничем не могу...» («Архив русской революции», Берлин, 1922, «На внутреннем фронте», Краснов, стр. 131—133).

Выяснению вопроса о том, сможет ли он бороться, Краснов и посвятил последующие дни. И пришел к самым... пессимистическим выводам. С одной стороны, казаки выражали полную готовность немедленно «предоставить» ему самого Керенского (что, конечно, вовсе не входило в планы последнего), а с другой — даже офицеры из темных углов кричали Краснову «долой» и свистели в ответ на его патриотические призывы к борьбе с Советами и большевиками.

Попытка нового переворота завяла, не успев расцвести...

Что было дальше делать Керенскому?

Керенский во что бы то ни стало хотел добиться учреждения «директории» из 5 лиц, из коих четыре должны были маскировать собой его единоличную власть. Совет и даже «демократические» круги самого Керенского были против директории.

После принятия Советом резолюции большевиков меньшевики и с.-р. решили предложить Керенскому уже ультиматум об удалении членов партии к.-д. из правительства. Центральный Комитет партии с.-р. подкрепил это требование угрозой отозвать своих представителей из правительства, если к.-д. останутся в нем: в этом случае даже сам Керенский лишался права считать себя представителем с.-р. (Милюков, т. I, ч. 3, стр. 19).

«Этот ультиматум ставил Керенского в невозможное положение,—пишет дальше Милюков.—Возражая против к.-д., но не возражая прямо против коалиции, лидеры Совета, в сущности, делали коалицию невозможной. Керенский объяснил им, что ген. Алексеев приглашен на условии широкой коалиции и что генералы Руз-

ский и Драгомиров уйдут (какой ужас! Д. С.), если это условие будет нарушено, а более правые элементы, как представители торгово-промышленного класса, не войдут в правительство без к.-д.; что, наконец, он, Керенский, уже вошел в переговоры с кандидатами торгово-промышленников и лично связал себя обещаниями, данными Кишкину и Алексееву. Если ультиматум не будет взят обратно, то останется только уйти и ему самому, Керенскому. Эти заявления вновь обсуждались в центральных комитетах, но и на этот раз не оказали действия. Даже уход Керенского был не так страшен, как гнев большевиков. Против Керенского существовало сильное настроение даже в собственной его партии... В полночь приехали в Зимний дворец представители исполнительного комитета: Церетели, Гоц, Дан, Ракитников и др. с печальными вестями. Они успели осведомиться о настроении исполнительного комитета, начавшего заседание в Смольном. Ничего нельзя поделать. „Мы зашли в тупик, из которого нет выхода“. Ни ультиматум ни угроза отозванием министров партийных социалистов не могут быть взяты назад. Молча Керенский выслушал эти повторные заявления».

В результате обсуждения вопроса в правительстве подали в отставку министры Авксентьев, Скобелев и Зарудный. Настроение этих «социалистов», как повествует Милюков, было близко к полному отчаянию...

Конечно, они бросились в Смольный и попытались личным воздействием если не склонить начавший бунтоваться против Керенского «ЦИК его собственного величества», то хоть смягчить его требования...

Конечно, Церетели пришел им на помощь. И, конечно, ЦИК образумился. Он принял новое постановление, излагающее его требования в таком виде: 1) Немедленно созывается съезд всей организованной демократии и демократических органов местного самоуправления, который должен решить вопрос об организации власти, способной довести страну до Учредительного Собрания. 2) До этого съезда Центральный Исполнительный Комитет предлагал правительству сохранить свой теперешний состав и... призывает демократию оказывать энергичную поддержку в его работе по организации обороны страны и борьбы с контр-революцией,

в частности, путем демократизации армии и решительного обновления высшего командного состава, 3) . . . комитеты находят необходимым, чтобы правительство при принятии мер по охране порядка действовало в тесном контакте с комитетом народной борьбы против контр-революции при Всероссийском Центральном Комитете.

Приводя это постановление, проф. Милюков в восторге говорит:

«Решение было во всех отношениях ловкое. Оно оставляло все в прежнем виде и ничего не уступало из требований „демократии“. Главную трудность оно отодвигало в будущее, достаточно отдаленное, чтобы облегчить решение для данного момента, но в то же время достаточно близкое, чтобы не испугать „демократию“ . . . Церетели . . . обладал достаточным искусством обходить действительные затруднения . . . Такова же, в сущности, была теперь и тактика Керенского» . . . (Милюков, т. I, ч. 3, стр. 22).

И колокола зазвонили: «Кризис разрешен благополучно . . . Временно по вопросам управления и государственной обороны решено сосредоточить власть в руках совета пяти: Керенского, Никитина, Терещенко, Верховского и Вердеревского» (последние двое были назначены военным и морским министрами).

«Керенский, — пишет Милюков, — получал свою „директорию“, но „временно“ и при этом нисколько не отказывался от принципа коалиции, ни даже от введения в коалицию „цензовых элементов“ . . . Наконец, вопрос, особенно интересовавший „демократию“ — о праве предстоящего „демократического совещания“ самостоятельно создать новую власть — был в первый момент намеренно затушеван. „Демократия“ могла считать, что оно имеет это право, а правительство продолжало думать, что пополнение кабинета им просто отсрочено „до того момента, когда явится возможность снова вернуться к сформированию состава Временного Правительства на прежних коалиционных началах“. В этом смысле Керенский дал обещание и Кишкину, приняв его из тех трех кандидатов, которые приехали из Москвы. Министрами они не сделались, но кандидатами быть не перестали» . . . (стр. 23).

О, Макиавелли, Талейран и Меттерних! Думали ли вы когда-нибудь, что у вас будут такие талантливые ученики, — вожди партий социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков?

«Сохранив, таким образом, главное, что ему было нужно, — восторгается дальше Милюков, — Керенский решил сделать демократии уступки в тех ее требованиях, которые имели для нее принципиальное значение. Легче всего было удовлетворить желание „революционной демократии“ о провозглашении России „демократической республикой“. Юридического значения это провозглашение все равно не имело. Иначе, как заметил один из близких к правительству юристов, нужно было допустить, что какой-нибудь другой состав правительства может провозгласить Россию монархией. Это было предрешением голоса высшего судьи и властелина — народа — в Учредительном Собрании». (Удивительно, какой пафос появляется всегда у злейших врагов трудового населения, когда они говорят о «народе»! Кстати, Милюков в это время уже, конечно, забыл, как он старался в первом составе Временного Правительства предрешить голос «высшего судьи и властелина» и хлопотал за провозглашение России конституционной монархией. Такое провозглашение, по мнению самых близких к Керенскому и Милюкову юристов, конечно, имело бы «юридическое» значение! Д. С.)... «Против немедленного провозглашения республики имелся, в сущности, один серьезный аргумент: несерьезность этого акта и неавторитетность власти, которая его совершала», — ядовито острит Милюков.

Правительственная декларация, высокопарно объявляя Россию республикой, сообщала о «передаче полноты власти по управлению пяти лицам из состава Временного Правительства» и говорили о новой программе «директории»: «Временное Правительство главной своей задачей считает восстановление государственного порядка и боеспособности армии... будет стремиться к расширению своего состава путем привлечения в свои ряды представителей всех тех элементов, кто вечные и общие интересы родины ставит выше временных и частных интересов отдельных партий или классов... не со-

мневаясь, что эта задача будет им выполнена в течение ближайших дней»...

Красиво говорил Керенский, когда речь шла... о приятелях Милюкова и «более правых» групп! Они, видите ли, преследовали «вечные и общие интересы родины»... Куда до них каким-то большевикам!..

Милюков смакует: «Как видим, нет ни слова о „демократическом совещании“. Моралистическая сентенция о „вечном и общем“ прикрывала весьма определенное содержание, которое выясняется хотя бы из повторения слов о „партиях и классах“ в письме Н. М. Кишкина в редакцию газет. „Демократии“ предоставлялось проглотить все это под приправой из „демократической республики“» (Милюков, там же, стр. 25).

Итак, Керенский провозгласил ближайшее приглашение в состав правительства сторонников «вечного и общего» и т. д. А Н. М. Кишкин сейчас же выскочил на страницы газет с письмом, в котором заявил: — «Это обо мне»!..

Ну, а ЦК партии с.-р., который только-что вынес резолюцию, угрожавшую самому Керенскому, а Церетели, Гоц, Дан и др., которые ездили в Зимний предъявлять Керенскому ультиматум об изгнании кадетов? Они-то поняли все происшедшее или нет? Они-то оценили ли все издевательство над ними Керенского? Повидимому, не поняли ничего, потому что разговоры об ультиматумах и проч. как-то прекратились. А хитрый Милюков тогда молчал. Он посмеялся над всей этой комедией только в 1924 г. в Софии, где издал цитируемую мною 3-ью часть его «Истории».

С целью дальнейших «уступок» «демократии» Керенский поехал в Ставку — «как только это появление в Ставке стало для него безопасно», — ехидничает Милюков — для ее «чистки». Я больше склонен присоединиться к утверждению Суханова, который говорит, что главной целью поездки Керенского в Ставку в начале сентября — было стремление «замести следы» своего участия в корниловском заговоре... (Т. VI, стр. 52).

Наконец, 4 сентября, был освобожден из тюрьмы т. Троцкий, которому, конечно, не было предъявлено никакого обвинения.

«Из других требований „революционной демократии“, — пишет Милюков, — легко было исполнить требование о роспуске Государственного Совета и Государственной Думы... Но... Керенский не решился поднять руку на учреждение, создавшее его собственную политическую репутацию. Опубликование указа было отложено. В октябре, все равно, полномочия IV Гос. Думы оканчивались»...

Позвольте! Если Керенский склонил свою «железную» волю перед помещичье-купеческой Государственной Думой, которая — вместе с центральным комитетом партии социалистов-революционеров, если уж говорить откровенно — создала его собственную политическую репутацию, как утверждает Милюков, ну а Государственный Совет? А это сборище титулованных и орденами изукрашенных мумий старого режима? А эта богадельня для всех бывших министров и губернаторов, особенно отличившихся в подавлении крестьянских и рабочих восстаний, разбавленных после 1905 года махровыми представителями крупного капитала? Как Керенский, член ЦК партии социалистов-революционеров, спаситель революции, заложник демократии, борец за народ и прочая, и прочая, и прочая, как он относился к этому учреждению?

Об этом можно судить по одному его «указу», ксним на место М. Стаховича финляндским генерал-губернатором был назначен Некрасов... «с оставлением Стаховича членом Государственного Совета».

Дальше резолюция ЦК требовала от Временного Правительства сотрудничества с военно-революционными комитетами, образовавшимися повсюду для отпора корниловской контр-революции. Керенский 4 сентября издал приказ о... роспуске этих организаций... Правда, результаты этого приказа были довольно... плачевны. Ему никто не подчинился. Комитеты продолжали существовать и работать.

Организация власти шла полным темпом. На место Зарудного был назначен П. Н. Малянтович — бывший большевик, чего еще вам нужно? Портфель министра народного просвещения был вручен профессору С. С. Салазкину, министерство финансов было вручено Бернацкому. На место генерала Алексева был назначен

ген. Духонин. А с кадетами и «более правыми» кругами, не переставая, велись переговоры. 14 сентября в Зимний на совещание с Керенским пожаловали из Москвы гг. Кишкин, Бурышкин, Коновалов, Третьяков. Был приглашен, но не соизволил приехать московский туз купец Четвериков. На утреннем совещании с ними Керенский заявил, что он намерен создать коалиционное правительство, не исключая кадетов. Москвичи предъявили свои условия: 1) они разговаривают с Керенским, как с независимым представителем и главой верховной власти (при чтении этого пункта Керенский, вероятно, умильно щурился, как кот на самое вкусное сало), 2) правительство также должно быть безусловно независимо от всех «безответственных групп», 3) оно должно объявить решительную борьбу всем проявлениям анархии и 4) не останавливаться ни перед какими мерами для восстановления боеспособности армии.

Заявили и уехали. Керенский пригласил их посетить его вечером в тот же день. Вечером опять торговались... Вернее, не торговались, ибо программа промышленников ничем не отличалась от плана действий самого Керенского, а обсуждали, каким способом ее вернее осуществить. Кто-то заикнулся об опасности «Демократического Совещания». Один из членов «директории» успокоил, что переговоры ведутся вне всякой зависимости от этого совещания...

18. Если Керенский захочет, — так поставит на своем...

Собралось «Демократическое Совещание». Большевистская делегация выступала на нем с огромным успехом. Действительно, ни у кого не было такого ясного и правильного понимания событий, как у большевиков. Они ничего не старались замазать, никому не пытались «втереть очки», а — наоборот — заставляли прозреть тех, кто еще недостаточно разобрался в политике всеобщего предательства, объединившей всех от Родзянки и Милюкова до Чернова в одно целое.

Главным вопросом был поставлен вопрос о составе правительства. За коалицию или против нее?

Состав Совещания был достаточно пестр: были представительства от всех советских организаций, рабочих,

солдатских и крестьянских, от профсоюзов, от земцев и городов, от кооперативов, от железнодорожников, от почтово-телеграфных работников, от продовольственных, земельных и других экономических органов, от фронта и тыловых частей, от врачей, журналистов, казаков, вечных воинов, православного духовенства...

Керенский выступил перед СовеЩанием с речью. В сопровождении двух адъютантов он вышел на эстраду и начал:

«— Перед собранием демократии, волей которой и вместе с которой я творил революцию, я не могу говорить прежде, чем не почувствую, что здесь нет никого, кто мог бы мне лично бросить упреки и клевету, которую я слышал в последнее время»...

Керенский не успел кончить этой фразы, как со скамей большевиков услышал ясное и четкое: «есть, есть!»...

Да, в этом собрании присутствовали и были его участниками люди, которые считали своим долгом бросить в лицо Керенскому обвинение его в прямом соучастии с Корниловым. Этого он не ожидал. Торжественность и пафос речи были нарушены.

«— Позвольте мне поэтому, — продолжал Керенский, — изложить в кратких чертах то, что называется Корниловщиной, и то, что, я могу сказать по праву, было мною вскрыто и уничтожено»...

«— Не вами, а Советами», — прерывают опять большевики.

Речь сорвалась. В дальнейшем разнервничавшийся Керенский говорил о том, что «ему давно было известно» про Корниловщину, что к нему «приходили» и «предлагали»... — «Кто именно?» — спрашивали большевики. Ответить на это Керенский ничего, конечно, не мог, не разоблачив себя до конца...

В конце речи, раздраженный явной враждебностью большей части собрания, Керенский попробовал прибегнуть к горделивой осанке и к своему мифическому могуществу:

«— Когда я прихожу сюда, я забываю все условности положения, то место, которое занимаю, и говорю с вами, как человек. Но человека здесь не все понимают, и тогда я скажу вам тоном власти. Кто осмелится покушаться на свободу республики, кто осмелится занести

нож в спину русской армии, тот узнает власть Временного Правительства, правящего доверием всей страны»...

От «власти» остался к этому времени один только тон, к которому заведомо безрезультатно — мог прибегать «глава правительства»...

Основным вопросом Демократического Сопещения был вопрос о конституции власти. За коалицию или против?

Голосование этого вопроса дало никогда и нигде, кажется, еще невиданные результаты: за коалицию было подано 766 голосов, против коалиции — 688, воздержалось — 38 во главе с Черновым, который, несмотря на все напряжение своего ума, никак не мог решить этой задачи.

Казалось, решение ясно. Но тут попались поправки к этой резолюции, сыгравшие роль апельсиновых корок для «демократии».

Большинством 595 голосов против 483 при 72 воздержавшихся была принята поправка, исключаящая из коалиции кадетскую партию.

Резолюция в целом, естественно, принимала такой вид: коалиция, но без кадетов. Однако, когда в этой именно редакции резолюция была поставлена на баллотировку, то она оказалась... проваленной большинством 813 голосов против 180 при 80 воздержавшихся...

Положение стало безвыходным. «Спасли» его, конечно, все те же Дан, Церетели, Гоц. Они уговорили большинство передать решение этого вопроса тому представительному органу, который изберет Демократическое совещание и перед которым будет ответственно правительство.

Программой для правительства Сопещение приняло — подавляющим большинством или единогласно — следующие пункты (цитирую по Суханову, т. VI, стр. 142—143):

«1) программа 14 августа, как обязательная для правительства, с дополнением „активной внешней политики“ (напомню, что программа 14 августа — это те требования, которые оглашены были Чхеидзе на Московском Государственном Сопещании и под которыми подписались меньшевики, эс-эры, кооператоры и т. д. Д. С.); 2) ответственность перед предпарламентом;

3) поручение этому предпарламенту предпринять все необходимые шаги для организации власти; 4) организация предпарламента путем пропорционального представительства партий демократического совещания».

Всякий другой ощущал бы немалое затруднение при этих условиях формировать власть. Всякий другой... но не Керенский.

Совещание высказалось за коалицию, приняло поправку «без кадетов» и провалило в целом резолюцию: коалиция без кадетов. Как это истолковать?

Проф. Милюков, в 3 ч. тома I своей «Истории» пишет: «В вечернем заседании 19 сентября министры последовательно узнали, — сперва, что Совещание приняло большинством принцип коалиции, а затем, что вторым вотумом оно коалицию отвергло. Так как отвергнута была не вообще коалиция, а коалиция без кадетов, то возможно было считать первый вотум Совещания сохраняющим силу. В противном случае получался вывод, что у Совещания вообще нет никакого мнения о переустройстве власти» (стр. 53).

Но ведь Совещание приняло поправку: без кадетов! Ах, стоит ли говорить об этом! Всю эту историю можно истолковать, как угодно. Конечно, Керенский истолковал решение Совещания, как разрешающее ему пригласить в правительство кадетов и всех, кого он найдет нужным.

И сейчас же по телеграфным проводам полетели извещения с именами новых министров: Кишкин, Бурышкин, Коновалов, Третьяков...

Однако, московские промышленники не унимались. Они и тут были непримиримы. Они отказались войти в правительство, мотивируя свое нежелание — невозможностью быть ответственными ни перед кем, кроме «своего разума», — а тут требуют их ответственности перед предпарламентом!

Нужно было быть человеком со стальными нервами, чтобы непрестанно выдерживать такие трепки — то со стороны «демократии», решительно не желавшей (в отдельных пока случаях) идти за призывами Церетели и Гоца, то со стороны кадетов, то со стороны промышленников. Пройти среди всех этих огней и вывести государственный корабль в любезный Милюкову фарватер

мог во всем мире только один гениальный Керенский.

Промышленники указывают, что ответственность правительства перед предпарламентом является нарушением уже достигнутого соглашения с ними? . . .

Подождите! Посмотрите, во что обернутся все постановления «организованной демократии» . . .

На следующий день газеты сообщили, что правительство будет нести перед предпарламентом . . . моральную, а не юридическую ответственность. Ух, как камень с души свалился! Идем дальше.

22 сентября в Зимнем состоялось новое совещание правительства с «представителями демократии». Последними являлись: Чхеидзе, Церетели, Гоц, Авксентьев, Руднев, Шрейдер, кооператор Беркенгейм и учитель Душечкин.

Заседание открыл Керенский речью, в которой заявил: (Суханов, т. VI, стр. 162): «Решения Демократического Совещания не обязательны для него, как для общенациональной власти . . . Власть должна быть коалиционной . . . Правительство продолжает стоять на той точке зрения, что организация власти и пополнение состава правительства принадлежит ныне только Временному Правительству. Оно руководствуется программой, выработанной в его среде; выработка новых программ и деклараций — работа тщетная. Предпарламент не может иметь ни функций ни прав парламента, и правительство не может нести перед ним ответственности. Наоборот, организация предпарламента будет принадлежать правительству, которое и привлечет в его состав представителей разных классов . . . Буржуазия и демократия должны сплотиться для борьбы с анархией, от которой гибнет страна» . . .

Присутствовавшие промышленники и кадеты немедленно целиком присоединились к изложенной точке зрения Керенского.

«Любопытно, — говорили они, явно издеваясь, — что нам на все это скажут представители демократии? Ведь, кажется, между ними и Керенским целая пропасть! Керенский считает правительство единственным источником власти, а демократический съезд для создания власти прислал сюда правомочную делегацию. Керен-

ский заявил, что для общенационального правительства программа 14 августа не обязательна, а съезд поручил исходить из этой программы. Керенский рассматривает предпарламент, как совещание при правительстве, которое оно само для себя организует, а съезд принял резолюцию, согласно которой правительство ответственно перед предпарламентом... Тут пропасть, а не единение. Пусть граждане-демократы перебросят через нее мост, а потом будем разговаривать».

Набоков, который взял быка за рога от имени ЦК кадетской партии, спокойно ожидал постройки моста. В роли строителей выступили Церетели, Авксентьев, Беркенгейм, Прокопович, Никитин...

«— Конечно, — говорил „десятник“ Руднев, — Демократическое Совещание не имеет права создавать власть, ибо оно есть орган, выражающий политическое мнение демократии, а совсем не всенародную волю».

Главную балку для моста притащил «инженер» Церетели: дело не в том, чтобы в декларации правительства была непременно ссылка на программу 14 августа: достаточно, чтобы правительство осуществляло перечисленные там меры, — «меры, на осуществление которых понадобились бы не месяцы, а годы», — прибавляет Милюков (стр. 64).

Предпарламент — прибавал балку гвоздями Церетели — нужен для подготовки «психологии масс» к парламентаризму...

Набоков ответил, что с этой точки зрения предпарламент далеко уступает булыгинской Думе...

Дальше Церетели согласился и на то, чтобы предпарламент был создан самим правительством и чтобы оно не несло перед ним вовсе никакой ответственности.

Кадеты и промышленники попробовали ногой этот мост и признали его могущим выдержать их тяжеловесные персоны.

Достройка моста продолжалась на следующий день.

Газеты писали: «Принято о привлечении к продовольственному делу частного торгового аппарата», «исключено указание на государственное синдицирование промышленности», констатировано, что «налог на военную прибыль установлен в размерах, угрожающих самому существованию промышленности»... «признана

совершенно неприемлемой передача земель в руки местных комитетов»... «признало совершенно неприемлемым признание за народностями права на самоопределение»... «после возражений кадетов и промышленников представители демократии не сочли возможным требовать роспуска Государственной Думы»...

... «Вопрос о формальной ответственности был отвергнут почти без прений». Представители демократии настаивали на моральной ответственности, но промышленники категорически возражали против всякой ответственности: нельзя декретировать моральную ответственность! Представители демократии пошли на уступки. Н и к а к о й ответственности правительства перед парламентом не установлено»...

После этого «и представители цензовых элементов обнаружили максимум возможного для них примирительного настроения», — пишет Милюков, но, к сожалению, не указывает, да и не мог бы указать, в чем их «примирительное настроение» выразилось после того как им были сданы все позиции... «Конечно, Керенский говорил теперь то же — или почти то же, что и министры к.-д.; конечно, он искал поддержки у старого своего друга А. И. Коновалова, присоединившегося к партии к.-д. после своего ухода из министерства» — констатирует Милюков (стр. 67).

Правительство сформировано. Милюков повествует ныне, что Коновалов (заместитель Керенского в кабинете министров), Кишкин, Третьяков и Карташев получали директивы для своих действий в правительстве от ЦК партии к.-д., который делегировал для постоянных сношений с этими лицами своих членов: Набокова, Аджемова, Винавера и Милюкова.

А Керенский? «В лице Коновалова и Кишкина он имел личных друзей, которым доверял. Но оба эти министра воспользовались своим положением не для восстановления триумvirата... а для проведения общих взглядов и решений упомянутого кружка», — признается дальше Милюков. Т.-е. — для осуществления диктатуры партии к.-д.

«К нему в отдельных случаях примыкал (т.-е. к кружку) и М. И. Терещенко. А. Ф. Керенский... чувствовал себя теперь чуждым „революционной демокра-

тии", которая от него отвернулась... Ближнему кругу друзей давно было известно, что от моментов крайнего упадка энергии утром Керенский переходил во вторую половину дня в состояние крайнего возбуждения под влиянием медицинских средств, которые он принимал. Влияние Кишкина на Керенского, быть-может, имело одним из источников умелое обращение опытного и профессионального психиатра с пациентом», — сыплет дальше разоблачения Милюков... (стр. 78).

Как жаль, что мы этого не знали раньше! Необходимость вхождения Кишкина в правительство мотивировалась Керенским и его друзьями чем угодно, но не этим, быть-может, решающим обстоятельством. Если бы раньше было заявлено во всеобщее сведение, что Кишкин нужен, как опытный профессиональный психиатр для Керенского, то — кто знает? — возможно, что даже большевики не возражали бы против его присутствия возле психически больного адвоката!..

Итак, мост построен. Но прежде, чем открыть по нему движение, должна быть назначена экспертиза правильности постройки и его пригодности.

В роли экспертов выступили, естественно, партийные центры строителей власти: защитник пролетариата — центральный комитет с.-д. меньшевиков и выразитель интересов крестьянства — центральный комитет партии социалистов-революционеров.

Первый постановил: «Признавая основы соглашения, заключенные между демократией и цензовыми элементами, не вполне удовлетворительными и находя необходимым стремиться к изменению этих основ, как в смысле установления формальной ответственности правительства перед предпарламентом, так и в смысле более последовательного демократического осуществления отдельных пунктов программы, Ц. К. ... считает, что соглашение ... единственный выход из создавшегося положения».

Любой рабочий, прочитавший эту резолюцию, конечно, мог спокойно спать и не бояться диктатуры буржуазии: ведь у пролетариата есть такой блестящий, такой принципиальный, такой решительный и такой чистый классовый защитник! Правда, он начал за упо-

кой, а кончил за здравие, но... уж очень трудно создавшееся положение!..

Кроме того, Ц. К. меньшевиков, «учитывая роль с.-д. в рядах объединенной демократии в настоящий момент» и разрешая членам партии «в каждом отдельном случае» оставаться в составе правительства, «оставляет за собой право отзывать членов партии из правительства, когда Ц. К. признает пребывание их в правительстве несовместимым с интересами пролетариата»... Значит, все, что произошло, пока не вызывает никакого сомнения в пользе для интересов пролетариата!

Ц. К. социалистов-революционеров высказался следующим образом: «Полагая, что революционная власть должна быть построена на основе программы 14 августа и на ответственности власти перед демократическим советом, при чем в состав министерства могут войти отдельные представители, как революционной демократии, так и цензовых элементов, Ц. К. признает, что намеченные основы соглашения хотя и представляют некоторые отступления (до чего дипломатично! Д. С.) от указанных принципов формирования власти, тем не менее, при данных политических и хозяйственных условиях и международном положении страны, они должны быть приемлемы для партии с.-р.».

Но ведь всего неделю назад тот же Ц. К. партии с.-р. требовал однородного министерства и грозил Керенскому отозванием, если он пригласит в правительство к.-д.?

Да!.. Ничего не поделаешь!.. Знаете, политические и хозяйственные условия и международное положение страны...

Петроградский Совет, избравший в это время председателем своим т. Троцкого, заявил четко и ясно:

«Новое правительство войдет в историю революции, как правительство гражданской войны. Совет заявляет: правительству буржуазного всевластия и контр-революционного засилья мы, рабочие и гарнизон Петрограда, не окажем никакой поддержки. Мы выражаем твердую уверенность в том, что весть о новой власти встретит со стороны всей революционной демократии один ответ: в отставку!»!..

Керенский читал эти резолюции и усмехался. Про свою «опору» — эс-эров и меньшевиков — Керенский, вероятно, уже давно думал (если он вообще о чем-нибудь думал) так же, как Наполеон про сенат, как-то, если не изменяет мне память, выразившийся о нем в таких красочных словах: «Он всегда подлее, чем ожидаешь». Про большевиков... но Керенский очень не любил даже думать о большевиках, — это портило ему настроение. Он наивно все еще был уверен, что рабочий класс и крестьянство не потеряли доверия к Чхеидзе, Церетели, Гоцу, Дану и компании. Он не замечал того, что давно уже эти «вожди» остались без армии, что народные массы давно уже повернулись к ним спиной и ушли под ленинское знамя.

Керенский был чрезвычайно доволен. Его игра выиграна. Терещенко, Третьяков, Кишкин, Бурышкин и прочая и прочая — с ним в правительстве, вопреки всем постановлениям, резолюциям, совещаниям, протестам даже соглашательских организаций. Он захотел — и поставил на своем.

19. Конец Временного Правительства.

Если отрешиться от того, что в описании событий мы теперь подошли к октябрю 1917 г., если забыть все числа и помнить только создавшуюся обстановку, направление деятельности Временного Правительства и полнейшее нежелание его пойти навстречу насущнейшим нуждам трудового народа, продолжавшуюся войну, непосильную для России, атмосферу интриг и явного предательства, в которой очутились рабочий класс и крестьянство и которые они начали ясно понимать, то, скажите, кроме переворота, кроме ареста Временного Правительства и взятия власти теми, к кому склонилось полное доверие народных масс — большевиками — какой иной исход был возможен для спасения революции?

Теперь — это очевидно для всякого. Но это теперь, — когда все факты и документы этой эпохи налицо, когда мы можем заняться их неторопливым исследованием, когда над нами не висят штыки корниловцев, жажда власти Керенского, обман «социалистических» партий и их вождей, угроза нашествия войск Виль-

гельма, развал армии под влиянием голода и систематического предательства ее командного состава. Но тогда нужно было быть гением, чтобы в сумбурном хаосе событий ясно и четко предвидеть не только необходимость Октябрьской революции, но и гарантию ее успешного исхода. Таким гением был В. И. Ленин, преследуемый сыщиками Керенского, вынужденный скрываться, насильственно оторванный от рабочего класса и крестьянства, которым он служил, и из подполья дававший ясные и четкие директивы действий для осуществления власти Советов, обращавший пламенные призывы к колеблющимся...

Новое коалиционное правительство значительно отличалось от прежних. Чем же именно? — спросят меня. Для ответа на этот вопрос я лучше уступлю слово министру этого правительства Кишкину, так как лучше, чем он это сказал на съезде кадетской партии 14 октября, не скажешь:

«Среди самого правительства теперь еще можно сговориться, — что было так трудно, почти невозможно при прежних коалиционных правительствах... (Милюков, т. I, ч. 3, стр. 129).

О чем сговориться? Этого Кишкин не сказал, да и так совершенно ясно: ведь речь идет о сговоре Керенского, Никитина, Малянтовича и других «социалистов» с Кишкиным, Бурышкиным, Третьяковым и другими зубрами из кадетской и других — более правых — партий...

Появилась, конечно, на свет и «декларация». Суханов (т. VI, стр. 186) говорит, что декларацию составил Церетели и исправил биржевики. Вполне возможно. Привожу — по Суханову — ее основные пункты — в сравнении с прежними декларациями:

Вместо «мира без аннексий и контрибуций» нынче появился «дух демократических начал, возвещенных революцией». Вместо «усиления прямого обложения имущих классов» — «повышение существующих и введение новых косвенных налогов». Вместо «мысли о переходе земли в руки трудящихся» — упорядочение поземельных отношений и существующих форм землевладения». Вместо «государственной организации производства» — «широкое использование частного торго-

вого аппарата». Наконец, вместо «полного и безусловного доверия всего народа», как необходимого условия работы, — в новой декларации мы видим один только «долг присяги» и «принцип самодержавности»...

Какие из этих поправок принадлежат Церетели, а какие биржевикам, — определить невозможно.

Что происходило в это время в стране?

Во-первых, изголодавшиеся и не имевшие больше силы ждать железнодорожники объявили забастовку. Керенский не преминул пригрозить им бичами и скорпионами. Забастовка окончилась через два дня после обещания правительства осуществить немедленно давно обсужденные им самим и оставшиеся на бумаге меры к некоторому улучшению положения железнодорожников.

Во-вторых, крестьяне, терпение которых лопнуло, начали разрешать аграрный вопрос по-своему: «сожжено до 25 имений», «прибыл для подавления из Москвы отряд»... «уничтожаются леса и посевы», «для успокоения посланы войска»... «убытки исчисляются миллионами»... «идет поголовное истребление»... «погромное движение (против помещиков) разрастается, перекидываясь в другие уезды»... Такие сведения поступали из Кишинева, Саратова, Тамбова, Таганрога, Одессы, Житомира, Самары, Чернигова, Пензы, Нижнего-Новгорода, Воронежа, Киева... Вероятно, всюду уже успели прочитать утешительное для крестьян место декларации об «упорядочении существующих форм землевладения»...

Конечно, Временное Правительство постановило: «принять решительные меры, не останавливаясь перед...» (Суханов, стр. 212).

Прогремела история с «Туркестанским бунтом». Там солдаты взялись за борьбу с злоупотреблениями со стороны начальства, в результате которых они голодали. Конечно, местная власть ответила репрессиями. Местный Совет и его исполнительный комитет в большинстве состояли из товарищей Керенского по партии с.р. Даже этот Совет и исполнительный комитет после репрессий по отношению к солдатам арестовал местную власть... Окружающие города стали примыкать то к той, то к другой стороне.

Тогда за это дело взялся Керенский. Он отдал приказ о посылке в Туркестан карательного корпуса с артиллерией. «Ни в какие переговоры с мятежниками не вступать»... «в 24 часа»... «понесут наказание по всей строгости» и т. д. «Ну, еще бы, — пишет Суханов, в изложении которого я привожу эту историю, — ведь Туркестан — не Дон; Совет Рабочих и Солдатских Депутатов — не войсковой круг; ташкентцы подняли „мятеж“ и „отложились“ не как донские казаки, не под корниловскими лозунгами. А во главе движения стоит не Каледин, а... партийные товарищи министра-президента» (т. VI, стр. 215).

«Чистка» Ставки, для выполнения чего — по собственным заявлениям — ездил туда Керенский, конечно, оставила всех корниловцев на их местах — за исключением арестованных 5 человек. Могилевский Совет (Ставка была в Могилеве) писал: «Напрасно обольщаются те, кто верит Верховскому (военному министру). Ставка, за исключением арестованных главарей мятежа, находится доселе в неприкосновенности»...

Голодная армия воевать больше не могла. В Смольном усиленно говорили о нежелании Керенского открыть конференцию о целях войны и тем приблизить мир. Керенский сам почувствовал неловкость дальнейшего молчания правительства по этому вопросу... И, наконец, опубликовал имена представителей России на этой — неизвестно когда еще будущей — конференции. Дело мира было сдано в надежные руки. Бороться за мир Керенский посылал: корниловца Маклакова и... генерала Алексева. Последнего — как говорят — для защиты точки зрения революционной демократии...

Стоит ли продолжать дальше? Пожалуй, нет.

Заседал «предпарламент». Бесконечная говорильня, с участием всех звезд всех партий, за исключением большевиков, которые отказались принять в ней участие и ушли, правильно учтя, что время борьбы словами кончилось и наступает эпоха борьбы оружием.

Они принялись за организацию широких рабочих масс и войсковых частей. Симпатии пролетариата и армии были уже давно на их стороне. ЦК большевиков на тайных заседаниях, при деятельном участии и при

руководстве самого неумолимого т. Ленина, разрабатывал план восстания, выделял руководящий центр, создавал крепкие организации в войсковых частях, на фабриках и заводах. «Военно-революционный комитет» готовился сменить собою штаб Петроградского военного округа.

Штаб во главе с назначенным Керенским полковником Полковниковым делал все, что мог, для отражения предстоящего восстания, и напрасно Керенский впоследствии в брошюре «Гатчина» говорил, что «мы, члены правительства, слишком поздно узнали, что как сам Полковников, так и часть его штаба, вели в роковые дни двойную игру и примыкали как раз к той части офицерства, в планы которой входило свержение Временного Правительства руками гг. большевиков». Керенский не понял того, что в это время уже все население было против Временного Правительства, и защитить Керенского могли разве только немногочисленные части, которые, будучи корниловцами, считали большевиков «предателями», — но ведь они в то же самое время были и против Керенского!

Полковник Полковников мог рассчитывать только на них... за отсутствием каких бы то ни было других вооруженных частей... И он делал все, что мог. Тов. Антонов от имени военно-революционного комитета докладывал в Петроградском Совете 23 октября о принятых мерах: «Почти все части гарнизона уже признали власть комитета и его комиссаров. К комитету начали обращаться разные столичные учреждения... Через рабочих Кронверкского арсенала комитет узнал, что, по распоряжению штаба, из арсенала выдается значительное количество винтовок. Комитет послал в арсенал своего комиссара, который задержал 10 000 винтовок, предназначенных к отправлению в Новочеркасск... Комитет постановил, чтобы рабочие выдавали оружие со складов и заводов не иначе, как по его ордеру... Военно-революционный комитет не только осведомлен о мерах, которые правительство принимает на случай восстания, вызывая войска с фронта и из разных городов, но уже и принял со своей стороны меры: одна пехотная часть, направлявшаяся к Петрограду, задержана у Пскова, одна пехотная дивизия и два полка в Вендене

отказались идти на Петроград. Пока неизвестно, что произошло с отрядом юнкеров, вызванным из Киева, и с ударными батальонами»...

Так докладывал г. Антонов Совету, но многого он сказать не мог из-за соображений конспирации. Однако, и из сказанного ясно, что штаб не дремал, что полковник Полковников не сидел, сложа руки, и не его вина, если ни штыки, ни телеграф, ни железные дороги, ни телефоны уже не действовали в защиту Временного Правительства...

Еще 21 октября военно-революционный комитет послал своих комиссаров в штаб полковника Полковникова и потребовал, чтобы ни одно распоряжение штаба не выходило без контрассигновки комиссарами. Конечно, штаб отказал им в этом. Конечно, Керенский был возмущен «до глубины души». Однако, не в штабе уже было дело; суть была в том, что ни одна воинская часть — за исключением нескольких юнкерских училищ — не повиновалась уже больше правительству и распоряжениям штаба, а подчинялась приказам только военно-революционного комитета.

Керенский и Полковников издали приказ:

«В виду незаконных действий представителей Петроградского Совета, командированных в качестве комиссаров, частям, учреждениям и заведениям военного ведомства приказываю: 1) всех комиссаров Петроградского Совета впредь до утверждения их правительственным комиссаром округа отстранить, 2) о незаконных действиях произвести расследование для предания военному суду, 3) о всех незаконных действиях немедленно донести мне с указанием фамилий комиссаров».

А рано утром 24 октября Полковников послал нескольких юнкеров закрыть большевистские газеты «Рабочий Путь» и «Солдат».

Нет, Полковников действовал, и напрасно на него задним числом жалуется Керенский.

Правда, как раз в то время, когда юнкера подходили к редакциям газет с целью их закрытия, к Петрограду из Гельсингфорса тоже подходили... два миноносца, посланные Балтийским флотом... Их не звал никто, но прислали сами матросы под предлогом «приветствия» собиравшемуся всероссийскому съезду Советов. Луч-

шего приветствия тт. матросы, конечно, не могли и прислать...

Ночь на 24 октября Керенский провел в штабе, «организуя оборону» путем... писания приказов.

Он приказал всем владельцам автомобилей доставить их в распоряжение штаба под угрозой «всей строгости законов». Конечно, ни одного автомобиля штаб не получил, а, наоборот, число и тех, которые были в его распоряжении, загадочно уменьшилось... Керенский запретил всякие выступления «под страхом предания суду за вооруженный мятеж», приказал войскам не исполнять приказов, «исходящих от различных организаций». Потом — написал приказ со строжайшим приказом исполнять приказы штаба Петроградского округа, указав, что «при штабе находятся комиссары ЦИК и, поэтому, неисполнение приказов будет дезорганизацией и распылением революционного гарнизона»...

Проявив такую исключительную энергию, Керенский утром явился в заседание «Совета Республики» и выложил перед остолбеневшими и оторопевшими «представителями демократии» все свои соображения. Зачем? Он хотел, видите ли, перед принятием крутых, беспощадных мер против военно-революционного комитета, заручиться поддержкой и одобрением этого высокого демократического голоса страны.

Последнюю речь последнего премьер-министра приводить целиком нет никакой возможности. Ограничусь наиболее характерными выдержками по стенографическому отчету:

«Временное Правительство считает своей обязанностью охранять дарованные (кем? — Д. С.) каждому гражданину права и свободы, осуществлять свои политические и гражданские права и поэтому остается, повидимому, безучастным, несмотря на чрезвычайно резкие выступления, которые допускаются в печати, на митингах и собраниях. И в последнее время вся Россия и в особенности население столицы, были встревожены и крайне обеспокоены теми открытыми призывами к восстанию, которые делались безответственной, отколовшейся от революционной демократии частью этой демократии... Я позволю себе для того, чтобы никто не

мог упрекнуть Временное Правительство в возведении на какую-либо партию неправильного обвинения или злостного измышления, процитировать здесь наиболее определенные места из ряда прокламаций, которые помещались разыскиваемым, но скрывшимся государственным преступником Ульяновым-Лениным в газете „Рабочий Путь“... В ряде прокламаций под заглавием „Письма к товарищам“ данный государственный преступник... доказывал необходимость приступить к немедленному вооруженному восстанию... Такого же рода прокламации и воззвания, отягченные призывом к неисполнению боевых распоряжений и неподчинению военным властям, помещались и в другом органе этой партии, специально предназначенном для солдат и долженствовавшем уничтожить тлетворное влияние в солдатской среде органа ЦИК Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, в газете «Голос Солдата»... Одновременно начался ряд приготовлений к активным выступлениям... Итак, после такого ряда открытых подготовительных действий и пропаганды восстания данная группа, именующая себя большевиками (слог-то, слог! Прямо из обвинительных актов царизма! Д. С.), приступила к его выполнению... Хотя было наличие всех данных для того, чтобы приступить немедленно к решительным и энергичным мерам, власть считала надобным дать сначала этим людям возможность сознать свою сознательную или бессознательную ошибку и предоставила срок для того, чтобы, если это была ошибка, от нее можно было бы свободно отказаться... Я вообще предпочитаю, чтобы власть действовала более медленно, но зато более верно и в нужный момент более решительно... В настоящее время прошли все сроки, и мы того заявления, которое должно было бы быть в полках, не имеем, но имеется обратное явление, именно самовольная раздача патронов и оружия, а также вызов двух рот на помощь революционному штабу. Таким образом, я должен установить перед Временным Советом Российской Республики полное, ясное и определенное состояние известной части населения Петрограда, как состояние восстания... Мною предложено немедленно начать соответствующее судебное следствие и произвести соответствующие аресты»...

На левой стороне предпарламента поднимается сильнейший шум.

«Да слушайте же, — громко заявляет Керенский, — потому что в настоящее время, когда государство погибает, находится на краю гибели — Временное Правительство, и я в том числе, предпочитаем быть убитыми и уничтоженными, но жизнь, честь и независимость государства мы не предадим» . . .

Не прошло 48 часов, как Керенский — вовсе не желая быть «убитым и уничтоженным» — удрал из Зимнего дворца, предоставив Коновалову и прочим своим друзьям отстаивать «жизнь, честь и независимость» государства . . . в Петропавловской крепости.

Во время этой патетической речи Керенскому передали копию приказа Совета, только-что разосланного по полкам:

«Петроградскому Совету Солдатских и Рабочих Депутатов грозит опасность. Предписываю привести полк в боевую готовность и ждать дальнейшего распоряжения. Всякое промедление и неисполнение приказа будет считаться изменой революции. За председателя Подвойский. Секретарь Антонов».

Керенский огласил этот приказ и продолжал:

«Таким образом, в настоящее время существует состояние столицы, которое на языке судебной власти и закона именуется состоянием восстания . . . Граждане, я обращаюсь к вам и ко всему населению Российского государства не для того, чтобы призывать вас к обострению какой-либо войны, а чтобы призвать вас к бдительности . . . я пришел сюда с уверенностью, что Временное Правительство встретит единодушную поддержку не только Временного Совета Российской Республики, но и всего Российского государства . . . Временное Правительство в настоящее время с полным сознанием ответственности перед государством и будущим страны заявляет: в настоящее время те элементы русского общества, те группы и партии, которые осмелились поднять руку на свободную волю русского народа . . . подлежат решительной и окончательной ликвидации . . . Я прошу от имени страны — да простит мне Временный Совет Российской Республики — требую, чтобы сегодня же в этом дневном заседании Времен-

ное Правительство получило от вас ответ, может ли оно исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания».

Оглушительные аплодисменты «высокого собрания» проводили Керенского, который быстро вышел из заседания.

Я опустил в речи Керенского место, в котором он заявлял: «Большевики — та партия, которая обещает народу землю и мир. Но и Временное Правительство обсуждает как раз теперь (удивительное совпадение! Д. С.) в окончательной форме вопрос о передаче временно — до Учредительного Собрания — земель в распоряжение и управление земельных комитетов» (вопреки только-что опубликованной декларации! Д. С.) и «предполагало в ближайшие дни отправить свою делегацию на парижскую конференцию для того, чтобы там, согласно своих убеждений и программе, в числе прочих вопросов поставить вопрос и предложить вниманию союзников о необходимости решительно и точно определить задачи и цели войны, то-есть вопрос о мире».

Нужды нет, что Терещенко только-что произнес в том же Совете Республики от имени правительства речь, в которой ничего не говорил о мире. Ничего не значит, что английский посол официально заявил, что парижская конференция собирается вовсе не для того, чтобы решать вопрос об окончании войны, а — наоборот—о способах ее продолжения. Под влиянием страха восстания большевиков чего не скажешь!

Профессор Милюков останавливается на этих заявлениях Керенского и говорит (т. I, ч. 3, стр. 206):

«Эти заявления, очевидно, условленные с Центральным Исполнительным Комитетом Совета, имели в виду усилить последний и ослабить позиции большевиков в массах. В действительности они только лишали правительство в эту последнюю минуту определенной и ясной собственной позиции и отнимали у него последних заступников, на которых оно могло бы еще опираться...» (читайте: кадетов и торгово-промышленные круги! Д. С.).

«Уверенный в том, что представители народа до конца сознали всю исключительную тяжесть и ответственность положения, — пишет Керенский («Гатчина»,

стр. 3), — я, не ожидая результатов голосования Совета, вернулся в штаб к прерванной срочной работе, думая, что не пройдет и часа, как я получу сообщение о всех решениях и деловых начинаниях Совета Республики на помощь правительству. Ничего подобного не случилось. Совет, раздираемый внутренними распрями и непримиримыми разноречиями мнений, до позднего вечера не мог вынести никакого решения. Вожди всех антибольшевистских и демократических партий вместо того, чтобы спешно организовать свои силы для трудной борьбы с изменниками, весь этот день и весь вечер потеряли на бесполезные споры и ссоры».

«Никогда не забуду, — пишет дальше Керенский, — следующей, поистине исторической сцены. Полночь на 25 октября. В моем кабинете в перерыве заседания Временного Правительства происходит между мною и делегацией от социалистических групп Совета Республики достаточно бурное объяснение по поводу принятой, наконец, левым большинством Совета резолюции по поводу восстания, которую я требовал утром. Резолюция, уже никому тогда ненужная, бесконечно длинная, запутанная, обыкновенным смертным мало понятная, в существе своем, если не прямо отказала правительству в доверии и поддержке, то во всяком случае совершенно недвусмысленно отделяла левое большинство Совета Республики от правительства и его борьбы. Возмущенный, я заявил, что после такой резолюции правительство завтра же утром подаст в отставку... На эту мою взволнованную филиппику спокойно и рассудительно ответил Дан, тогда не только лидер меньшевиков, но и и. д. председателя ВЦИК... Дан заявил мне, что они осведомлены гораздо лучше меня и что я преувеличиваю события под влиянием сообщений моего „реакционного штаба“. Затем он сообщил, что неприятная „для самолюбия правительства“ резолюция большинства Совета Республики чрезвычайно полезна и существенна для „перелома настроения в массах“, что эффект ее уже сказывается, и что теперь влияние большевистской пропаганды будет „быстро падать“. С другой стороны, по его словам, сами большевики в переговорах с лидерами советского большинства изъявили готовность „подчиниться воле большинства Советов“, что

они „завтра же“ готовы предпринять все меры, чтобы потушить восстание, „вспыхнувшее“ помимо их желания, без их санкции. В заключение Дан упомянул, что большевики „завтра же“ (все завтра) распустят свой военный штаб, заявил мне, что все принятые мною меры к подавлению восстания только раздражают массы и что вообще я своим вмешательством лишь мешаю представителям большинства Советов успешно вести переговоры с большевиками о ликвидации восстания¹ . . . Для полноты картины нужно добавить, что как раз в то время, когда мне делалось это замечательное сообщение, вооруженные отряды Красной гвардии занимали одно за другим правительственные здания. А почти сейчас же по окончании этой беседы, на Миллионной улице по пути домой с заседания Временного Правительства был арестован министр исповеданий Карташев и отвезен в Смольный, куда отправились члены бывшей у меня делегации вести мирные переговоры с большевиками».

Успокаивал Керенского также и председатель Совета Республики Авксентьев, заявивший, что отсутствие выражения доверия правительству в резолюции произошло «по недосмотру» . . .

Явились к Керенскому и делегаты казачьих частей для переговоров об их участии в подавлении восстания. Керенский и с ними потерял не мало времени, а потом оказалось, что совет союза казачьих войск уже высказался за нейтралитет и рекомендовал казачьим частям не защищать правительство.

Бабушка-история начала ворожить рабочему классу уже задолго до 25 октября. Раздраженный на Керенского за историю с Корниловым «совет союза казачьих войск» отказался дать казачьи сотни против большевиков и призвал казаков к «нейтралитету». Вероятно, впоследствии не один из высокоумных политиков из этого

---

¹ В «Летописи Революции» (т. I, Берлин, 1923) Дан утверждает, что он предлагал: 1) обратиться к союзникам с требованием немедленно начать переговоры о мире, 2) распорядиться по телеграфу о передаче всех земель до Учр. Собрания земельным комитетам и 3) ускорить созыв Учредительного Собрания и упрекает Керенского, что он умалчивает об этом, тогда как на самом деле он заявил, что «правительство в посторонних советах не нуждается и само справится с восстанием» (стр. 173—175).

почтенного «совета союза казачьих войск» не раз хватал себя «за чупрыну» в бессильной злобе на объявленный ими нейтралитет. Ведь 24-го, 25-го и даже в последующие дни октября, быть-может, казачья буржуазия и могла бы еще сыграть контр-революционную роль удущения восставшего рабочего класса. Но — оскорбленная за Корнилова — уклонилась... А потом и хотела бы, но... ищи ветра в поле! Революция, начавшись в Петрограде, широкой волной разлилась по всей рабочей и крестьянской России, и остановить ее и победить не смогли не только наши отечественные казаки, но и первоклассные стратеги-генералы, и иностранный капитал, и всевозможных цветов войска, присланные им на подмогу Деникину, Колчаку и прочим «верховным» правителям и командующим...

Подготавливая восстание против Временного Правительства, большевики и шедший за ними рабочий класс Петрограда прикрывали свои истинные цели — оборонной против контр-революции. Тут они тоже получили неожиданную и для дающих и для берущих помощь от Дана, Чернова и руководящих эсэровско-меньшевистских кругов, как предпарламента, так и городской думы. Эти люди поверили в исключительно оборонительные цели большевиков, и мы видели в изложении Керенского, как талантливо успокаивал Дан «главу правительства», уверяя, что «завтра» большевики распустят военно-революционный комитет, предпримут все меры, чтобы потушить восстание и т. д. Об этой добровольческой помощи Дана восстанию, вероятно, тогда никто из большевиков даже не подозревал, — она явилась тоже подарком со стороны бабушки-истории тому классу, который впервые готовился взвалить на свои могучие плечи бремя государственной власти в измученной войной и дезорганизованной реакционными правителями стране... На пути к власти рабочий класс не отказывался, конечно, от возможности подъехать к Зимнему дворцу на ком угодно, вместо того, чтобы совершать свой трудный путь пешком.

Бабушка-история ворожила повсюду. Возьмите, например, статью А. Синегуба «Защита Зимнего дворца», опубликованную в томе 4-ом «Архива русской революции». Синегуб был адъютантом начальника юнкерской

школы, активно участвовавшей в защите Временного Правительства. Вот как рассказывает он про подготовку к выступлению школы «на позиции»:

«— ... Ну, бегу в роту, — говорил капитан. — Надо к пулеметам замки наладить. Эти прохвосты мало того, что ключи потеряли от склада, так что пришлось приказать взломать дверь, да еще замки с пулеметов снимали и куда-то запрятали»... (стр. 124).

«... Там все офицерство Петрограда соберется. Подумай, какая это красивая, сильная картина будет! Помнишь, я рассказывал, что, когда я 19-го числа ездил с докладом в Главный Штаб, то перед Зимним и перед Штабом стояли вереницы офицеров в очереди за получением револьверов?».

«— Ха, ха, ха, — перебил меня, разражаясь смехом, поручик. — «Ну и наивен же ты! Да ведь эти револьверы эти господа петербургские офицеры сейчас же по получении продавали! Да еще умудрялись по несколько раз получать, а потом бегали и справлялись, где это есть большевики, не купят ли они эту защиту Временного Правительства?»... (стр. 125).

На торжественном собрании, устроенном перед выступлением в поход против большевиков, говорят речи. Вдруг чей-то звонкий голос с балкона покрывает весь шум:

«Товарищи, солдаты нестроевой команды постановили соблюдать нейтралитет. А так как в этом собрании решается вопрос о братоубийстве, о борьбе за капитал против свободы рабочего трудящегося народа, против нашего защитника Владимира Ильича Ленина и, значит, образованного им настоящим народным правительством, то мы, члены комитета нестроевой команды, решили вас, господ, оставить одних. Нам с вами не по дороге»... (стр. 128).

«... К нам подошел какой-то офицер и стал возмущенно рассказывать о том, что сегодняшней ночью у петроградского коменданта из стола выкрали пароли и отзывы караулов петроградского гарнизона»... (стр. 138).

В распоряжении Временного Правительства были броневики. Стояли они в штабе округа и были в полной исправности.

«За два часа нашего отсутствия (из штаба), — пишет Керенский («Гатчина», стр. 12), — ничего не изменилось... Впрочем, нет, изменилось: — у блиндированных автомобилей „исчезли“ некоторые части, и они стали столь же полезны для обороны, как водовозные бочки»...

Так было повсюду. Конечно, совершенно невероятно было бы предполагать в это время у большевиков наличие столь стройной и дисциплинированной организации, запиравшей склады с оружием, способствовавшей исчезновению замков у пулеметов, «воровавшей» необходимые принадлежности у броневых автомобилей... Нет, это были партизанские действия массы, по своему разумению и своими способами стремившейся уменьшить сопротивление низвержению Временного Правительства.

Рано утром 25 октября большевики захватили центральную телефонную станцию и прервали телефонное сообщение Зимнего дворца и штаба. Матросы заняли помещение государственного банка. Были освобождены из тюрем содержащиеся еще там большевики. По Неве подымалась к городу целая флотилия военных судов из Кронштадта, во главе с крейсером «Аврора».

«В десятом часу утра, — рассказывает Милюков (стр. 222—223), — на дом к одевавшемуся В. Д. Набокову позвонили два офицера. Взволнованным тоном они сказали ему: „вы, вероятно, знаете, что началось восстание, почта, телеграф, арсенал, телефон, вокзалы захвачены; все главные пункты в руках большевиков; войска переходят на их сторону, сопротивления никакого, дело Временного Правительства проиграно. Наша задача — спасти Керенского, увезти его поскорее на автомобиле навстречу тем, верным Временному Правительству войскам, которые двигаются к Луге. Все наши моторы захвачены или испорчены“. Они просили Набокова достать им два „закрытых автомобиля“. Не получив просимого, они повторили попытку у секретаря американского посольства Уайтхауза»...

Керенский, конечно, не отказался от мысли выехать из Петрограда, оказавшегося в таком неприятном для него положении, чтобы «протолкнуть» в Петроград эшелоны, «застрявшие где-то у Гатчины», — как объясняет

сам Керенский. Он, конечно, давно забыл, что собирался «лечь костью» «за честь и свободу государства», о чем только-что говорил в предпарламенте.

Прочитайте внимательно описание отъезда Керенского в его собственном изложении. Здесь — в этих строках — он весь: рисующийся собою Хлестаков, квалифицированный фигляр, комедиант, полный, прежде всего, самолюбованием и безграничной наглостью:

«Я решил пробраться через все большевистские заставы... Прежде всего, для этого нужно было среди бела дня проехать через весь город, не возбуждая подозрения разбросанных повсюду большевистских войск и караулов Красной гвардии. Это было самым трудным... После некоторого размышления решили итти напролом: чтобы усыпить всякую осторожность, будем действовать с открытым забралом.

«Я приказал подать мой превосходный открытый дорожный автомобиль. Солдат-шофер был у меня отменно мужественный и верный человек. Один из адъютантов объяснил ему задачу. Он, ни секунды не колеблясь, ее принял. Как на зло, у машины не оказалось достаточного для долгого пути количества бензина и ни одной запасной шины. Предпочитаю лучше остаться без шин, чем долгими сборами обращать на себя внимание... Каким образом, не знаю, но весть о моем отъезде дошла до союзных посольств. В момент моего выезда ко мне являются представители английского и, насколько помню, американского посольства с заявлением, что представители союзных держав желали, чтобы со мной в дорогу пошел автомобиль под американским флагом... Я с благодарностью принял это предложение, как доказательство внимания союзников к русскому правительству и солидарности с ним».

Американский посол Давид Френсис в своей книге («Россия из окна американского посольства») рассказывает об этом эпизоде несколько иначе: «Секретарь Уайтхауз вбежал ко мне в сильном возбуждении и сказал мне, что за его автомобилем, на котором развивался американский флаг, следовал до его квартиры русский офицер, заявивший, что Керенскому этот автомобиль нужен для поездки на фронт. Уайтхауз и его шури́н барон Рамзай отправились с офицером в главный штаб,

чтобы проверить источник этого изумительного заявления. Там они нашли Керенского . . . Все были страшно возбуждены, и царствовал полный хаос. Керенский подтвердил заявление офицера, что ему нужен автомобиль Уайтхауза, чтобы ехать на фронт. Уайтхауз заявил: это мой собственный автомобиль, а у вас (он показал на Зимний дворец, по другую сторону площади) больше тридцати автомобилей ожидают у подъезда. Керенский отвечал: они ночью испорчены, и большевики распоряжаются всеми войсками в Петрограде, за исключением немногих, заявляющих о своем нейтралитете; они отказываются подчиняться моим приказаниям. Уайтхауз и Рамзай, посоветовавшись наспех, пришли к резонному заключению, что, так как автомобиль уже захвачен, они больше противиться не могут. Выйдя из штаба, Уайтхауз вспомнил об американском флаге и, вернувшись, сказал офицеру, что он должен снять флаг . . . Тот возражал, и после нескольких пререканий Уайтхаузу пришлось удовлетвориться протестом против того, чтобы Керенский пользовался флагом» (цитирую по Милюкову, т. I, ч. 3, стр. 223).

Из этих двух версий — не знаю, как читатели, — а я верю версии американского посланника, а не Керенского.

Продолжаю прерванный рассказ Керенского:

«Пожав в последний раз руку Кишкину, взявшему на себя на время моего отсутствия руководство обороной столицы (руководить, кажется, по словам самого Керенского, было уже нечем . . . Д. С.)—я с самым беззаботным видом сошел вместе со своими спутниками во двор штаба. Сели в автомобиль. Тут оказалась кстати американская шина: одному из офицеров не хватило у меня места, и он поехал отдельно, но с условием держаться от нас в городе со своим американским флагом на почтительном расстоянии. Наконец, мы пустились в путешествие. Вся привычная внешность моих ежедневных выездов была соблюдена до мелочей. Сел я, как всегда, на свое место—на правой стороне заднего сиденья в своем полувоенном костюме, к которому так привыкли население и войска. В самом начале Морской, у телефонной станции, мы проехали мимо первого большевистского караула. Потом у Астории, у Маринского

дворца — повсюду стояли патрули и отряды красных. Нечего и говорить, что вся улица — и прохожие и солдаты — сейчас же узнали меня. Военные вытягивались, как будто и впрямь ничего не случилось. Я отдавал честь, как всегда. Наверное секунду спустя моего проезда ни один из них не мог себе объяснить, как это случилось, что он не только пропустил этого „контр-революционера“, „врага народа“, но и отдал ему честь» . . .

«Приготавливая военные операции, — дальше пишет Керенский, — я, конечно, не взял на себя военно-технического руководства и назначил ген. Краснова главнокомандующим всеми вооруженными силами Петроградского района» (стр. 20).

Кто такой ген. Краснов — ясно из приведенных мною выше строк его «Воспоминаний». Конечно, под командой Краснова оказался . . . все тот же третий корпус . . .

Не могу удержаться, чтобы не привести еще несколько строк из Милюкова, характеризующих отношение ген. Краснова к Керенскому:

«Войтинский по секрету сообщил Краснову, что Керенский в Пскове и хочет его видеть. Скрепя сердце и подавляя в себе „гадливое отвращение“, генерал Краснов пошел по указанному адресу. Он шел «не к Керенскому, а к родине, которая не сумела найти вождя способнее» (стр. 243).

Опять казаки 3-го корпуса двинуты к Петрограду. Заняли Гатчину. Заняли без сопротивления Красное Село. Попробовали сунуться к самому Петрограду, но были разбиты у Пулкова и «отошли в исходное положение».

Казаки дрались нехотя. На них производило сильное впечатление отсутствие каких бы то ни было войск на стороне Керенского. Приходили к «верховному главнокомандующему», который показывал целый пук телеграмм о продвижении эшелонов. Но ни один эшелон так и не прибыл. Отсутствие их объяснялось, с одной стороны, нежеланием войсковых частей защищать Временное Правительство, а с другой — принятыми железнодорожниками мерами воспрепятствования всеми способами передвижению войск.

Генерал Шиллинг сообщал (цитирую по Милюкову, стр. 262): «По докладу командира 137-го пех. Нежин-

ского полка, корпусного комиссара, а также и начальника 35-ой дивизии выяснилось, что везде на станциях эшелонам чинились задержки, не давали паровозов и что в деле захвата власти большевиками весьма подлую роль сыграл Викжель» (Всероссийский Исполнительный Комитет союза железнодорожников).

Этот же Викжель вечером 30 октября прислал к Керенскому депутацию с ультимативным требованием под угрозой железнодорожной забастовки вступить в немедленные переговоры с большевиками о перемирии. Керенский спросил мнения на этот счет у генерала Краснова. Краснов посоветовал «для выигрыша времени» начать переговоры, мотивируя это тем, что, узнав об этом, казаки успокоятся, а тем временем подойдут подкрепления...

Агитация среди казаков шла во-всю и давала благоприятные результаты. 31 октября, например, 9-ый Донской полк отказался выставить караулы и не взял ружейных патронов, заявив, что не желает братоубийственной войны.

Керенский — после долгого обсуждения предложения Викжеля — согласился начать переговоры о перемирии. Слухи об этом распространились среди казаков. Полковой комитет 9-го Донского полка прислал 31 октября к Краснову депутацию с просьбой всего полка «арестовать Керенского, как изменника и предателя, вовлекшего их в авантюру». Краснов убедил этого не делать, но казаки, опасаясь, что Керенский убежит, приставили к нему своего представителя «для наблюдения».

Утром на следующий день вернулись казачьи парламентареры из Красного Села, посланные для переговоров о перемирии, вместе с матросской делегацией с т. Дыбенко во главе. Тов. Дыбенко, по словам Краснова, «очаровал в несколько минут не только казаков, но и многих офицеров». Начались переговоры о выдаче Керенского.

Краснов пришел к Керенскому и осведомил его о положении дел.

Краснов рассказывает:

«Я застал Керенского нервно шагающим по диагонали средней комнаты своей квартиры и в сильном волнении. Когда я вошел к нему, он остановился против

меня, почти вплотную ко мне, и сказал взволнованным голосом:—генерал, вы меня предали. Ваши казаки определенно говорят, что они меня арестуют и выдадут матросам.

«— Да, — отвечал я, — разговоры об этом идут, и я знаю, что ни сочувствия ни веры в вас нет нигде.

«— Но и офицеры говорят то же?

«— Да. Офицеры особенно настроены против вас.

«— Что же мне делать? Остается одно: покончить с собой.

«— Если вы честный человек и любите Россию, вы поедете сейчас, днем, на автомобиле с белым флагом в Петроград, явитесь в революционный комитет, где переговорите, как глава правительства.

«А. Ф. задумался; потом, пристально глядя мне в глаза, сказал:

«— Да, я это сделаю, генерал.

«— Я вам дам охрану и попрошу, чтобы с вами на автомобиле поехал матрос.

«— Нет, — быстро возразил Керенский. — Только не матрос. Вы знаете, что здесь Дыбенко?

«Я ответил, что не знаю, кто такой Дыбенко.

«— Это мой политический враг, — сказал мне Керенский.

«— Что же делать! — отвечал я. — У человека, занимающего столь высокое место, естественно, есть друзья и враги. Вам приходится теперь дать ответ во многом; но если ваша совесть чиста, Россия, которая так любит вас, поддержит вас, и вы доведете ее до Учредительного Собрания.

«— Хорошо, я уеду ночью, — сказал, немного подумавши, Керенский.

«— Я не советую вам делать так, — возразил я ему. — Это будет походить на бегство. Поезжайте спокойно и открыто, как глава правительства.

«— Хорошо, только дайте мне надежный конвой».

Вместо этого Керенский бежал, воспользовавшись указанным ему одним из слуг дворца потайным ходом и пройдя переодетым среди казаков, матросов и солдат через весь двор.

Через несколько дней военно-революционному комитету удалось перехватить любопытный разговор по пря-

тому проводу представителя петербургского совета союза казачьих войск с киевским казачьим съездом:

«Передайте Каледину, что необходимо захватить всю волжскую флотилию сверху и снизу и подчинить себе все войска Кубани и Терека с туземным корпусом. Керенский в критический момент выбыл в неизвестном направлении. Пусть казачество не связывает свою судьбу с этим проходимцем. В тылу он потерял всякое влияние. Взять его к себе, конечно, надо как поживу для известного сорта рыбы. Правительство должно быть организовано в Новочеркасске, в контакте с московскими общественными деятелями. Это — объективная логика событий» (Суханов, т. VII, стр. 277).

Удивительная прозорливость! Керенский, действительно, появился в стане ген. Каледина на Дону в самом конце 1917 года, но там признали его совершенно негодным даже в виде приманки «для известного сорта рыбы» . . .

Керенский канул в вечность. Не стоит труда останавливаться на его заграничных попытках задушить Октябрьскую революцию, не стоит рассказывать о тесном союзе с Милюковым, князем Львовым и прочими его друзьями. Самовлюбленный адвокат выкинут был на поверхность взбушевавшегося революционного моря, поблестел всеми цветами радуги на солнце и лопнул при первом порыве бури Октябрьской революции.

Мне хочется закончить выпиской из дневника генерала Верховского, бывшего военным министром в кабинете Керенского перед концом Временного Правительства. Дневник этот был издан под заглавием «Россия на Голгофе» в Петрограде в 1918 году.

3 ноября 1917 года генерал Верховский писал (стр. 139):

«Сегодня я говорил случайно с несколькими делегатами, прибывшими только-что из перевыбранного армейского комитета: все большевики. Говоря о происшедшем, я указал им на главную опасность, по моему мнению, от захвата власти большевиками, — это переход управления в руки людей, совершенно незнакомых с делом. От незнания могут быть сделаны ошибки не-

поправимые. Не зная меня, не зная, с кем они говорят, они ответили фразой, отражающей, как мне кажется, настроение широких масс:

«— Довольно нас водили знающие за нос восемь месяцев, да ничего не сделали. Теперь попробуем сами своими рабочими руками свое дело сделать, плохо ли, хорошо, а как-нибудь выйдем».

Верно сказано, товарищи,—хочется ответить теперь, когда советская власть вышла непоколебимой из всех многолетних беспримерных испытаний. Разве не вышло?

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
1. Революционер с... шестилетнего возраста	5
2. Керенский — депутат IV Государств. Думы	7
3. Керенский в феврале 1917 г.	12
4. Керенский министр	18
5. У великого князя Михаила Александровича	23
6. Первое Временное Правительство (2 марта—6 мая 1917 г.).	25
7. Чем объяснить?	31
8. Керенский — военный и морской министр	33
9. Правительство реакции под председательством Керенского	42
10. Еще одна коалиция	49
11. Контр-революция готовится	52
12. Заговор Керенского и Корнилова	56
13. Заговор расширяется	66
14. Государственное Сопещание	70
15. Выступление Корнилова	73
16. Ликвидация Корниловщины	83
17. Гениальность Керенского становится прямо невыносимой.	94
18. Если Керенский захочет, — так поставит на своем . . .	104
19. Конец Временного Правительства	113

Рабочее Издательство „ПРИБОЙ“

Ленинград, ул. Герцена, 15.   Телефон. 217-79
Москва, Лубянский пассаж, 46—49. Тел. 2-24-09

- Гапон, А. — История моей жизни. Стр. 184. Ц. 75 к.
Мстиславский, С. — Гибель царизма. Ц. 70 к.
Родзянко, М. — Крушение империи. С предисл. и примечан.
С. Пионтковского (печатается).
Сверчков, Д. — Три метеора (Г. Гапон, Г. Носарь, А. Керенский). Стр. 252. Ц. 1 р. 60 к.
Станкевич, В. Б. — Воспоминания 1914—1919 гг. Стр. 193.
Ц. 1 р. 25 к.
Шульгин, В. — Дни. Со вступит. статьей и пояснит. примеч.
С. Пионтковского („Библиотека для всех“ № 288—296).
Стр. 281. Ц. 45 к.
Шульгин, В. — 1920 г. Очерки. С предисловием и примечан.
С. Пионтковского („Библиотека для всех“ № 297—306).
Стр. 296. Ц. 50 к.
- Бабушкин, И. — Воспоминания (1893—1900 гг.). Стр. 191.
Ц. 1 р. 10 к.
Березовский, Ф. — Таежные застрельщики. Очерки революционной борьбы 1905 г. (Истпарт). Стр. 134. Ц. 1 р.
Беренштам, Вл. — В тисках ссылки. Стр. 148. Ц. 60 к.
Воробьев, В. — Перед рассветом. (Воспоминания). Стр. 169.
Ц. 60 к.
Ильин-Женевский, А. Ф. — От февраля к захвату власти (печатается).
Лепешинский, П. Н. — На повороте. От конца 80-х годов к 1905 г.
Стр. 245. Ц. 1 р.
Минян, С. — Город-боец. Шесть диктатур 1917 г. (Воспоминания о работе в Царицыне). Стр. 248. Ц. 1 р. 40 к.
Михайлов, Яков. — Из жизни рабочего. Воспоминания члена Петербургского Совета Рабочих Депутатов 1905 г. (Лен. Истпарт). Стр. 88. Ц. 40 к.
Орлов, К. — Жизнь рабочего-революционера. Стр. 37. Ц. 20 к.
Петровский, Д. — Арест. Стр. 30. Ц. 15 к.
Пирейко, А. — В тылу и на фронте империалистической войны. Воспоминания рядового. (Истпарт). Стр. 68. Ц. 45 к.
Пятницкий, О. — Записки большевика. (Воспоминания 1896—1917 гг.). Стр. 193. Ц. 1 р.
Сандомирский, Г. — В неволе. Очерки и воспоминания. Стр. 187.
Ц. 1 р. 25 к.
Цветков-Просвещенский, А. — В годы реакции и нового под'ема (1907—1914 гг.). Стр. 118. Ц. 1 р.
Шаповалов, А. — На пути к марксизму. Записки рабочего революционера. В 3 частях. Стр. 270. Ц. 1 р. 60 к.

ЦЕНА 80 КОП.

ТОРГСЕКТОР ИЗД-ВА «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД, УЛИЦА ГЕРЦЕНА,
ДОМ № 15. ТЕЛЕФОНЫ: 217-79, 217-78.
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:
ЛУБЯНСК. ПАСС., 48—49. Т. 2-24-09.
ОТДЕЛЕНИЯ: В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ,
ХАРЬКОВЕ, КИЕВЕ, СВЕРДЛОВСКЕ
НОВГОРОДЕ, ЧЕРЕПОВЦЕ И В
УЕЗДНЫХ ГОРОДАХ ЛЕНИН-
ГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ
